



КАТЕРИНА ЗАБАЛОЦКАЯ

ЛЮБИМАЯ

ДЛЯ БЕССМЕРТНОГО

Мечтаете встретить красавчика, который уведет вас в лучшую жизнь?

Мечтайте осторожнее! У меня вот сбылось! Явился, представился богом, наплел о таинственном магическом мире, а потом самым наглым образом выкрал.

И вот, я — в другом мире, участница программы адаптации попаданцев. Меня даже устроили на работу. И куда? В швейную мастерскую, плевать, что я шить не умею. Ждут появления магического дара. Но у меня его нет! И вообще, попала я сюда по ошибке!

Теперь мне предстоит поднять производство, не вляпаться в отношения со своим же красавчиком-похитителем и понять, почему все решили, что я его невеста.

Что значит, он сам так сказал?!



Катерина Заблоцкая
Любимая для бессмертного



Первое, что я увидела, открыв двери своей квартиры — синие глаза.

Первое, что сделала — завизжала.

Нет, благо, синие глаза были при хозяине, а не лежали где-то отдельно на столике. Их обладателем оказался мужчина — если говорить точнее, то потрясающе красивый мужчина. А если еще более точно, то мужчина незнакомый. Я видела его впервые в жизни, и в любой другой ситуации наверняка заинтересовалась бы его личностью.

Но он стоял в коридоре моей квартиры, опершись о мой комод, а я жила в квартире одна! И впустить его сюда было ровным счетом некому, потому что я сама только что вернулась домой после тяжелого рабочего дня.

— Привет, — улыбнулся мне незнакомец, и дверь захлопнулась, нагло втолкнув меня в квартиру. — Ты — Анна?

Я выдала нечто среднее между «помогите» и «пошел вон» и вжалась спиной в дверь. Щелчок замка ясно указывал на то, что просто так выбраться мне отсюда не получится. Кричать захотелось пуще прежнего, вот только взгляд незнакомца явственно доказывал, что это ничем мне не поможет.

— На квартире — глушитель, — подтвердил мои предположения незнакомец. — Но не пугайся. Я с добрыми намерениями.

— С д-добрыми намерениями, — простучала зубами я, — в квартиры не врываются без стука! С д-добрыми намерениями в дверь стучат!

Улыбка, коснувшаяся губ мужчины, не сулила мне ровным счетом ничего хорошего. Для надежности я попыталась нащупать в сумочке перцовый баллончик и мысленно возблагодарила себя за то, что вообще думала о безопасности заранее.

— Я стучал, — честно сообщил мне мужчина. — Но мне, к сожалению, не открыли. Потому я вынужден был прибегнуть к экстренным мерам.

Я с удвоенным усердием попыталась добыть из сумки перцовый баллончик. К сожалению, закон подлости работал, как часы, сумка превратилась в бездонную, и я не то что нащупать — даже заглянув внутри, ничего найти не смогла бы!

Незнакомец наконец-то отодрал свою спину от моего зеркала, которое доселе полировал дорогушей рубашкой, и перешел в наступление. Я пискнула от страха. Планов на то, чтобы быть задушенной или убитой в собственной квартире, у меня не было. Я вообще-то намеревалась жить долго и счастливо, даже если пока что со второй половиной не клеилось.

— Н-не подходите!

Он послушно остановился в метре от меня.

— Как вы сюда попали?

Пальцы наконец-то нащупали металлический бок баллончика, и мне стало немного легче. Я подумала, что, возможно, все не так плохо. Теперь бы открыть дверь... Благо, изнутри у меня была не замочная скважина, а обыкновенная защелка, так что я велела себе сосредоточиться и продолжать разговор.

— Телепортировался, — пояснил мне мужчина.

Я поперхнулась. Красавчик как-то виновато улыбнулся и пояснил:

— Я из другого мира, Анна. Того, в котором вы родились. И пришел вас, чтобы забрать

вас туда.

Сектант какой-то, что ли?!

Где-то на задворках сознания промелькнула чисто женская глупая мысль: жалко, такой красивый, а такую ересь несет. Не то чтобы мне была большая разница, попасть в руки красивого маньяка или страшного, а эстетизм убийства — вообще не то, что чаще всего интересует жертву, но вдруг меня все-таки не убивать пришли?

— Анна, не пугайтесь. Я правда не желаю вам зла, — мягко промолвил незнакомец. Голос у него тоже был что надо, такой себе вкрадчивый, бархатный баритон. Таким голосом как раз заманивать наивных дурочек к себе в секту, чтобы потом произвести какое-то ритуальное жертвоприношение.

Еще и говорит, что телепортировался. Это ж как? Через окно залез, наверное. Странно, что костюм на нем так идеально сидит... Или, может, своровал запасной комплект ключей и просто вошел через дверь? Да, этот вариант самый правдоподобный.

— Я не хочу, чтобы меня куда-либо забирали, — прошептала я. — Мне этот мир тоже по душе!

— Всем нам трудно менять привычное место обитания, — согласился незнакомец. — Но, поверьте, это гораздо лучше смерти.

— С-с-смерти?

— Мир стремится к балансу, — терпеливо пояснил он. — Вы потеряли работу, расстались с парнем...

Я посерела. Откуда ему знать-то?!

— Ваш дядя умер, — припечатал меня к двери незнакомец, — еще три месяца назад — последняя ваша связь с этим миром. Анна, вам все равно нечего терять.

Я шмыгнула носом.

— Кроме своей жизни, — продолжил он. — А я предлагаю вам переместиться в родной мир. Вы не будете брошены на произвол судьбы. Программа адаптации попаданцев идет полным ходом, и множество ваших братьев и сестер по несчастью уже обрели свое счастье. К тому же, по нашим данным у вас может быть дар...

— Нет у меня никакого дара! — взвизгнула я. — А вы кто вообще?! Наверное, один из... Кому вы там молитесь?

— Мы молимся времени, Анна, — с улыбкой пояснил незнакомец. — А управляю им я. Обычно начальство в моем лице сидит в душном кабинете, но вы проигнорировали первые пять предложений о переходе. Теперь вы уже в моем ведомстве, так что...

Пять предложений? Ну, да, ко мне лезли какие-то сумасшедшие, предлагали счастье в другом мире и работу в «труднодоступном месте», но чтобы вот так?

— Ваш двойник уже полностью готов к переходу, — продолжил синеглазый. — Так что прекратите упираться, Анна. Мне бы не хотелось применять силу.

— Ага, — хмыкнула я.

И, подумав, что терять мне все равно уже нечего, выхватила перцовый баллончик и брызнула незнакомцу прямо в его красивущие синие глаза. А потом, быстро открыв дверь, вылетела в подъезд и помчалась прочь, надеясь, что смогу спастись бегством.

Сейчас бы к людям!

Я помчалась вниз по кривоватым, давно нуждающимся в ремонте ступенькам подъезда, перескакивая через одну-две, туда, где ждала заветная дверь. Хоть бы не заклинила, как она любила это в последнее время делать!

Незнакомец за мной вроде бы не мчался. Не сказать, что за топотом моих ног можно было различить чьи-либо шаги, но, когда я замерла на мгновение, в подъезде воцарилась тишина. Воодушевленная этим, я понадеялась, что преследователь доселе протирает глаза и пытается отойти от перцового баллончика, и продолжила свой путь. Вдохновленная своим успехом в побеге, я миновала последний лестничный пролет, на всей скорости полетела к подъездной двери...

И врзалась в кого-то.

Конечно, я собиралась отскочить в сторону, но не успела. Крепкие мужские руки схватили меня и буквально швырнули в стену. Я ожидала боли, но падать было недалеко, а незнакомец, кажется, просто хотел лишиться меня возможности сбежать, но не собирался ломать мне спину. Он вдавил меня в стену подъезда, и в полумраке я различила уже знакомые черты лица.

Дверь этажом выше распахнулась. Я отчаянно дернулась, пытаюсь высвободиться, открыла рот, чтобы закричать, но мужчина зажал мне рот ладонью.

— Опять темно в подъезде, — пробормотала соседка, тетя Инна. — Опять свет не включили...

С лестничной клетки второго этажа она вряд ли могла увидеть меня, зажатую в угол практически у самого входа. Но я, все еще надеясь на манну небесную, попыталась высвободиться, позвать кого-нибудь на помощь.

Тщетно. Меня держали так крепко, что вывернуться не было ни единого шанса.

Тетя Инна щелкнула выключателем у себя у двери, и в подъезде загорелся свет. Лампочка, конечно, периодически мигала и трещала, но даже в таком неверном свечении я легко опознала того самого незнакомца, которому брызнула в лицо из перцового баллончика.

Я испуганно замычала. Как он успел меня обогнать? Это физически невозможно! Но это точно он — те же синющие глаза, те же темные волосы...

Ну, или это его брат-близнец, и в мире есть два потрясающих красавчика, к сожалению всех местных женщин, записавшихся не в манекенщики, а в маньяки.

Но, судя по тому, как он болезненно щурит глаза, это был все тот же.

— Анна, не бойтесь, — прошептал он мне на ухо. — Я не собираюсь причинять вам вреда. Я хочу вам помочь. Даже после того, как вы попытались меня ослепить, я все еще хочу вам помочь.

Мое протестующее мычание было расценено правильно.

— Я не сектант. Разве сектанты умеют колдовать?

— М-у-у-уу!

— Я не собираюсь вас насилловать и грабить, — повторил мужчина. — Вы серьезно полагаете, что для того, чтобы получить девушку, мне нужно прибегать к силе?

— Му!

— Я понимаю, что вы не знаете, что за бред творится в моей голове, и маньяки тоже бывают красивыми, — терпеливо промолвил он. — Но я совершенно ничего дурного против вас не замышляю. Клянусь. Я не маньяк. У меня даже нет при себе оружия.

Пытаясь вспомнить, что там болтали в онлайн-рекламе курсов самообороны — и почему я только на них не записалась?! — я велела себе успокоиться и перестала дернуться.

— Пообещайте, что не будете кричать, — промолвил незнакомец. — И мы спокойно поговорим. Например, у вас в квартире. Хорошо? Просто спокойно поговорим.

Я осторожно кивнула. Конечно, подсознание вопило, что мне надо бы вырваться и броситься прочь, но я уже раз попыталась это сделать. И добром дело не кончилось, он все равно меня поймал. Так что кричи, не кричи... Да и кто пойдет меня спасать?

Тетя Инна?!

— Обещаете не кричать?

Я кивнула. Что толку кричать? Вот если бы я смогла вырваться и убежать прочь, тогда да, тогда шансы есть. А так...

— Хорошо, — вздохнул он. — Тогда я сейчас уберу руку. И мы пойдем к вам в квартиру. Ладно?

В квартире, если что, есть нож и сковородка. По крайней мере, я смогу чем-нибудь защититься. Всяко лучше, чем в засаленном подъезде.

— Ладно, — выдохнула я, когда он наконец-то отнял ладонь от моего рта.

Кажется, мужчина был доволен достигнутым успехом. Он осторожно отстранился и, все еще крепко обнимая меня за талию, потянул меня следом.

— Предупреждаю сразу, — прошептала я, — денег у меня нет! Сманивать меня в вашу секту совершенно бесполезно! И никакие кредитные договора я не подписывала. Вы коллектор?

— Нет, — вздохнул мужчина. — Я не коллектор. Вообще-то, меня зовут Рене.

— Аня, — представилась я, хотя он и так знал мое имя.

Он довел меня до моей же квартиры, закрыл за нами дверь на защелку — вот же зараза, — потер глаза, которые явно еще жгли, хоть и куда меньше, чем полагалось после перцового баллончика, и промолвил:

— Только не пугайтесь.

Я и не успела — прежде чем я осознала, что он вообще сказал, мужчина втолкнул меня в гостиную. Легонько так втолкнул, бережно, без признаков насилия.

Впрочем, это не помогло — я и так взвизгнула, отпрыгнула назад.

Потому что на моем диване сидела моя копия.

Незнакомая девушка была похожа на меня, как две капли воды. Среднего роста, с каштановыми чуть вьющимися волосами, зеленоглазая. И фигура у нее была такая же, как у меня, разве что незнакомка оказалась на пару килограммов худее.

Но если б я не ленилась и добралась-таки после праздников до спортзала, а еще не заедала расставание с парнем пиццей и тортом, наверное, была бы такая же.

Одета она оказалась, правда, в платье, которого я никогда в жизни не видела — какое-нибудь свое. Оно показалось мне несколько старомодным, хотя, мода ведь циклична? В любом случае, эту девушку можно было без сомнений назвать моей сестрой-близняшкой.

Но я четко знала, что была одна в семье!

— Кто это? — охнула я. — Кто вы? Что вы здесь делаете?

— Это Анна, — представил мне незнакомку Рене, все еще протирая глаза.

— Но Анна — это я!

— Да, и вы тоже, — покорно согласился он. — Понимаете ли, мы из параллельного мира.

— Что?!

— И нас подменили в детстве, — это уже произнесла та самая моя копия.

Голос у нее был таким же, как и у меня, только чуть звонче — ну, правильно, она ж не кричала, как сумасшедшая!

— При рождении, если быть точнее, — продолжила Анна-два. — Понимаете ли, существуют параллельные миры и... Господин Хранитель, вы, наверное, лучше способны об этом рассказать?

— Наши миры — что-то вроде зеркальных отражений друг друга, — кивнул Рене. — Люди их населяют примерно одни и те же, хотя с остальными разумными расами дела обстоят несколько иначе. Мы — двойники. Миры существуют на равных условиях, и, в целом, у нас развитие подобное вашему, только у нас есть магия, а у вас ее нет.

Магия?!

— Что за бред? — выдохнула я.

— В мирах существует такое понятие, как баланс, — продолжил Рене. — Понимаете ли, хоть мы и схожи внешне с нашими двойниками и носим такие же или почти такие имена, судьбы у нас разные. Потому, когда людей меняют местами, они могут натворить в чужом мире такого, что баланс рухнет. Потому баланс стремится к восстановлению. Моя предшественница была несколько непорядочной — она нарочно расшатывала баланс и подпитывалась из нее магией. К счастью, она погибла, и я теперь занимаюсь тем, что восстанавливаю все, убираю последствия ее вмешательства.

Я задрожала. Это звучало, если честно, безумно.

— Вы с Анной — двойники. В детстве вас подменили; вас отправили в этот мир, а ее оставили в нашем. Однако, вы обе обладаете достаточно сильной аурой, потому миры уже начинают вас отторгать. Я поговорил с Анной, и она предпочла счастливую жизнь в новом мире, а не скорую смерть в старом. Я надеюсь, что вы поступите таким же образом.

— Это невозможно, — покачала головой я. — Параллельные миры, двойники... Да вы, должно быть, какой-то сумасшедший! Такого просто не может быть!

— Но оно есть, — пожал плечами Рене. — И я предлагаю вам не сопротивляться, а перейти со мной в ваш мир. Там вам помогут адаптироваться. Собственно, вы займете место вашего двойника и постепенно втянетесь в местную жизнь. Разумеется, к вам будет приставлен куратор, который проследит за тем, чтобы с вами не случилось ничего дурного.

Я попяtilась. Это звучало просто безумно! Какой-то непонятный мужчина является в мой дом и вот так легко предлагает мне перебраться в другой мир! Но ведь я еще не совсем слетела с катушек, чтобы действительно на такое пойти!

— Нет, — покачала головой я. — Нет, нет и еще раз нет! Убирайтесь прочь из моего дома! Я не собираюсь перебираться ни в какие другие миры! Вон!

Рене взглянул на меня с сожалением.

— Боюсь, если вы не согласитесь на добровольное перемещение, мне придется переместить вас силой. Ради вашего же блага, разумеется.

Я вжалась в стену.

— Вы не посмеете!

— Послушайте, — вмешалась Анна-два. — Если вы не согласитесь, мы погибнем обе! Я не хочу умирать. Думаю, вы тоже. Господин Хранитель говорит чистую правду. Вам лучше совершить переход мирно. В конце концов, на это уже пошло довольно много людей, и они сейчас счастливы!

— Да, — кивнул Рене. — Моя сестра тоже из перемещенных. И у нее сейчас замечательная семья. Так что вам нечего бояться, Анна.

Нечего?! Ко мне в дом ввалился посторонний мужик — да, красивый, но это нисколько не исправило ситуацию! — и не менее посторонняя моя копия, они утверждают,

что я в этом мире чужая и должна куда-то там переместиться... И что мне теперь? Сплясать от радости, что они снизошли перетащить меня в другой мир?

— Убирайтесь, — прошипела я. — Убирайтесь, и меня не интересуют все эти сказки!

— К сожалению, — промолвил Рене, — я не могу уйти без вас. Два двойника не могут существовать в одном мире очень долго. Это может привести к коллапсу.

— Тогда пусть она уходит!

Но я поняла, что это невозможно, еще до того, как мужчина сообщил мне об этом. Достаточно было только одного взгляда на Анну-два, чтобы понять, что она никуда не уйдет и явно намерена поселиться в этом доме.

Мужчина вскинул руки. Его ладони и вправду засветились, как у настоящего мага. Я подумала, что, может быть, он распылил какой-то галлюциноген или воспользовался неизвестными мне фокусами, но от этого легче не стало.

Воздух в комнате раскалился. Я пыталась отыскать спасения в той самой стене, в которую так отчаянно вжималась, но и она внезапно решила меня подвести...

И просто растаяла.

Я почувствовала, что падаю. Привычный мир вокруг поплыл, все пошло пятнами, и единственное, что осталось четким, это чертов Рене, или как там его звали. Он сделал шаг ко мне, решительно обнял за талию и притянул к себе. Я попыталась вырваться, уперлась ладонями ему в грудь, но тщетно. Мужчина держал крепко.

— Не бойтесь, — прошептал он. — Вам понравится в нашем мире. Гарантирую.

— Не надо мне никакого мира! — воскликнула я, но слова потонули в нарастающем шуме.

Вокруг меня мелькали стены, дома, облака. Я зажмурилась, уткнулась носом в грудь своему похитителю и мысленно поклялась, что, как только все это закончится, задущу его голыми руками. Как можно просто так взять и перетащить человека в другой мир, не интересуясь ни его мнением, ни тем, хочет ли он куда-то там путешествовать! Я же не животное, не растение, чтобы меня вот так выдергивали из почвы и пересаживали в горшок!

Однако, все мои возмущения так и оказались невысказанными. Когда я открыла глаза, рядом не было ни привычных квартирных стен, ни Анны, только стоял этот самый Рене. Само помещение тоже вызывало подозрения, если сказать честно.

Огромное, заложенное какими-то тюками, оно куда больше напоминало мне склад, чем жилой дом. Впрочем, вполне возможно, так оно и было.

Зато я сразу обнаружила дверь, и она — о чудо! — была открыта!

Недолго думая, я оттолкнула мужчину прочь и бросилась к выходу. Куда б меня ни затащили под действием какого-то странного средства, наверное, наркотиков, я должна воспользоваться возможностью сбежать! И чем скорее, тем лучше!

За дверью, к сожалению, оказалась не оживленная улица, а всего лишь уводящие куда-то вверх ступеньки. Но я не спешила отчаиваться.

— Анна, погодите! — воскликнул мужчина, бросаясь за мной. — Вы еще не можете!..

Я решительно захлопнула дверь. Пусть остается там, внутри! Кем бы ни был этот сумасшедший, мне лучше держаться от него подальше.

Мужчина был силен, однако, мне удалось подпереть дверь вовремя подвернувшейся под руку шваброй. Конечно, этого ненадолго хватит, но хотя бы минута форы у меня будет!

Я бросилась вверх по ступенькам. Они были куда ровнее и целее, чем те, что у меня в подъезде, и это немного прибавляло оптимизма. Значит, это не какой-нибудь заброшенный

склад, и наверху, возможно, есть люди. Уж они-то мне помогут!

Главное, чтобы их было много. При толпе этот маньяк, кем бы он ни был, не решится напасть. Наверное. И он же не может быть магом — магии-то не существует! Просто какой-то фокусник, не более того...

Я добежала до широкого коридора и вдруг осознала, что совершенно не знаю, куда идти дальше. Коридор оказался гораздо длиннее, чем я могла себе предположить, и как будто закручивался по спирали. Я завертела головой, пытаюсь понять, в какую сторону бежать, чтобы отыскать выход, и внезапно обнаружила, что не одна. Из-за поворота вышла еще одна женщина, тучная, большая и весьма устрашающая на вид. Но уж не страшнее того незнакомца, который меня приволок! Я уже открыла было рот, чтобы спросить у нее, куда мне бежать, и попросить о помощи, но не успела проронить ни слова. Женщина наконец-то заприметила меня — и реакция ее была отнюдь не положительной.

— Анна! Так вот куда ты делась, поганка! — почти прорычала она, сжимая руки в кулаки. — Ну, я тебе сейчас покажу!

Я попятилась. Женщина наступала на меня с такой уверенностью, что даже запертый в подвале, или что то было за помещение, Рене казался не настолько страшным. Незнакомка едва не метала молнии из глаз. И она меня явно узнала.

Меня — или моего двойника?

— Простите, но вы кто? — осторожно уточнила я, отступая. — И что вам от меня нужно?

— Ах ты мерзавка! Ты еще будешь спрашивать, кто я! — воскликнула женщина. — Да тебя убить мало, дрянь! Я сейчас...

Я обернулась, но бежать было некуда. Женщина загнала меня в угол, а теперь надвигалась с невероятной решительностью, крепко сжимая руки в кулаки. Она явно собиралась ударить — у меня в этом не было никаких сомнений! — и я малодушно зажмурилась, не в силах выдержать ее буквально пронзающий меня насквозь взгляд.

Однако, прошла минута, а удара все так и не было. Я осторожно приоткрыла один глаз, потом второй и увидела перед собой широкую мужскую спину. Это был все тот же Рене, правда, теперь заметно присыпанный пылью. Он стоял, раздраженно скрестив руки на груди, и внимательно смотрел на атаковавшую меня незнакомку.

— Прочь уйди! Дай мне разобраться с девкой! — гневно велела ему та мерзкая бабища — назвать ее иными словами я просто не могла.

Вблизи женщина оказалась катастрофически неприятной. Полная, вся какая-то круглая, как шарик, она была обладательницей маленьких поросячьих глазок и огромных, будто вареники, губ. Из ее большого рта оскорбления вырывались с такой легкостью, словно ее именно для этого и родили.

Жаба жабой.

А еще она излучала опасность. Я кожей это чувствовала.

— Я настоятельно советую вам оставить девушку в покое, — ледяным голосом проронил Рене.

Что ж, надо сказать, со мной он говорил куда более мягко.

— А ты тут кто? Ишь, раскомандовался! За нее деньги плочено!

— Деньги? — охнула я.

Это куда ж я попала? Меня что, уже продают, как живой товар? Этого только не хватало!

Впрочем, у Рене явно возник аналогичный вопрос.

— Деньги, говорите? — мрачно поинтересовался он. — Кто я такой? Что ж... — он расстегнул одну пуговицу своей рубашки и достал что-то из-за шивороты, продемонстрировал это бабище. — Так понятнее?

Из-за спины Рене было не особо хорошо видно, но я все равно заметила, как позеленела моя преследовательница. Что б там ни показал мужчина, оно явно сбило с нее спесь. Женщина попятилась, осенила его каким-то знаком, смутно напомнившим мне христианский крест, и пробормотала:

— Что же вы, господин Хранитель, да не представились! Давно вы здесь? Ох, да мы бы по высшему разряду вас обслужили... Что эта мерзавка успела наговорить? Ох, ох!..

Что б ни наговорила «мерзавка», это точно была не я. Наверное, речь шла о моей предшественнице. Рене говорил, что в моем мире меня постигали неудачи из-за баланса, и до меня вдруг дошло, что это же касалось и моего двойника. Если предположить, что параллельные миры действительно существуют, той, другой Анне тоже явно жилось несладко.

— Эта мерзавка, как вы выражаетесь, не сказала ровным счетом ничего, кроме правды, — вкрадчиво промолвил Рене. — И как это вы собрались меня здесь обслуживать? Что тут, уважаемая, находится?

Бабища попятилась. Теперь она уже не зеленела, а, наоборот, приобрела эдакий бордовый оттенок. Было видно, что она с трудом перебирала ногами и, если б могла, бросилась бы отсюда прочь.

Рене она явно боялась. Я выглянула у него из-за спины, пытаюсь понять, что такого страшного мужчина продемонстрировал этой бабе, но обнаружила лишь крохотные песочные часы.

— Что находится? — переспросила она. — Да как же... Швейный цех, господин Хранитель! Разумеется, швейный цех! И мои, э-э-э, швеи всегда рады новым, э-э-э, клиентам...

— Ага, — язвительно подтвердил Рене. — Безгранично рады. А кто ж платил деньги за Анну, что вы требуете ее себе обратно?

— Дак ведь... О зарплате я! Аванс ей выдали, а она не отработала, — женщина сделала еще один крохотный шаг назад. — Ничего такого! Ничего из того, о чем вы могли подумать?

— А о чем я мог подумать?

— Да откуда ж мне знать, что творится в вашей светлой голове? — пискнула баба. — Ну я это... того... пошла?

— Ага, — утвердительно кивнул Рене. — Идите-идите. Хорошего дня.

Женщина хихикнула, надо сказать, премерзко, и наконец-то удалилась, оставив нас вдвоем. Рене повернулся ко мне и серьезно спросил:

— Ну теперь-то ты понимаешь, почему не следовало от меня убежать?

Я испуганно кивнула. Да уж, теперь у меня по этому поводу не осталось никаких сомнений.

— И что это за место? — тихо спросила я. — Это что, тот самый параллельный мир? Меня притащили сюда, чтобы отдать в рабство?!

— Тебя — нет, — серьезно промолвил Рене. — А вот твою предшественницу действительно продали в рабство.

Продали! Час от часу не легче.

— И теперь, — с замиранием сердца прошептала я, молясь о том, чтобы Рене не только внешне не соответствовал образу работорговца, а и действительно им не был, — я — чья-то рабыня? Вместо нее?

— Разумеется, нет, — рассмеялся мужчина. — В этом мире нет рабства. И если кто-то считает, что имеет право вот так распорядиться чужой жизнью, то он будет осужден. Можешь не волноваться: ты свободная девушка. Получишь нормальную, законную работу...

Я вздохнула. Надеюсь, бордели здесь не узаконены?

— Не связанную ни с какими постыдными услугами, — закончил Рене. — И не надо ни в чем таком меня подозревать! Я похож на сутенера?!

— Ты — нет. Она — да, — мрачно промолвила я, кивая в направлении, куда умчалась

та самая противная бабушка.

— Ну, о ней будет отдельный разговор, — покачал головой мужчина. — Но сейчас не об этом. Я думаю, для начала стоит отсюда уйти.

С этим я точно не собиралась спорить. Рене предложил мне руку, и я охотно оперлась о его ладонь. После столкновения с той пугающей незнакомкой я была готова делать что угодно, лишь бы уйти отсюда поскорее! И если этот Хранитель, зачем-то притащивший меня в свой мир, был готов меня защищать, то я буду идиоткой, если не воспользуюсь его помощью.

Впрочем, я и так вела себя не слишком адекватно — и до сих пор дрожала от страха. Только теперь я обнаружила, как от внезапной нагрузки и незапланированных бегов подкашивались ноги. А Рене, словно не понимая этого, решительно шагнул вперед.

За каждым углом мне мерещилась все та же женщина, и я, стараясь не отставать, клещом вцепилась в руку Рене. После очередного поворота — коридор напоминал лабиринт и никак не хотел заканчиваться, — я наконец-то решила нарушить тишину и тихонько промолвила:

— Так про магию, про другие миры — это все было честно?

— Да, — легко ответил Рене. — К сожалению или к счастью, тебе не соврали. Ты родилась в этом мире, в тебе течет местная кровь, более того, в тебе явно есть магический дар. Слишком уж активно мир начал выпихивать из привычного места обитания вторую Анну, словно привлекал к ней мое внимание. Или стремился убить ее поскорее.

— Так может, это она какая-то особенная, не я.

— Может быть, — согласился мужчина. — Однако, я не отвечаю за тот мир. Зато я отвечаю за то, чтобы поддерживать баланс в своем и возвращать сюда тех людей, которых моя предшественница отправила в параллельный мир. Подменила. По сути, я просто стараюсь исправить все то, что она наделала.

Я молча внимала его голосу. Пока мы шли по коридору, нам не встретился ни один живой человек, и это, если честно, меня поражало. Такое огромное здание, и тут никого нет!

Когда мы наконец-то вышли на улицу, я немного приободрилась. Дышалось здесь гораздо легче, а самое главное, не было давящих на голову коридоров. Зато здесь я наконец-то увидела, что у Рене сильно покраснели глаза, и он изредка поднимал руку, чтобы потереть их. Да, постаралась я, конечно, со своим перцовым баллончиком... Он и так легко отделался — может, успел прикрыть лицо, а может, воспользовался магией?

Поверить в существование чего-либо сверхъестественного мне не удавалось. Я все пыталась найти какое-то адекватное объяснение, но...

Я-то все равно оказалась в непонятном месте, с непонятными людьми. Как? Объяснить это с помощью логики не удавалось.

— Что теперь со мной будет? — поинтересовалась я.

Мы спустились по ступенькам с крыльца и остановились посреди широкой, асфальтированной дороги. Здание, нависавшее надо мной, выглядело мрачно и пугающе, но на поверку оказалось не таким уж и большим, как я могла подумать. Рене обернулся на него, скривился и осенил каким-то странным знаком.

— Я же уже говорил. Программа адаптации попаданцев. К тебе прикрепят куратора, он поможет тебе устроиться в этом мире. Работа, жилье... Понемногу привыкнешь.

— А кто будет моим куратором? Вы?

Он как-то едва заметно поморщился.

— Ну, — проронил он, — не то чтобы это входило в список моих обязанностей... — мужчина еще раз взглянул на меня. — Но да, возможно, это буду я. Куратор — не моя профессия, но... Посмотрим. И обращайся ко мне на «ты», хорошо?

— Хорошо... А кто ты? — не удержавшись, спросила я. — Ну, про Хранителя Времени я уже поняла. А конкретнее? Это что-то вроде верховного жреца здесь? Священника? Как это понимать?

— Можно сказать и так, — уклончиво ответил Рене.

— Можно. А как нужно?

Он скривился. А потом нехотя промолвил:

— Я бессмертный, управляю временем и стерегу в этом мире баланс. Вот. Не условно бессмертный, — он отвел взгляд. — Взаправду бессмертный.

Замечательно. Молодец, Анька! Только ты могла при первом же знакомстве брызнуть из перцового баллончика в глаза местному богу!

— Наверное, — переступив с ноги на ногу, промолвила я, — я несколько перегнула палку в наших разговорах. И с перцовым баллончиком тоже. Глаза бы промыть...

— Это было мило. Обычно, когда я предлагаю женщинам сменить мир их обитания, они идут за мной с большей радостью, — весело подмигнул мне Рене. — Не беспокойся, с моими глазами все будет в порядке. Магии хватит на то, чтобы исцелиться. И нам пора, — он подал мне руку.

На сей раз я послушно уцепилась в его ладонь. Сбегать смысла не было; этот дурной сон не спешил заканчиваться, и я вроде как даже втянулась в него и поняла, по каким правилам существует столь странный мир.

Мы одновременно сделали шаг вперед. Контуры мира вновь поплыли, но на сей раз переход был куда менее травмирующим. Я зажмурилась, а когда открыла глаза, поняла, что мы находимся в каком-то длинном светлом коридоре. Благо, без поворотов и лабиринтов.

— Это мой, как бы это по-вашему, офис, — спокойно пояснил Рене, опережая мои вопросы. — Я работаю вон там, — он указал на маячившую далеко впереди дверь, — здесь есть и другие службы и порталный переход в Канцелярию, но туда тебе пока, хм, рановато... Сейчас оформим программу твоей адаптации. Правда, у меня мало времени. Проклятые нелегалы...

— Какие нелегалы? — переспросила я.

Но мужчина, кажется, даже не услышал мой вопрос, он только уверенно повел меня по коридору.

— Проходи, — Рене приоткрыл передо мной дверь и позволил первой зайти в кабинет. — Располагайся. Может быть, чаю, кофе?

Сам он задержался у зеркала, очевидно, чтобы проверить, все ли в порядке с глазами, а потом устало опустился в кресло. Про чай и кофе, кажется, забыл; впрочем, я так ничего и не попросила, если честно, постеснявшись и решив, что как-нибудь переживу и без этого.

— Заполни анкету, пожалуйста, — попросил меня Рене и моментально вручил какой-то бланк. — Потом решим вопрос с твоим куратором.

Сам он повернулся к какому-то устройству, смутно напоминающему мне аналог ноутбука, и быстро застучал пальцами по сенсорной панели. На экране вспыхнуло нечто подобное объемной, трехмерной модели, но я поспешила отвести взгляд. Рене стремительно вносил какие-то изменения в систему, что-то отмечал про себя, и я велела себе заняться анкетой.

— Проклятье, — пробормотал мужчина, явно пытаясь привлечь к себе внимание. Впрочем, кому я лгу — я и так о нем думала, а Рене просто занимался своей работой! — Ну, и что мне теперь с этим делать?

— Что-то не так?

— Нет-нет. Не волнуйся, это к тебе не относится, — покачал головой мужчина, однако прозвучало не то чтобы слишком убедительно. — Не отвлекайся от анкеты.

— Хорошо, — кивнула я, намереваясь выполнить его требование.

Однако, вписывая информацию в нужные графы, я с ужасом обнаружила, что с интересом поглядываю на собственного похитителя. Невероятно! Он утащил меня из родного дома, привел в непонятный мир, рассказал какую-то пугающую сказку о балансе и о собственном бессмертии, а я люблю на него украдкой и не могу избавиться от ощущения, что никогда не встречала мужчины красивее!

Впрочем, это было правдой. Хоть Рене и выглядел очень уставшим, он все равно казался мне невообразимо привлекательным. Отличная фигура, глаза эти синющие...

Я мотнула головой и вперила взгляд в бланк. Нет уж, не надо мне сейчас о нем думать! Лучше займусь делом и наконец-то заполню анкету. Потому что ни к чему хорошему восторги такими мужчинами не приводят. Еще не хватало в него влюбиться.

В бессмертного!

Я быстро вписала необходимые данные в соответствующие поля бланка и передала анкету Рене. Он протянул руку за листом бумаги, но почему-то вместо этого коснулся моей ладони, и мы так и замерли, почти что держась за руки.

Не знаю, сколько бы еще длился этот интимный момент, если б внезапно не распахнулась дверь в кабинет. Я дернулась, пытаясь убрать руку, Рене словно попытался меня придержать, но потом с неохотой отпустил.

Он перевел взгляд на того, кто нарушил наш покой, и сердито скривился. Было видно, что мужчина крайне недоволен вторжением; в синих глазах вспыхнул гнев.

— Томас, — холодно проронил Рене, — когда ты наконец-то научишься стучать, прежде чем заходить?

— Так вы ж звали! — возразил застывший уже посреди кабинета курчавый паренек лет восемнадцати, не больше.

Впрочем, я не могла ни в чем быть уверена. Рене тоже выглядел лет на двадцать пять-тридцать, а ему, возможно, уже три тысячи сколько-то там!

— То, что я просил тебя зайти, не означает, что можно вот так врываться в мой кабинет, — сухо произнес мужчина. — Нет, не убегай, погоди. Томас, у нас новая переселенка. Займись ею, отправь в распределительный отдел... Анна, жилье у тебя есть, а вот работу выбрать помогут. Финансы на первое время тоже выделяют, разумеется, и с разбором особенностей мира.

— Найти ей куратора? — пренебрежительно поинтересовался Томас, говоря обо мне так, словно я была собачонкой.

Рене поднялся со своего места, вышел из-за стола и подошел к парню. Тот встряхнул пшеничного оттенка курчавыми волосами, втянул голову в плечи. Рене оказался сантиметров на пятнадцать выше своего подчиненного, но отнюдь не это сыграло главную роль и пугало незадачливого Тома больше всего.

— Нет, куратора Анне искать не нужно. Я займусь ее делом лично, — холодно промолвил он.

— Но...

— Лично, — с нажимом повторил Рене, а потом тихо что-то добавил.

Томас, доселе цветущий и довольный жизнью, моментально позеленел.

— Понял вас! — отозвался Том. — Все будет сделано по высшему разряду! Все как прикажете, господин Хранитель! Госпожа Анна? Позвольте вас проводить?

Я с удивлением уставилась на него, но поднялась со своего стула. Конечно, все вокруг становилось еще более загадочным, но работа мне нужна, да и адаптироваться тоже не помешает, а этот паренек, кажется, должен был мне в чем-то помочь?

Удивительно, но он взирал на меня с таким ужасом, словно я тоже была богиней, минутой назад снизошедшей с небес. Я понятия не имела, что могло вызвать у него подобную реакцию, но даже расправила плечи и старалась не показывать, что на самом деле боюсь.

Парень решительно шагнул вперед, и я старалась от него не отставать. Он не проронил ни слова, не пытался познакомиться, не спрашивал, кто я такая, и это, пожалуй, было странно, но задавать лишние вопросы я все-таки не стала. Вместо этого шла за ним, пока мы не остановились у чьего-то кабинета.

На двери красовалась небольшая табличка с золотистым отливом. Черные буквы на ней вещали: «Распределение по рабочим местам. Программа адаптации переселенцев между мирами».

Кучерявый паренек, выделенный мне в сопроводители, поспешил открыть передо мной, пропустил вперед, а сам быстренько юркнул следом.

Я практически сразу напоролась на строгий взгляд неизвестной мне женщины. Ей было уже лет пятьдесят, и в целом она выглядела достаточно важно — так, словно выполняла какую-то невероятно сложную работу, которую кроме нее никто потянуть не мог. Полноватая, но не слишком, в очках, она смотрела на меня, поджав губы, и от такого пристального внимания мне стало не по себе.

— Зачем пожаловали? — поинтересовалась она.

— Переселенка это, госпожа Эмилия, — сообщил паренек. — Господин Рене попросил ее привести к вам.

— Сил нет с этими переселенцами, — проворчала женщина. — Тех устрой, тех размести. Квартиру выдай, инструкцию перескажи. А они потом, неблагодарные, еще и жалуются, что мы плохо работаем... Кого ты мне опять привел? — она повернулась к парню, что должен был меня сопровождать. — Куда ее устроить?

Он воровато огляделся, окинул меня выразительным взглядом и, наклонившись, что-то нашептал женщине на ухо. Госпожа Эмилия, еще секунду назад выражавшая ярчайшее неодобрение, внезапно расплылась в фальшивой улыбке.

— Присаживайтесь, моя дорогая, — проворковала она. — Том! Немедленно помоги госпоже Анне присесть.

Откуда только имя узнала?

Том, тот самый кучерявый сопровождающий, не заставил себя долго ждать. Он быстренько отодвинул стул и едва не под руку подвел меня к нему. Я удивленно взглянула на парня, пытаясь отыскать след издевки во взгляде, но он в своей почтительности был совершенно серьезен.

Мне, признаться, стало страшно. Я никак не могла избавиться от мысли, что эти двое задумали некое коварство. Но куда уж хуже! Я до сих пор не могла поверить в то, что попала в параллельный мир, а они хотят сказать, что это еще не все? Что еще мне светит?

— Ну, раз такая почтенная особа оказалась у меня на распределении, — слащаво промолвила госпожа Эмилия, — то как я могу выбрать какую-то недостойную должность?.. Том, были какие-то дополнительные распоряжения от господина Рене?

Парень отрицательно покачал головой.

Я заикнулась было, что Рене просто не успел ничего сказать — его ведь отвлекли важные дела! — но кто б меня слушал. Женщина принялась перебирать документы, но при виде каждого из них недовольно кривилась и отрицательно качала головой.

— Нет, нет, нет, — бормотала она, откладывая один лист бумаги за другим. — Нет! Надо посмотреть из свеженького! О, посмотрите-ка. Еще сегодня утром, буквально несколько часов назад, был выявлен нелегальный швейный цех. Теперь будет служить на пользу государству. И надо же, у него сейчас нет руководителя!

Я нахмурилась. Единственное, что ассоциировалось у меня со словом «швейный цех» — это темное здание, из которого меня увел Рене. Погодите-ка...

— Госпожа Анна, вот мы и подобрали для вас отличную вакансию. Вы возглавите швейный цех и займетесь его легализацией! — радостно уведомила меня Эмилия.

— Что? — выпала в осадок я. — Швейный цех? Легализацией? Но я не умею... Я...

— Кому, как не вам, этим заняться? — с притворной ласковостью проворковала женщина. — Нет-нет, Анна, это я могу доверить только вам. Такая достойная леди!

Я удивленно повернулась к Тому, но он выглядел также: льстиво улыбался и все отводил глаза.

Что здесь, в конце концов, происходит?

Но прежде, чем я успела озвучить этот вопрос, госпожа Эмилия уже успела проштамповать какую-то бумажку и с неподдельно гордым видом всучила ее мне. Я дрожащими руками взяла листок, пробежалась взглядом по его содержанию и побледнела.

Глава швейного цеха! Я! Но ведь я совершенно не знаю, что делать!

— Сегодня вы переночуете в нашем специальном зале для адаптации, чтобы избежать возможных последствий в виде головокружения и тошноты, — гордо отчитался Том. — А завтра утром я провожу вас на работу. Пойдемте! Я провожу вас в восстанавливающий кабинет.

Мне не оставалось ничего, кроме как слепо подчиниться.

Открыв глаза, я долго пыталась понять, где нахожусь. Завтра после работы я шла домой, но у меня дома не было такого слепяще-белого потолка. Где тогда, спрашивается, паук, к которому я так уже привыкла, что не убирала его паутину на моей люстре?

Собственно, не было не только паука, но и самой люстры. Вместо этого нашлось что-то похожее на узкие полоски светодиодных ламп, или как там они назывались. Я никогда особо не разбиралась в оптике, но четко знала, что такого у меня дома не было. Его там просто некуда повесить.

Я перевернулась на бок и узрела какого-то кудрявого паренька. Он стоял с подносом в руках, вытянувшись, словно на плацу перед генералом, и улыбался так, что у меня аж руки зачесались посильнее ему врезать. Лыбился, словно только что узрел схождение богов с небес.

— Рад, что вы проснулись, госпожа Анна, — заявил он таким слащавым голосом, что мне захотелось запустить в него чем-нибудь. — Я принес вам завтрак. Господин Рене сказал, что сегодня утром, к сожалению, не может к вам присоединиться, но он обязательно постарается найти свободное время вечером. Я буду выполнять мелкие поручения, а он займется вашей адаптацией в целом!

Я зажмурилась, чувствуя настоящую атаку воспоминаний на собственную голову. Ох, господи!.. Вспомнилось все — и параллельные миры, попытки уверить меня в том, что они существуют, и двойник, девушка, похожая на меня, как две капли воды...

И Рене, тот самый потрясающий красавец, которому я умудрилась брызнуть в лицо из перцового баллончика, а потом узнала, что он тут что-то вроде местного бога, и вообще, лучше было бы на него не нападать, если я не хочу проблем.

Очевидно, я все еще находилась в комнате для восстановления, куда меня отправили вчера вечером спать. Я вырубилась, стоило только лечь, хотя предложили мне нечто вроде стола, без подушки и без одеяла. И чувствовала себя отлично отдохнувшей, хотя, по всей логике, спать здесь было неудобно. Вероятно, и здесь поучаствовала магия.

Интересно, она и вправду существует? Или это какие-то сверхвысокие технологии? Или, может быть, технологии, завязанные на магии?

Я села, свесив ноги со своего стола-кровати, и глянула на лучезарного, довольного, как слон, Тома. Что его так сильно порадовало? Непонятно...

— Ваш завтрак, — довольно доложил он уже во второй раз, установив поднос на мой стол, на самый краешек, словно тот мог провалиться.

Еда выглядела аппетитно, но нахлынувшие воспоминания не давали мне покоя.

— Мне бы умыться, принять душ, — попросила я.

— Душевая кабина там, — указал пальцем он на практически незаметную дверцу. — Там будет запасная одежда!

Это радовало. А вот то, что Том так и остался стоять на месте, совсем нет.

— Может быть, — осторожно уточнила я, — ты все-таки выйдешь, м?

— Зачем? — удивился парень.

— Ну, мне неловко. Я там принимаю душ, а тут стоит незнакомый мужчина. Это как-то не по этикету...

Томас моментально испугался, словно я только что пересказала ему какой-то ужасный ритуал жертвоприношения.

— Ой, я же ничего такого! Разумеется, я выйду, госпожа Анна! Позовите меня, когда будете готовы! Я буду ждать под дверью!

Он еще постоял немного, потом вспомнил, что от него все-таки требовалось выйти, и выскользнул за дверь, оставив меня одну. Я тяжело вздохнула, решив, что лучше не буду комментировать, что думаю обо всем этом. Сумасшедший какой-то!

Впрочем, возможно, это я уже поехала мозгами. Было бы неудивительно, если б я сейчас пришла в себя в сумасшедшем доме. Между прочим, более логичный вариант, чем оказаться в параллельном мире, еще и участницей программы адаптации попаданцев. Спасибо хоть никакого принца на белом коне нет, да и мир на средневековый не совсем похож.

Хотя, может быть, я что-то о нем не знаю.

Я даже ущипнула себя для верности, рассчитывая, что моргну, и белые стены восстановительной комнаты превратятся в мягкие серые — дурдома. Но нет, ничего не изменилось.

В ванной комнате действительно оказалось все необходимое, в том числе и мужской бритвенный станок с лезвиями. Мне они были ни к чему, но сам факт, что острые предметы никто убирать не спешил, уже радовал. В тюрьмах и сумасшедших домах это обычно делают.

На секту тоже вроде не похоже...

Смирившись с мыслью, что я все-таки попала в другой мир, а здесь меня окружают Хранитель Времени и его странные подчиненные, я приняла душ, привела себя в порядок и переделалась в предложенную одежду. Костюм, состоявший из блузки, жилетки и облегающих брюк, пришелся мне как раз в пору, сидел просто отлично. Выглядел он не слишком старомодно, я бы с удовольствием носила это и в своей обычной жизни, если б у меня были деньги на такую красивую одежду.

Улыбнувшись отражению и убедившись в том, что все со мной в порядке, я вернулась в восстановительную комнату. Томас не вернулся, а вот завтрак все также стоял на столе. Решив, что не время стесняться, я поела и, вооружившись подносом с грязной посудой, двинулась ко второй двери.

Что ж, если у этого Томаса поедет крыша, я смогу его этим же подносом и успокоить. А если все будет хорошо, то просто отдам грязную посуду.

Он ждал меня снаружи. Увидев поднос, мигом отобрал его, подбросил в воздух — и тот куда-то исчез. Я вздрогнула, но ничего не сказала — не успела просто, потому что Томас уже «обрадовал» меня.

— А теперь, госпожа Анна, отправимся в ваш швейный цех!

Мой! Швейный! Это даже звучало страшно!

А мне, кажется, придется этим управлять...

Томас решительно направился вперед, кажется, осознав, что сама выбрать направление движения я не способна. Оно и неудивительно — я ж никогда не была здесь ранее и даже толком не понимала, где тут дверь.

— А можно поподробнее о швейном цехе? — попросила я, поняв, что Том не спешит делиться никакой сверхважной информацией. — Хоть какие-нибудь детали.

Вообще-то я вполне могла предположить, что Том сам знать не знает, что со мной делать и какую информацию до меня доносить. Он в принципе как-то очень странно себя

вел, словно знал обо мне что-то такое невообразимое, о чем я сама даже не догадывалась. Однако, спросить его прямо я боялась — мало ли, какие новости свалились бы мне на голову! — а потому просто шагала следом за парнем и ждала, пока он изволит разговориться. На молчаливого парня он не походил совершенно, хотя я б не сказала, что так уж хорошо разбиралась в людях.

Тем более, в новом, непонятном для себя мире!

— Да что уж тут поподробнее, — махнул рукой Том. — Поступило недавно обращение, что, мол, местный швейный цех не сократил обороты, а, наоборот, набрал их, нацепил пятое измерение на свое здание, даром, что оно в аварийном состоянии было, а на такое заклинания вешать нельзя! Набирали себе работниц, держали их чуть ли не как в рабстве!

Я поморщилась. Мне почему-то моментально вспомнилось то здание, в которое мы телепортировались с Рене, куда большее внутри, чем снаружи, старое и потрепанное, и странные слова той женщины, что обвиняла меня в чем-то. Точнее, моего двойника...

— Вчера накрыли их, — доложил Том. — Главарей поймали, хотя, может, не всех. Но господину Рене теперь пришлось отвечать за последствия! Там же множество работниц, которых теперь куда? На улицу? И общежитие при них... Вот, пока магические работы велись по очищению здания, поступила заявка из отдела по борьбе с коррупцией, что нужен новый специалист, возглавить швейный цех.

Ага. Точнее, то, что от него осталось.

— И что, — осторожно уточнила я, — такую важную должность отправили для выдачи адаптирующимся переселенкам?

У меня возникли вопросы относительно адекватности тех людей, что решили доверить перебравшимся из другого мира подобные функции. Но, заметив, как Томас потупил взгляд, и поняв, что он не стремится отвечать на поставленный вопрос, я с внезапной досадой поняла, что при выдаче мне данной должности случилось что-то из ряда вон выходящее.

— Конечно, нет, — наконец-то ответил Том. — Эта вакансия просто лежала среди срочных, и госпоже Эмили следовало немедленно разыскать подходящего кандидата. Возможно, подать заявку на перевод кого-то на иную должность...

— Тогда почему взяли меня?! — возмутилась я.

— Потому что вы — идеальная кандидатура, госпожа Анна! — довольно доложил парень. — Кто, как не вы, справится с поставленной задачей? Ведь вы...

Он не договорил, но так многозначительно на меня посмотрел, что задавать еще какие-либо вопросы перехотелось моментально. Я подозрительно покосилась на парня, он же, поняв, что ляпнул лишнее, сделал вид, будто не произнес ни единого слова и даже засвистел себе под нос какую-то песенку.

Я скривилась. Час от часу не легче! Попала невесть куда, так еще и не хотят делиться информацией... Рене говорил куда охотнее, что неудивительно, впрочем, ведь именно он был здесь главным.

Решив больше не бередить душу вопросами и разобраться на месте — все равно парень ничего не может мне рассказать! — остаток пути я преодолела молча, просто рассматривая коридор и двери, которые мы миновали. Вокруг было очень светло, хотя я не увидела ни одного окна; вероятно, кто-то очень хорошо спланировал систему освещения.

Томас распахнул передо мной входную дверь, и я на мгновение замерла, не решаясь сделать шаг вперед. Почему-то казалось, что зеленый сад, куда, собственно, и предлагалось выйти, был не рядом, а будто за стеклом.

— Это портал, — пояснил Том, явно поняв, что именно меня смутило. — Прощу, госпожа Анна. Можете не волноваться, господин Рене настраивал его лично!

Ну, раз лично...

У меня не было опыта использования порталов, кроме того перехода между мирами и, очевидно, перемещения в это здание, но я решилась. Сделала шаг, переступила порог и оказалась снаружи, на каком-то крыльце.

Я довольно быстро спустилась вниз, обернулась, чтобы увидеть Тома, и увидела довольно большое здание у себя за спиной, но, кажется, отнюдь не то, которое я только что покинула. Крыльца у него было два; первое вело к достаточно реальной двери, а вот второе — то самое, с которого я только что спустилась, — как будто уводило в пустоту. Да, сзади была стена, но в ней за дверью-обманкой будто растекалась полупрозрачная лужица. Если прищуриться, можно было различить очертания коридора, который я покинула минуту назад.

На мгновение его стало видно яснее — это Том наконец-то выскочил на улицу, — а потом все погасло. Мой сопроводитель решительно закрыл за собой двери, запирая от меня портал, и довольно заявил:

— А вот и транспорт подан! Как раз для нас!

Я обернулась, рассчитывая увидеть что угодно, начиная от лошадей и заканчивая каким-то сверхскоростным автомобилем. Что угодно, но только не это!

— Господи помилуй, — охнула я, едва не оседая на траву.

Том успел подхватить меня под локоть, и я выровнялась кое-как, все еще с ужасом глядя на то, в чем мне предлагалось ехать.

— Элитный транспорт! — довольно доложил парень. — Высший класс! Уверен, вы будете просто без ума от качества передвижения!

Ага. Без ума... И без сознания!

...То, в чем мне предлагалось ехать, в целом, можно было принять за повозку, если б не одно «но» — вместо лошадей в нее были запряжены какие-то совершенно жуткие и точно не живые существа. Я б скорее сказала, что это лошадиные скелеты, но какие-то очень странные.

Нет, я не боялась костей, конечно же! Меня скорее пугали кости, которые ржали, били копытом и нетерпеливо переступали с ноги на ногу, предвкушая поездку.

— Когда-то, — затараторил Том, — это была повозка бога смерти, господина Себастьяна, но он сейчас в основном пользуется порталами либо работает дистанционно, потому повозку передали на баланс Истинных!

— А лошади? — надеясь, что мой голос не дрожит слишком уж сильно, поинтересовалась я.

— О, это живые мертвецы! — так радостно доложил Томас, словно это было что-то само собой разумеющееся. — Оживленные самим господином Себастьяном в общественно полезных целях! Мой прапрадедушка тоже у него на посылках! И его зовут точно также, Томас! Ну, точнее, это меня назвали в честь него. Мы долгое время не знали, куда он делся из своей могилы, а потом...

— Довольно! — в моем голосе звенели истеричные нотки. — Упустим подробности. Полагаю, мне пора поехать и увидеть тот самый швейный цех, который я должна возглавить.

Если честно, сейчас мне что угодно, включая швейный цех, было мило сердцу, абы только не думать о мертвых лошадях и еще более мертвых дедушках. Однако, Том не

унимался.

— Их можно погладить! — предложил он и, безо всякого страха подойдя к одному из мертвых коней, потрепал его по одной из костей.

Я закрыла глаза, мысленно произнося молитву ко всем богам, которых только знала.

Зато теперь сомнений в том, что в этом мире существует и достаточно активно используется магия, попросту быть не могло. Какое там! В моем мире скелеты в повозки не запрягали!

— Я не слишком люблю животных, — промолвила я. — Аллергия, знаете ли.

— На шерсть? — наивно уточнил Том.

— На кости! — я решительно запрыгнула на сидение повозки и постаралась отвернуться в противоположную от лошадей сторону. Нет, смотреть на эти живые скелеты было не то что слишком противно, но от стремительно разлетающейся на куски иллюзии о приятном, понятном и знакомом мире мне почему-то становилось не по себе. — Мне казалось, мы спешили?

— Да, — утвердительно кивнул он. — Но сейчас наши лошадки мигом домчат нас на нужное место! Вы пристегнитесь, госпожа Анна, пристегнитесь!

Я хотела было сказать, что и в машинах ездила, а они куда быстрее повозки будут, но, покосившись на прочный ремень безопасности, решила — лучше перестраховаться!

И не зря, между прочим, решила.

Стоило мне только пристегнуться, как кони, решительно оттолкнувшись копытами от земли, взмыли в воздух. Я зажмурилась, отчаянно цепляясь пальцами за ремень, и подумала, что лучше б я была религиозной прежде — возможно, мою молитву услышали бы лучше.

Впрочем, чего молиться, если божество тут — Рене, из-за которого я в эту отвратительную ситуацию, собственно говоря, и попала... Какой кошмар!

Томас явно не проникся большим уважением к моему ужасу, потому что выглядел он весьма довольным, подставлял лицо ветру и всячески наслаждался происходящим. Я отвернулась от него и любовалась — точнее, пыталась любоваться, — на облака, которые мы миновали. Повозка мчалась по воздуху с такой скоростью, что тут не только ремень безопасности, тут и несколько десятков ремней и специальное кресло с фиксаторами не помешало бы!

Единственное, что я могла сказать в пользу этой повозки — так это то, что передвигалась она действительно очень быстро. Не прошло и нескольких минут, как мы приземлились ровнехонько перед швейным цехом, уже знакомым мне потрепанным зданием.

— Вот, — довольно отчитался Томас. — Сейчас я вам здесь все покажу... И сможете сразу же приступить к работе, госпожа Анна!

Бегу и спотыкаюсь...

— Кстати, — привлек мое внимание он, — вон там, — ткнул пальцем в размещенное чуть дальше здание, — и общежитие есть. Я договорюсь, чтобы вам выдали там лучшую комнату!

Вообще-то, Рене говорил, что у местной Анны была своя жилплощадь... или я что-то перепутала?

Но протестовать я не решилась. Общежитие так общежитие. Главное, чтобы больше не надо было летать на этом чудовище!

— Хорошо, — вздохнула я. — Показывай, что тут да как...

Том не заставил просить себя дважды. Радостно улыбнувшись, он направился ко входу в швейный цех. Я с опаской покосилась на побитые временем ступеньки, но решила, что от Томаса лучше не отставать. А то мало ли, еще забредет куда, и я останусь одна в бесконечном коридоре, в котором мы вчера с Рене блуждали!

Однако, внутри швейный цех оказался далеко не таким огромным, как казалось мне при первой встрече. Тянувшийся вдоль здания коридор имел несколько ответвлений, но не закручивался по спирали. Каждый из узких ответвлений заканчивался либо тупиком, либо дверью. Я пыталась разобрать слова, написанные на корявых табличках, но очень мало смогла различить. Швейный цех, участок влажно-тепловой обработки...

Том, судя по всему, в шитье понимал еще меньше моего, потому что никаких объяснений, пока мы миновали одно за другим помещение, предоставить не изволил. Он довел меня до узкой винтовой лестницы, что уводила на второй этаж. По другую сторону от нее узкие побитые ступеньки позволяли спуститься в уже знакомый мне подвал, где хранились какие-то материалы.

— Вот там склады, — махнул рукой Том.

— В подвале? Швейные склады? — мрачно уточнила я.

— А что не так? — удивился парень.

— Я там была. Там влажно и холодно. Ткани же наверняка зацветут!

— Зацветут? Ну, они же не цветы!

Я отмахнулась, не став объяснять, что имела в виду плесень. Даже я, человек неопытный и ничего не понимающий в швейном производстве, видела, насколько большие проблемы были у этого швейного цеха. Вопрос в другом — смогу ли я привести все это в порядок? Я ведь даже не знала, с кем мне доведется работать!

— А на втором этаже что? — поинтересовалась я, решив, что разъяснить Тому, в чем именно он не прав и что с тканями не так, не буду. Ему оно и не надо. У него же задание какое? Доставить меня в швейный цех и уведомить местных, что я — их начальство.

Начальство! Какой кошмар!

Я никогда и никем не управляла. Не заканчивала ни менеджмент, ни экономический факультет. Дядя, занимавшийся моим воспитанием лет с десяти, наверное, был инженером до мозга костей, и я, глядя на него, видела в нем идеал мужчины. У дяди не клеилось с женщинами, и он решил, что воспитать дочь своей сестры — лучшее, что он может сделать. Потому я и пошла по дядиным стопам, поступила в политехнический. Много ли там узнала? Не сказать, что слишком, тем более, времена менялись. Работать пошла в айти-сферу, но не потому, что мне слишком нравилось. Просто нужны были деньги; дядя болел, ему понадобились дорогостоящие лекарства, и я, разумеется, не стала искать свое высокое предназначение.

Когда он умер, я практически полностью потеряла интерес к работе. Парень, с которым я встречалась, тоже не выдержал моей тоски. Дядя ему никогда не нравился, он считал его преградой для наших отношений, а я, услышав неуместно радостный тон, просто раз и навсегда приняла для себя решение, что этого человека у меня в доме быть не должно.

А потом и работу потеряла. Не сказать, что я очень хотела сохранить то место, но ничего такого и не сделала. Просто все стремительно переходило на удаленку, а мне нашли отличную замену где-то на фрилансе. Платить моя замена просила меньше, знала — примерно столько же. Я осталась за бортом.

И куда такой, собственно говоря, неудачнице браться за швейный цех? Что я смогу с

ним сделать? Впрочем, вариант «выйти замуж и не париться» тоже не для меня. Бестолковая Анька, которой даже приткнуться некуда, вот кто я.

— На втором этаже, — выдернул меня из грустных мыслей голос Тома, — административные помещения!

— Бухгалтерия, отдел кадров?.. — уточнила я.

— Ну, вроде того. Только тут же подпольный цех был, так что я не знаю, — пожал плечами он. — Все сотрудники клянутся-божатся, что они кристально чисты, и вроде не подкопаешься, потому что только начальство знало, что тут не так! Но, — загадочно прошептал он, — если вам, госпожа Анна, удастся все-таки найти других преступников, то мы будем вам очень благодарны! Особенно господин Рене!

Замечательно. Работай невесть где, невесть с какими людьми, еще и преступников найти помощи, кем бы они ни были!

— А чем занимался этот швейный цех до того, как его накрыли? — поинтересовалась я.

— Ну, — Том смутился. — Тут разное было... По официальным документам, они просто шили одежду подпольно и нелегально использовали человеческий труд.

— А не по официальным документам?

— Есть подозрения, — загадочно сообщил Томас, — что тут использовали запретное колдовство еще при Матильде!

Он так многозначительно посмотрел на меня, словно я должна была прекрасно знать о том, кто такая эта самая Матильда.

— При ком? — уточнила я.

— Как, вы не знаете?! — поразился Том, жестом велел следовать за ним на второй этаж. — Это же прежняя Хранительница Времени, которая была до господина Рене! Говорят, ужасно склочная женщина была... Очень себялюбивая. Но оно и неудивительно. Ей же несколько тысяч лет было! Это нашему господину Рене всего чуть больше тридцати.

— Насколько больше? — не знаю, зачем мне вдруг понадобилось знать точный возраст Рене, но от мысли, что этот мужчина все-таки не настолько далек от меня, как казалось изначально, мне почему-то стало немного легче.

— Ну... Ему тридцать три? Или тридцать два? Я в числах ничего не смыслю, — махнул рукой Том. — Разве важно?

— Нет, не важно, — улыбнулась я. — Все равно же он бессмертен...

Но почему-то мысль о Рене несколько успокоила меня, и я почти не думала о всяких глупостях и гадостях, пока мы не поднялись на второй этаж и не свернули в узкий, непонятно куда уводящий коридорчик.

— Госпожа Анна, проходите, — Том уважительно распахнул передо мной обветшавшие двери приемной. — Ваш кабинет будет тут! А это, кстати, ваш секретарь, Тамила.

Я повернула голову и замерла. Потому что секретарем Тамилой оказалась та самая пугающая, мерзкая на вид женщина, что ловила меня вчера в этом же коридоре.

Тамила медленно, грузно поднялась со своего места и воззрилась на меня так, словно собиралась сейчас прожечь взглядом насквозь.

— Госпожа Анна теперь тут у вас все возглавит! — довольно отчитался Том, а потом проделал то же самое, что и при распределении меня на работу — подошел к секретарше и тихонечко прошептал ей что-то на ухо.

К своему огромному сожалению, я не сумела разобрать ни слова, только выхватила из разговора отдельные звуки, не несущие в себе никакой информации. Зато лицо Тамилы оказалось невероятно живописным. То, как стремительно она помрачнела, дорогого стоило. Кожа женщины приобрела некий зеленоватый оттенок, очевидно, отвечающий за ее испуг.

— Вот как, — прошипела она. — Неожиданно.

— Только тс-с-с! — пригрозил пальцем Том.

— Я — могила! — кивнула Тамила, продолжая сверлить меня глазами.

Теперь мне удалось рассмотреть ее получше, чем в заколдованном и невероятно темном коридоре, и это рассматривание никаких приятностей мне не доставило. Женщина была невысокой, приземистой, но при этом — очень большой, практически необъятной. При этом она не выглядела рыхлой, скорее напоминала некий плотный надутый шар.

Ручищи Тамилы были предназначены для чего угодно, но только не для секретарской или швейной работы. Толстые пальцы, натруженные ладони... Мне почему-то казалось, что прежде она трудилась тут не секретарем, а какой-нибудь надсмотрщицей.

Возможно, я была не так уж и далека от истины.

— Госпожа Анна, вы проходите в кабинет, — продолжил Томас. — Проходите, проходите...

Он вновь услужливо распахнул передо мной дверь, и я оказалась в помещении, явно нуждавшемся в ремонте. Никаких красот интерьера тут, понятное дело, не было. Не слишком свежие стены, отвалившийся от стены кусок штукатурки, трещины на потолке, карниз, который вот-вот завалится... Шторы явно нуждались в том, чтобы их хорошенько выстирали.

Стол, прочный, кажется, дубовый, выглядел достаточно прилично. Шкафы — тоже. Однако, нигде не осталось ни единого листика бумаги. Ни следов документов, ничего. Некто старательно вычищал все, что мог, чтобы не оставить и напоминания о творившихся здесь нелегальных делах.

Я нахмурилась.

— Когда главари бежали, то многое забрали с собой, — мрачно промолвила Тамила, застывшая в дверном проеме.

Едва сдержавшись, чтобы не вскрикнуть — слишком уж неожиданно подкралась ко мне эта женщина! — я серьезно кивнула и продолжила свое исследование, пытаюсь понять, что же это за место такое и что мне придется здесь делать.

— Мы, — важно продолжила секретарша, — ровным счетом ничего, госпожа Анна, о происходящем не знали. Мы простые работницы. Мы выполняли приказы, и другого выбора нам никто не оставил. Уж не знаю, как вы набрались смелости, чтобы преодолеть сдерживающую нас магию, рассказать все господину Хранителю и спасти нас всех из

рабства.

Я обернулась. Тамила льстиво улыбалась, но я не верила ни единому ее слову. Рабство? Что ж, не знаю, сколько людей тут работало, а главное, на каких условиях, но эта дама совершенно не походила на рабыню.

— Но теперь, именем Истинных, все-то хорошо уж будет, — подытожила она и попыталась улыбнуться простой, искренней улыбкой.

Вышло, надо сказать, очень плохо. Ни следа искренности я там не увидела, а вот в маленьких, поросячьих глазках Тамилы светилось что-то смутно напоминающее зависть и злобу. Да она же проклинала меня! Наверняка, ненавидела уже за то, что я посмела сюда явиться!

...А ведь она-то не знала, что это не я выдала все секреты их швейного цеха, а моя предшественница!

Меня вдруг остро укололо осознание, что о моем перемещении между мирами, наверное, не следует никому говорить. Понятное дело, Том в курсе, он же сам предлагал мне подобрать куратора и отправлял в комнату для восстановления, ну, и все остальные подчиненные Рене, наверное, тоже, но вот Тамила и работницы швейного цеха — нет.

И сообщать им об этом я не собиралась.

Нет, надо попытаться разобраться во всем, что тут происходит!

— Ну, я пойду, — улыбнулся Томас, явно чувствующий себя очень неловко. — Если что-нибудь понадобится, вы знаете, как со мной связаться, госпожа Анна!

Я не знала, но сказать Тому об этом не успела. Он уже выскочил из кабинета, еще и двери за собой закрыл, оставляя меня наедине с Тамилей.

Надо было вести себя как можно более уверенно, и я твердо промолвила:

— Я хочу изучить функционирование нашего цеха. Мне нужны какие-то документы, отчетность за прошлые года... И я хочу познакомиться с сотрудницами.

Тамила смерила меня таким взглядом, что говорить уже и не надо было ничего.

Но она, тем не менее, сказала.

— Я б тебе посоветовала, девочка, — презрительно заявила она, — сидеть тихо и не совать свой нос во взрослые дела. И тогда ты, возможно, останешься целой.

В кабинете воцарилась напряженная тишина. Я смотрела на Тамилу, она — на меня, и мы активно выражали по отношению друг к другу ненависть и презрение. Ничего хорошего она обо мне, как и я о ней, не думала. Возможно, где-то в мыслях даже обозвала предательницей и пожелала поскорее помереть.

— Возможно, вы забыли, — я постаралась оставаться культурной, но говорить твердо, — но начальница теперь здесь я. И я отвечаю за все, что происходит в этом швейном цеху. Потому вариант «не совать свой нос в чужие дела» не работает, Тамила. Предоставьте мне всю отчетность, которая у вас есть, а после этого, будьте добры, покиньте кабине.

— То, что ты спишь с Хранителем Времени, не делает тебя здесь хозяйкой, Анка. Ты все та же бесполезная игрушка.

Я только поджала губы. Спать с Хранителем Времени я могла разве что в рамках одного помещения, и то, если он вдруг решил вздремнуть на работе. Конечно, нет ничего постыдного в том, чтобы иметь в любовниках такого красивого мужчину, но я этим похвастаться, к сожалению, не могла. Если б могла — сидела б я здесь, как же!

Я б, в конце концов, попросила его дать мне что-то попроще швейного цеха.

А вот про бесполезную игрушку прозвучало обидно. Никогда и ничего я не добивалась

через постель или благодаря удачному родству, все время трудилась сама. И если сейчас мне на голову свалилась неприятность в виде этого цеха, то я не собираюсь решать ее за чужой счет!

— Посмотри на себя в зеркало, — воспользовавшись моим замешательством, продолжила Тамила. — Тебя можно назвать в крайнем случае симпатичной!

В зеркало я на себя смотрела каждое утро, и ничего слишком плохого — как и слишком хорошего, — никогда там не видела. Девушка как девушка. Но уж чья б корова мычала! Если б мне о внешности рассказывала какая-то супермодель, я б поняла, возможно. Но не женщина, которая с трудом проходит в дверь, да и вообще, издали похожа на раздутый шарик!

— А он? Мало того, что красавец, так еще и бессмертный! Хранитель Времени! Это выше, чем быть богом. Так что не рассчитывай, что привлекла его надолго. Отчеты, швейный цех... Лучше бы тебе попросить поскорее убраться отсюда. А вообще, не хочешь проблем — подписывай то, что тебе приносят, и не кривись, а не то!..

В последней фразе крылась слишком откровенная угроза. Тамила подалась ко мне, упираясь ладонями в бока, еще сильнее прищурила свои и без того не слишком большие глаза и разве что зубами не заклацала, пытаясь запугать.

Вот только я, чувствуя себя оскорбленной до глубины души, нисколько не испугалась. Вместо попятиться, выпалила:

— Я б на вашем месте в таком тоне со мной не разговаривала.

— А то что? — хмыкнула Тамила. — Позовешь Хранителя? Так нечего ему делать, каждый раз бегать сюда, как собачке, чтобы твои проблемы решат. Только быстрее от тебя избавится, да и по всему... Или, может, потолок мне на голову обрушишь?

— А хоть и так! — лягнула я, хотя это, разумеется, было невозможно.

Меня будто ударило током. Короткий, просто неприятный разряд. А потом потолок затрещал, да так громко, что мы с Тамилкой моментально подняли головы, обращая на него внимание. По нему стремительно расползались трещины, а потом немалый такой кусок штукатурки отвалился и обрушился прямиком на лоб Тамиле.

Она ошеломленно повернулась ко мне. Лицо у женщины теперь было припорошено белым.

— Ты — колдуешь? — дрожащим голосом поинтересовалась Тамила.

На самом деле, я почти не сомневалась в том, что это просто совпадение. Магия в этом мире существовала, я уже успела в этом удостовериться, но мои слова никогда не были ничем кроме звуков. Никакую великую силу они не пробуждали. Повезло, вот кусок потолка и свалился прямиком на голову мерзкой бабе. Может быть, швейный цех ей отомстить решил таким образом, откуда ж мне знать? Я, например, это его потаенное желание более чем разделяла!

Вслух же признаваться в собственном бессилии я не стала.

— Да, — решительно кивнула, — колдую. И следующее мое заклинание будет гораздо страшнее, если вы не изволите вести себя как подобает! И, раз уж вы считаете, что я сплю с Хранителем, должны понимать, что ничего мне за вашу совершенно случайную гибель не будет. Надеюсь, это будет достаточной мотивацией, чтобы наконец-то принести мне документы?

Тамила помрачнела. Наверное, и вправду прониклась, решила, что меня пока что лучше не дразнить.

— Будет сделано, — промолвила она с таким видом, словно я только что сказала нечто совершенно ужасное. — Но я бы на твоём месте...

Слушать, что бы она сделала на моём месте, я совершенно не желала.

— Достаточно, — оборвала я. — На моём месте вы не были и не будете, — и язвительно добавила. — В постели у Рене так уж точно!

Тамила не спорила.

— Так что выполняйте. И ещё... Я не Энн, я — госпожа Анна. И требую, чтобы ко мне обращались именно так. Это понятно?

— Понятно, — скривилась Тамила, а потом явно через силу выдавила из себя: — Госпожа Анна.

Тамила с явной неохотой вышла из кабинета и прикрыла за собой дверь, осторожно так, словно боялась, что я скажу что-нибудь ещё, и на голову женщине упадет что-нибудь куда серьезнее куска шпукатурки. Я же с облегчением выдохнула и опустилась в не слишком удобное, жесткое, потрепанное годами кресло. Хорошо, что Тамила так и не поняла, что магии во мне — ни на грош, а свалившийся ей на голову «презент» — всего лишь случайность, к которой я не имею ни малейшего отношения. Удачно совпало, да и только.

Однако, вряд ли мне будет так везти и дальше. И придется постараться, чтобы не ударить в грязь лицом и не оказаться жертвой собственной глупости и наивности.

Я ещё раз осмотрела бедный кабинет. Чем же таким, интересно, они здесь занимались, что не удосужились даже отремонтировать здание? Понятно, что до законных прокручиваемым здесь делам ох как далеко, но все-таки...

Тамила вернулась с крохотной стопкой бумаг и поставила их прямо передо мной. Я с сомнением покосилась на нее и уточнила:

— Это что?

— Документы, — пожала плечами женщина, а потом язвительно добавила: — Как вы и просили, госпожа Анна. Разбирайтесь, что к чему.

Я, конечно, мало что понимала в управлении швейными цехами, да и вообще производством, но что-то мне подсказывало, что документов должно быть гораздо больше.

— Это все? — уточнила я.

— Да, — кивнула Тамила. — Все остальное унесла с собой прежняя дирекция.

Я оглянулась на опустошенные шкафы. Должно быть, они были доверху забиты бумагами, а сейчас зияли дырами. Мне оставалось только смириться. Вряд ли Тамила охотно поделится информацией о том, что происходило здесь прежде.

— Хорошо, спасибо, — вздохнула я, жестом отпуская ее.

Нет, на самом деле — ничего хорошего, но что ещё оставалось сказать? Я разложила бумаги на столе, какие-то жалкие несколько десятков листиков, и принялась просматривать один документ за другим.

Спустя несколько минут я с ужасом осознала, что не знаю даже, какой сейчас год. Ни календаря, ни часов, ни хоть ещё чего-нибудь, что указало бы на дату и время. Но документы выдавались мне очень старыми; между самым давним и самым новым разница была больше двухсот лет, а это огромный отрезок времени.

Не сразу, но я все-таки сумела определить, чем прежде занимались здесь. В документах фигурировали некие Истинные, а ещё — совсем уж фэнтезийные элементы вроде Купидонов, Любовного Патруля, Патруля Смерти и прочих диковинных существ. Раньше в этом швейном цеху заказывали униформы, готовили разное, начиная от одежды и заканчивая

чехлами для оружия, изготавливаемыми из сверхпрочной ткани. Продираясь сквозь записи двухсотлетней давности, сделанные, благо, на понятном мне языке, я осознала, что прежде дела здесь шли гораздо лучше, хотя сотрудников было довольно мало.

Однако, о том, что происходило на производстве в последнее время, кажется, не было ни единого известия. Последняя бумага, подписанная некой Матильдой, Хранительницей Времени — очевидно, предшественницей Рене, — свидетельствовала о выдаче спецтканей для производства защитных накидок для крыльев. Как выглядели те самые крылья и зачем их надо было защищать, я понятия не имела, да и крылатых людей себе представляла смутно — если купидоны, конечно, люди, — но это была последняя зацепка.

Я ознакомилась и с планом здания — ничего впечатляющего, — и с довольно свежим, но не датированным перечнем ремонтных работ, а потом, осознав, что другого варианта у меня все равно нет, нехотя поплелась обратно в приемную.

Тамила с преувеличенно спокойным видом рассматривала противоположную стену. Под столом у нее что-то клацало, однако, она даже не обращала на это внимания. Я нахмурилась. Звук был подозрительно знакомым, как будто...

Как будто под столом работал шредер!

Женщина даже не заметила меня поначалу, потому возмущенно вскрикнула, когда я бросилась к ней и решительно заглянула под стол. И да, не прогадала — эдакая версия измельчителя для бумаг работала во всю, догрызая остатки документов. Еще несколько немаленьких стопок лежали рядом, явно готовясь отправиться туда.

— Это что такое?! — возмутилась я.

— Черновики, — невозмутимо отметила Тамила. — И ненужные документы.

Ненужные?!

Я схватила несколько листков и обнаружила, что дата на них была куда более поздняя, чем на всем том, что мне предоставили. А еще на столе у Тамилы стояло нечто похожее на календарь — и год совпадал. Свежие документы!

— Как это понимать? — холодно поинтересовалась я, пинком выключая шредер. Он издал что-то смутно похожее на предсмертный скрип и затих.

— Я всего лишь хотела помочь вам, госпожа Анна, избавиться от ненужных бумаг и не растрчивать свое бесценное время на них, — сообщила мне Тамила с таким видом, словно я была достаточно глупой, дабы во все это поверить.

— Помочь?! — вспыхнула я. — Помочь?! Таким образом? А если там было что-то важное?

Наверняка было!

— Но никто уже этого не узнает, — пожала плечами Тамила. — Если вы, разумеется, не направите свой божественный дар, госпожа Анна, на восстановление этих бумажек.

Я наклонилась, выдернула из шредера полный тонких полосок бумаги контейнер и раздраженно заявила:

— Ваш скептицизм неуместен. Моей магии, — ага, той самой, в которую я не верю и которой не существует, — будет достаточно, чтобы превратить это в полноценные документы! Ваша диверсия не увенчается успехом!

Тамила фыркнула — и тут же, в пику ее самодовольному взгляду, бумаги засветились.

Я едва не выронила контейнер, наблюдая за тем, как тонкие бумажные полоски собирались одна к другой.

Колдовство? Но ведь...

Но ведь этого просто не может быть!

Тем не менее, вариантов у меня оказалось немного: либо окончательно сошла с ума, либо действительно внезапно научилась колдовать. Сила, совершенно мне незнакомая, буквально била через край. Я чувствовала, как мое тело толчками покидала энергия, которой во мне, как я думала прежде, и не было даже. Контейнер засветился еще ярче, и листы в нем стремительно собирались в кучу.

Тамила сидела бледная, как стена, сопровождая взглядом каждое мое движение и вздрагивая на каждом вдохе. Выглядела она, мягко говоря, впечатленной.

Мне бы сказать ей что-то острое и злое, но я в данный момент сама едва могла собрать мысли в кучу. Колдовство! Настоящее! В моих руках!

Выходит, и шпукатурка, свалившаяся женщине на голову, была не просто совпадением? Как-то не верилось даже. Однако, я же своими глазами видела, как отзывалась на мой зов сила. Мне не привиделось; когда я откинула крышку контейнера, и в самом деле обнаружила там цельные листы бумаги.

Я выгребла их оттуда и прижала к груди, забрала и ту стопку, что пыталась от меня укрыть Тамила, и с угрозой промолвила:

— Так значит, вы на стороне преступников! И не надо пытаться что-то от меня скрыть! Я все равно узнаю правду, как бы вы ни старались. Надеюсь, это уже понятно по всему произошедшему?

Тамила медленно склонила голову в согласном кивке. Выглядела она если не напуганной, то по меньшей мере впечатлившейся. Я тоже подбоченилась; надо было соответствовать образу могущественной колдуньи. Нельзя, чтобы женщина поняла мое бессилие.

А слабость и вправду накатывала волнами. Когда бумаги перестали светиться, в воздухе запахло паленой пластмассой, а я сама почувствовала сильное головокружение. Немного тошнило; вероятно, я потеряла немало сил, производя такие странные магические манипуляции, а теперь схлопотала откат.

Эх, может, читай я больше фэнтези-книг, сейчас была бы более подкованной в магии? Однако, сила, даже если она у меня и была, оставалась чем-то таким недоступным, будто оставшимся где-то за пределами понимания. Я вроде и ощущала ее, но в тот же момент — не могла ни дотянуться, ни позвать, ни понять какие-нибудь правила ее функционирования.

А значит, надо убираться отсюда поскорее, пока я не грохнулась в обморок прямо на глазах у этой отвратительной Тамилы.

— Значит так, — с угрозой промолвила я, пытаюсь за неимением более достойных вариантов скопировать голос начальника учебного отдела из университета, который я заканчивала, — Тамила... То, что вы сделали, вполне потянет на уголовную ответственность. И мне ровным счетом ничего не стоит доложить об этом Рене и забыть о вас и о всех создаваемых вами проблемах, как о страшном сне. Однако, я все еще надеюсь на то, что мы сможем сотрудничать более мирно. Потому я даю вам последний шанс исправиться и снять с себя подозрения. Докажите, что вы оказались жертвой преступников, а не их сообщницей.

Ах, если б мне ничего не стоило рассказать обо всем Рене и снять с себя ответственность, я бы, вне всяких сомнений, так и поступила! Но я даже не знала, как с ним связаться. Потому приняла решение играть до последнего.

Я не сдамся просто так!

— К завтрашнему дню мне нужен весь список сотрудников, а также доклад — в письменном виде с устным комментарием! — относительно того, чем предприятие занималось в последние годы. Перспективный план развития тут, скорее всего, отсутствует? Но если есть — несите тоже. И было б очень неплохо познакомиться со структурой этого швейного цеха. Какие есть отделы? Какие на них возложены функции? Какой уровень каждого из работающих? Что у нас с зарплатами, с бюджетом?.. И если я увижу там хоть слово лжи — а я пойму, что это ложь, даже не сомневайтесь! — то пеняйте на себя, Тамила.

Она плотно сжала губы и долго смотрела на меня, а потом промолвила:

— Вы даете мне слишком мало времени, госпожа Анна.

— Более чем, — строго ответила я. — Более чем! А теперь... Все это я забираю на дополнительное рассмотрение, — я встряхнула бумагами, — и, пожалуй, отправлюсь в общежитие. Хочу наконец-то посмотреть на выделенную мне комнату.

Тамила только крикнула.

— Что-то не так? — мрачно уточнила я.

— Я думала, — промолвила она неохотно, — вы будете жить с господином Хранителем...

Я помрачнела. Не знаю, по какому праву все приписывали мне роман с Рене, но это не соответствовало действительности. Да что там! Я его едва знала, не представляла себе, как можно выйти с ним на связь, а чтобы такой роскошный мужчина обратил на меня внимание, как на женщину, мне пришлось бы перекроить свою внешность полностью.

Да и ему, возможно, это было совершенно неинтересно. Мне вообще показалось, что Рене смотрел не на людей, а сквозь них. Сквозь Тома, сквозь Тамилу, когда мы столкнулись в коридоре. Правда, на себе я чувствовала его внимательный, пристальный, заинтересованный взгляд...

Магия, не иначе.

— Я хочу находиться ближе к коллективу, — решив не разрушать мифы, к созданию которых не имею ни малейшего отношения, промолвила я. — Так мне проще будет следить за тем, что коллектив швейного цеха действительно на пути к успеху, а не вновь собирается свернуть на кривую дорожку.

Тамилу это объяснение устроило. По крайней мере, она уж классически позеленела и склонила голову в согласном кивке. Я же, покрепче прижав бумаги к груди, буквально вылетела из кабинета.

Мне действительно надо поскорее добраться до своей комнаты.

И есть.

А еще лучше — лечь!

Общежитие выглядело не многим привлекательнее, чем швейный цех. Здание все так же сильно нуждалось в ремонте, и я, подойдя поближе, увидела и совсем уж старые окна с рассохшимися рамами, и трещины в стенах, достаточно большие, чтобы говорить об аварийном состоянии здания.

Вокруг не было ни одной живой души. Я понимала, что большинство жителей, скорее всего, на работе, но сама уже едва держалась на ногах. А ведь еще примерно обед!

Давал о себе знать голод. Есть мне тоже было нечего, и я не питала особых надежд по поводу того, что меня тут напоят и накормят. Но пусть бы хоть дали кров над головой!

Дверь, что вела в общежитие, оказалась незапертой. Я толкнула ее и зашла в большой и совершенно непривлекательный серый холл. Места тут было предостаточно, но опять не оказалось ни души. Справа от двери красовалось что-то похожее на маленький внутренний магазинчик, но ни продавщицы, ни товара на полках, за исключением нескольких жалких тетрадок и листов чистой бумаги я не обнаружила. У противоположной стены, прямо под окнами, расположились три скамейки, тоже непонятно для кого предназначенные.

Слева, чуть поодаль, оказалась и лестница. Я решила, что мне, вероятно, надо подняться на какой-то этаж, жилых-то комнат здесь, на первом, явно нет, и уверенно направилась туда, прижимая к груди отобранные у Тамилы бумаги.

Однако, подняться мне было не суждено.

— Эй! Ты кто такая?

Я обернулась и с удивлением осознала, что упустила самое главное — вахтерский пост! Он чем-то напомнил мне родной университет: пространство, надежно огороженное деревянной стойкой и стеклом, но зато с полукруглой дырой радиусом сантиметров в двадцать, чтобы можно было поставить подпись в регистрационном журнале.

Из-за стекла на меня смотрела, впрочем, отнюдь не милая университетская вахтерша, а некая крайне враждебно настроенная особа. Ее можно было назвать и молодой, и довольно привлекательной, однако злое выражение лица портило всякое впечатление.

— Здравствуйте, — поздоровалась я. — Меня зовут Анна...

Она ответила мне таким взглядом, словно все Анны на свете проходили в каком-то черном списке общежития.

— И что ты здесь забыла, Анна? — с презрением выплюнула она. — У меня такой в документах нет.

Я попыталась выглядеть несколько увереннее. В конце концов, я тут начальница или кто? Это все равно что ректора в университет не пустить! Может, я с проверкой?

— Я — новая начальница швейного цеха, — как можно тверже промолвила я. — Назначенная Хранителем Времени.

Вместо благоговейного ужаса и восторга на лице у незнакомки отобразилось нечто смутно напоминающее мне отвращение. Вероятно, Хранители Времени ей чем-то серьезным не угодили, раз она сейчас была готова испепелить меня на месте взглядом.

— В документах такой нет, — твердо повторила она. — Так что проваливай отсюда, да поживее. Мне не нужны всякие шарлатанки.

Я почувствовала, что краснею. Мало что устала, едва держалась на ногах, так еще и

подобное сопротивление!

Женщина смотрела на меня, как на пустое место. Я подошла ближе к окошку, собираясь доказать, что имею право тут находиться, но она уже устроилась обратно на свой высокий стул, загородилась от меня какой-то книжицей и, кажется, собиралась делать вид, будто меня здесь не существует и вовсе.

— Послушайте, — попробовала я привлечь к себе ее внимание. — Я...

— У меня нет времени на всяких девок, пытающихся бесплатно получить комнату, — даже не подумав выслушать меня, ответила женщина. — Сказала же, проваливай. Не было тут никакой Анны. Я занята.

Я аж задохнулась от такой наглости. Конечно, подобные личности встречались и в моем мире, но, к счастью, мне не приходилось с ними контактировать.

А тут такое!..

Однако, я не успела проронить ни слова. Сзади раздалось покашливание.

— Я вижу, Селена, — произнесли мягким мужским голосом, — вы очень заняты? Не справляетесь со своими должностными обязанностями? Наверное, надо доверить вам что-нибудь попроще.

Я медленно обернулась. Рене — а это был именно он, другого такого красавца нигде не найти, — лениво пересек холл и уперся локтем в вахтерскую стойку.

— Здравствуй, Анна, — улыбнулся он мне.

Не зная, что и делать, я в сомнениях протянула ему руку для рукопожатия. Он перехватил мою ладонь и, склонившись, быстро коснулся губами пальцев.

Я вздрогнула. Это, несомненно, было очень приятно — а еще приятнее оказалось заметить потрясенный взгляд таращившейся на нас Селены.

— Поздравляю с первым рабочим днем, — проворковал Рене, а потом повернулся к женщине за стойкой. — Так что насчет увольнения? Прямо сейчас, или для начала оформим место для новой начальницы?

Женщина просто молча смотрела на него, не решаясь ничего сказать в ответ. Рене буквально излучал некую пугающую доброжелательность, от которой Селене не удавалось спрятаться. Возможно, где-то на задворках ее сознания даже мелькнула предательская мысль залезть под этот самый стол и не высовывать из-под него нос — по крайней мере, пока не убедится, что Хранитель Времени ушел, — но реализовать потаенные желания она тоже не спешила.

После затянувшейся паузы Селена наконец-то выдавила из себя:

— Оформим место.

Она достала какой-то потрепанный, старый журнал, на обложке которого корявыми буквами значилось «Учет жителей общежития №». Само число стерлось, да и буквы едва-едва различались. Наверное, этот журнал учета пережил немало веков — и, соответственно, немало поселявшихся, вот его и затащали по рукам за долгое время использования.

— Свободны койка в триста восемь «а» и... — Селена пробежалась взглядом по строчкам. — И две в четыреста один «б», — она продемонстрировала Рене журнал. — Какую выбираете?

— Это комнаты не для начальницы, — холодно ответил хранитель, — а для простых сотрудников. Анна не может жить в одной комнате с еще двумя девушками.

Я поморщилась, вполне солидарная с ним, и не только потому, что начальнице как-то не пристало селиться с кем-нибудь. Всю свою студенческую жизнь я относилась к категории

«городских». Университет находился недалеко от дядиной квартиры, и я не видела ни единой причины переезжать от него. Тем более, дядя болел и нуждался в моей помощи, а еще говорил, что ему без меня было бы одиноко. Общежитие для меня казалось чем-то абстрактным, эдаким архитектурным объектом через дорогу.

Разумеется, в квартире я была не одна, но жить в одной комнате с посторонними людьми мне не доводилось. И начинать экспериментировать в этом направлении я тоже не слишком хотела.

— Есть же свободный пятьсот первый блок, — Рене просмотрел журнал и был готов вынести собственный вердикт. — Почему, Селена, вы не предложили его? Если я не ошибаюсь, именно в тех комнатах обычно и проживали представители администрации.

— На пятом этаже живем только мы с Тамиллой, — отметила Селена.

— И? — изогнул брови Рене. — Разве это что-то меняет? Или вы хотите, чтобы вас отселили куда-нибудь на две свободные койки в «четыреста один б»?

— Пятый этаж, — с нажимом промолвила Селена, — для начальства.

— Что может быть более начальственным, чем директор швейного цеха? Неужели простая вахтерша? — Рене подался вперед, и в какую-то секунду показалось, что отделявшее его от Селены стекло он может разрушить одним прикосновением — и обязательно это сделает, если ему вдруг захочется схватить женщину за руку. — Послушай, мы же с тобой работали когда-то вместе. Ты прекрасно знаешь, что я не отступлюсь и не собираюсь размазывать здесь сопли. Просто сделай то, что должна, Селена, и забудем о том, что нам пришлось встретиться в столь неудобной для тебя ситуации.

Мне показалось, что ее лицо сейчас просто превратится в злую, полную ненависти маску. Селена дернулась, попыталась выдержать взгляд Рене, но не смогла. Не знаю, что между этими двоими когда-то случилось, но знакомство их приятным назвать точно было нельзя.

— Блок пятьсот один, — наконец-то промолвила она. — Записываю вас туда, Анна. Ключи вот, — она сорвала ключ с крючка и буквально швырнула его в дыру. Тот ударился Рене в грудь и упал бы на пол, если б мужчина не успел перехватить его.

— Благодарствую, — ухмыльнулся он. — Анна, пойдем, — и подал мне руку.

Вообще, я планировала оставаться гордой и независимой, но голова так кружилась, что все гордо-независимые планы пришлось успешно отложить. Я покорно сжала протянутую мне ладонь и зашагала плечом к плечу с Рене, радуясь, что не свалюсь где-то по пути наверх. Ну, или меня хотя бы успеют поймать.

— Ты какая-то очень бледная, — отметил он, когда мы наконец-то поднялись наверх. — Плохо себя чувствуешь? Обычно после восстановительной комнаты все довольно бодр.

— Я бодра... Была, — честно ответила я.

Мы остановились у дверей с покосившейся табличкой, на которой красовался нужный мне номер — пятьсот один. Рене легко открыл первую дверь, что вела в небольшой предбанничек, пропустил меня внутрь, зашел следом, щелчком пальцев зажег свет — наверное, воспользовался магией, — и закрыл дверь за собой на ключ.

Внутри в блоке оказалось еще три двери. Первая была приоткрытой; за ней оказалась достаточно печальная на вид ванная и туалет. К двум другим подходил все тот же ключ, которым Рене и отпирал дверь.

— Прощу, — Рене открыл одну из комнат, и я скользнула внутрь.

Обстановка казалась не слишком богатой: две кровати, одно окно со старой, неокрашенной рамой, батарея, тоже далеко не самая новая на свете, небольшой столик, на который я моментально поставила все отобранные у Тамилы бумаги, старый ковер, явно объединенный молью.

— Здесь не слишком уютно, — скривился Рене. — Может быть, ты все-таки переберешься в квартиру? Да, район другой, далековато, но я могу обеспечить тебя транспортом...

Я вспомнила, каким именно транспортом обеспечили меня в первый раз, и отрицательно замотала головой.

— Нет-нет, спасибо. Тут я быстрее познакомлюсь с коллективом... Так сказать, вольюсь в него, — с трудом улыбнулась я. — Все будет отлично, правда!

— Я вижу, как уже все отлично, — скривился Рене. — И почему ты так плохо себя чувствуешь?

Я вздохнула. Сказать? Или, может быть, лучше не стоит?

Внимательный взгляд мужчины буквально пригвоздил меня к месту. Я посомневалась еще немного, но, поняв, что ждать так могу еще очень и очень долго, сдалась:

— Мне кажется, у меня есть магия.

Рене это совершенно не удивило. Признаться, я ждала, что на меня уставятся, словно на сумасшедшую, назовут фантазеркой, засмеют... в общем, сделают что угодно, но только не улыбнутся так мягко, словно я не сказала ровным счетом ничего удивительного, и не промолвят:

— Ну, конечно же, у тебя есть магия. Удивительно, что она так легко и быстро проснулась, но я не сомневался, что ты — потенциально сильная волшебница. А в чем проявился дар?

Я заморгала, кажется, не в силах преодолеть собственное удивление. Рене же усадил меня на краешек кровати, а сам устроился совсем рядом и даже взял за руки, явно пытаясь таким образом успокоить. Его ладони оказались на диво горячими, и я невольно придвинулась к мужчине ближе, подпитываясь от него, как от источника энергии.

— Сначала я немного повздорила с Тамиллой — она была несколько груба и пыталась убедить меня в том, что, хм, — я отвела взгляд, — не имею права ею руководить. Она сказала что-то вроде: «Что ты можешь мне сделать, обрушишь мне на голову потолок?!» А я ответила, что да — и ей на лоб действительно упал кусок штукатурки. Возможно, это было всего лишь совпадение, такая себе случайность. Но потом я вышла и увидела, что она запихнула в шредер документы, наверняка те самые, которые не хотела дать мне на изучение, — я махнула рукой в направлении стопки бумаг, лежавшей на расстоянии вытянутой руки, на столике. — И я сказала, что смогу их восстановить. Потом контейнер с бумажными полосками засветился и... В общем, они собрались в кучу. Я еще не смотрела, в каком порядке и что это за документы, но... Мне не верится, что такое возможно! Еще и голова теперь так кружится...

Рене успокаивающе улыбнулся мне.

— Не беспокойся, — спокойно промолвил он. — Что до магии, то у тебя, вероятно, связанный со словесностью дар. Магия реагирует на четкие указания, в твоем случае это — слова человеческой речи, сказанные в форме обещания с конкретным посылом. Возможно, что-то завязанное на желании. У моей сестры, например, магия в руках — а она тоже гостья из другого мира.

— Правда? — удивилась я.

— Правда. Она переместилась сюда одной из первых, еще до всяких программ адаптации переселенцев, и именно благодаря ей я и начал всем этим заниматься, — спокойно и уверенно промолвил Рене. — В общем, не волнуйся и постарайся неосознанно ничего не обещать и ни в чем не клясться, это может быть опасно. Что ж до головокружения и потери сил, то ты, вероятно, просто неожиданно для себя самой использовала слишком большой процент магического резерва. Это как с непривычки пробежать слишком длинную дистанцию. Всегда надо подходить к делу с умом и выполнять все постепенно. Ты отдохнешь, и самочувствие восстановится. Поешь заодно. Кстати! Я же принес тебе скатерть.

Я только сейчас заметила, что Рене был не с пустыми руками. Из небольшой тканной сумки он достал, казалось бы, обыкновенную скатерть, убрал со стола документы и расстелил ее там прежде, чем я успела проронить хотя бы слово.

Скатерть задергалась и подняла один край. Я пораженно наблюдала за тем, как она подвигалась, устраиваясь поудобнее на столе, а потом важно поинтересовалась:

— Каков бюджет заказчика?

— Уважаемая, — кашлянул Рене, — ты забыла, откуда я тебя достал и чем ты там занималась? Ты еще имеешь наглость требовать денег? А как же «я отплачу за помощь, мой светлый господин, обязательно отплачу, приготовлю все, что попросишь»?

— Я наблюдаю тут постороннего человека, — мрачно промолвила скатерть.

— Это не посторонний человек, а моя подопечная. Так что давай, будь хорошей девочкой и приготовь нам какой-нибудь вкусенький обед. А потом, так уж и быть, я подержу тебя за край и вдохну в тебя сил. Согласна?

Скатерть проворчала что-то, но, встряхнувшись, явила нам несколько тарелок с какими-то блюдами. Я обнаружила там глубокую миску с отлично пахнущим супом с фрикадельками, тарелку с весьма аппетитной котлетой и чашку с чаем — все это в двух экземплярах, для меня и для Рене.

— Надеюсь, ты не против, если я тоже пообедаю? — уточнил мужчина.

— Конечно, не против! — воскликнула я. — Я буду только рада...

Он придвинул к столу два разваливающихся стула и пробормотал какое-то заклинание, вероятно, призванное их укрепить. Я воспользовалась приглашением, вдруг осознав, насколько проголодалась. Рядом с Рене даже просто сидеть оказалось уютно; он не отвлекал меня разговорами во время еды, и я смогла немного расслабиться и просто насладиться пищей.

Сам же мужчина зря времени не терял. Быстро расправившись с содержимым своей тарелки, он взял в руки документы, которые я притащила, и скривился, вникнув-таки в них.

— Да уж, — щелкнул языком он. — Да уж...

— Я что-то не то собрала?

Я забыла и о чае, и о котлете, только заглянула ему через плечо. И вправду, полоски были собраны отнюдь не в правильном порядке. То тут, то там смысл слов едва угадывался, а буквы прыгали перед глазами. Как пересобрать бумаги, я, впрочем, не знала, разве что разрезать наново...

— Ну вот, только испортила все...

— Да что ты! — воскликнул Рене. — Я все понимаю, что тут написано. А заклинание, которое ты использовала, сложное, такие чары не всегда под силу и опытным. Так что не

кори себя. Расстраивает меня не то, как собраны эти документы, а то, о чем они гласят...

Я притихла на несколько минут, позволяя мужчине заняться делами. Он внимательно изучал документы, я же получила возможность доесть, а теперь с интересом смотрела на него, как будто в ожидании вердикта. На сердце было как-то очень беспокойно, хотя, казалось, ничего страшного и не произошло.

— Да уж, — наконец-то со вздохом проронил Рене. — Ничего хорошего здесь нет...

— О чем свидетельствуют документы?

— О запустении и о том, что состояние оборудования долгое время поддерживалось магией, — серьезно промолвил Рене. — А еще о том, что Матильда, моя предшественница, пользовалась этим швейным цехом в собственных корыстных целях. Производство было переформатировано под ее запросы, а они не всегда соответствовали, хм, здравому смыслу.

Уже по тому, что Рене говорил обтекаемыми, общими фразами, я поняла, что объявлять детали он мне не хочет. В эту минуту как раз уместно было попросить забрать меня прочь из этого швейного цеха и не сваливать мне на голову все опасности, которые поджидали там за каждым углом. Но унаследованное еще от дяди упрямство почему-то не позволяло мне этого сделать. Я вспомнила потертое, откровенно жалкое помещение и, вместо того, чтобы умолить о пощаде, поинтересовалась:

— У меня есть шансы все там восстановить? Наладить производство?

Рене нахмурился.

— Эти документы, несомненно, малопригодны в качестве доказательств. На них магические следы — твои магические следы, — а самое главное, они не характеризуют, что там конкретно происходило. Скорее, это свидетельство того, что швейный цех стоял только на основании магии, а реально там все разваливается. Восстанавливать, возможно, дороже, чем просто его снести.

— Но там работает огромное количество людей, — покачала головой я. — Возможно, им просто некуда больше идти? Если у них отберут это общежитие и швейный цех, что они будут делать? В конце концов, когда-то они занимались полезной работой! Они не виноваты в том, что их использовали в какой-то преступной схеме, не так ли?

— Так, — неохотно согласился Рене.

Было видно, что решение давалось ему непросто. Он взглянул на меня и неохотно промолвил:

— По-хорошему, я вообще не собирался никого назначать во главу этого цеха. Я собирался его закрыть и заняться магическим исследованием. Не знаю, каким местом мои идиоты думали, когда отдали тебе эту должность. Том мне так и не сознался, а с Эмилией даже говорить бесполезно...

— Почему?

— Потому что она женщина.

Эти слова неприятно резанули мне уши.

— Ты имеешь что-то против женщин?! — возмутилась я, а только потом подумала, что, возможно, зря так отреагировала.

Может быть, в этом мире вообще патриархат... Рене ведь не рассказывал мне, равноправие тут или как. Но он, перехватив мой взгляд, поспешно замотал головой.

— Против женского пола я ничего не имею! — воскликнул он. — Очевидно, женский пол имеет что-то против меня... — он поднял на меня уставший взгляд синих глаз. — Обычно у меня с женщинами не клеится, когда они работают под моим началом, они ведут

себя несколько странно.

Что ж, я даже могла их понять. Рядом с Рене мой собственный мозг тоже улетел бы в дальний полет, будь я чуть меньше испугана и чуть проще относись ко всему, что происходило вокруг. Но создаваться в этом мужчине я, само собой, не собиралась, я ж еще не сошла с ума! Мало ли, как он отреагирует, если поймет, что имеет надо мной большую власть, чем хотелось бы?

— В общем, ничего я от Эмили не добьюсь, — Рене явно решил не развивать тему своих взаимоотношений с женщинами. — Но суть не в том. Теперь по документам должность — твоя, и исследования будем проводить... Осторожнее. Если ты хочешь этим заниматься, конечно.

Мне следовало искренне сказать, что я понятия не имею, что делать со швейным цехом, как им управлять и что это вообще за зверь, но почему-то язык не поворачивался. Вроде так просто было одним махом отказаться от тяготившего занятия, а я все равно не решалась, только с сомнением посмотрела на мужчину и промолвила:

— Думаю, стоит поговорить с людьми... Вдруг все не так критично, как кажется?

— Может быть, — согласился Рене.

— Я поговорю! — пообещала я. — А потом расскажу, что да как. Они же там трудились. Они должны знать больше! Если они не платили налоги и делали что-то незаконное, да, это плохо... Но ведь они всего лишь сотрудники!

— Ты права, — кивнул мужчина. — Спасибо за столь ясный, мудрый взгляд.

Я почувствовала, что краснею.

Мы одновременно вскочили со своих стульев. Рене взглянул на меня так, словно пытался что-то высказать, но почему-то не решался. Странно, вообще-то он казался мне очень смелым мужчиной, но, очевидно, что-то со мной самой было не так.

— Все в порядке? — уточнила я. — Или я сделала что-то не то?

— Нет, ну что ты, — расплылся в улыбке он. — Просто мне, наверное, уже пора. Если ты не против, я возьму документы? Завтра вечером заскочу к тебе и верну.

— Хорошо, — кивнула я. — Попробую завтра поговорить с сотрудниками...

— Отличная идея, — согласился Риан. — А пока отдыхай. Тебе надо восстановиться после использования сил. Я поищу какое-то руководство для такого типа дара, чтобы тебе было не так сложно. И... Хорошего вечера?

— Хорошего вечера.

Мне на самом деле не хотелось, чтобы он уходил, но не могла же я схватить мужчину за руку и потребовать со мной остаться! В самом деле, это было бы странно. Потому я просто смотрела на него, чувствуя себя, если честно, идиоткой, и вздрогнула, когда он резко наклонился ко мне и коснулся губами щеки.

— Если что — дерни скатерть, она знает, как меня вызвать, — шепнул мне на ухо Рене и растворился в воздухе.

В этот раз у меня не возникло вопросов, где же я проснулась — растрескавшийся потолок и бедное убранство комнаты в общежитии говорило само за себя. Наверное, любой нормальный человек на моем месте просто принял бы предложение Рене и перебрался в приличную квартиру, но стоило мне только представить ежеутреннее перемещение в том кошмарном транспорте, как сразу общежитие казалось милым и довольно комфортным. Всяко лучше мертвых лошадей!

Впрочем, когда я проснулась, оно внутри оставалось таким же вымершим. Ночью я слышала шум с нижних этажей, но сейчас не было ни звука.

И ни капли горячей воды.

Кое-как помывшись под холодной стружкой — а можно сказать, и вовсе каплями, — в душе, позавтракав бутербродом, который удалось вытрясти из скатерти-самобранки без лишних споров с ее стороны, я решительно направилась на работу. Почему-то мысль о швейном цехе вдохновляла меня с каждым часом все больше и больше. Мне бы подумать, как я буду жить, что есть, во что одеваться, если сейчас в ситуации «все свое ношу с собой», а я вместо этого с ума сходила от беспокойства за швей и боялась, что их закроют.

Тамила, с которой мы столкнулись в коридоре общежития, смерила меня полным ненависти взглядом.

— Хорошо устроились, госпожа Анна, — фыркнула она.

— Что вы имеете в виду? — холодно уточнила я.

Ни о каких «хорошо устроились» в контексте этого общежития и речи не могло быть. Горячей воды нет, спала я, как принцесса на горохе — потому что матрас, по ощущениям, этим горохом и набивали, а отнюдь не чем-то мягким, — шея исколота перьями, торчавшими из подушки... Еще и на улице испортилась погода, и я полночи слушала, как какая-то ветка стучится мне в окно.

— Ну как же, — Тамила направилась к ступенькам, показывая, что если я желаю услышать ее ответ, то должна поторапливаться. — Сначала настучали на наш коллектив, не задумываясь о последствиях, выслужились, госпожа Анна, а теперь явились сюда в виде высокого начальства и собираетесь выведывать все тайны и дальше? Еще и ждете, что вам будут кланяться в ножки. Как вчерашний доклад женишку, многое смогли ему поведать? Скоро нас закроют?

Мы вышли на улицу, в промозглое, серое утро, и Тамила решительно зашагала к швейному цеху. Я двинулась следом за нею и возмущенно спросила:

— С чего вы решили, что нас должны закрыть?

— Ну, а зачем тогда все это было? — Тамила развернулась и воззрилась на меня, как на врага народа.

При свете дня, хоть небо и было затянуто тучами, я увидела, насколько Тамила побледнела и осунулась за ночь. Почему-то вспомнились люди из прошлой, нормальной жизни. Женщина выглядела так, словно у нее очень сильно болело сердце, и она не спала всю ночь.

— Я тут не для того, — твердо промолвила я, — чтобы найти лишнюю причину для закрытия цеха! Это могут сделать и без меня... — вспомнились почему-то слова Рене о том,

что, если б меня сюда не назначили, он бы просто все ликвидировал, но, если уж я решила остаться, то пусть будет, до выяснения обстоятельств. — Я просто хочу помочь! Если мне предлагают дело, моя главная цель — достигнуть успеха, а не угробить все, что тут есть! Даже если осталось совсем мало. Но чтобы я могла помочь, мне нужно хоть что-то знать! Понимать, с чего мы стартуем!

Тамила подозрительно покосилась на меня. В ее глазах не было ни грамма доверия, и я почему-то подумала, что она, возможно, не просто так в штыки приняла мое появление.

— Хорошо, — наконец-то вздохнула она. — Никто из прежнего руководства не стремился заботиться о работниках. Но, по крайней мере, у нас были кров над головой и еда, кое-какие деньги.

— И все работали, словно в рабстве?

— До вас, госпожа Анна, все прекрасно понимали, что рабство — единственный способ хоть как-нибудь выжить! Или вы думаете, что этим девочкам просто жилось?

Я скривилась. Тамила прожигала меня взглядом, словно собиралась убить.

— И вообще, — припечатала она, — раз такая одаренная, то не надо было приходить сюда, наниматься простой швеей и рассказывать, что бедная и несчастная. Бедные и несчастные бок нашему Хранителю Времени не греют. Он, конечно, мужик с прибабахом, но держать любовницу в черном теле и в швейном цехе не стал бы.

Любовницу... Еще один непонятно откуда взявшийся миф.

— Послушайте, Тамила, — наконец-то промолвила я, решив играть честно. — Я — не та Анна, которая вас сдала и которая работала в этом швейном цеху. Собственно говоря, мы с ней не знакомы. Мы — совершенно разные люди! Просто похожи внешне. Когда мы были детьми... младенцами еще... Случилось одно очень неприятное событие...

— Так вы сестры, чтоль? А зовут чего одинаково? — удивилась Тамила.

— Я не знаю. Мне сообщили об этом совсем недавно. Позавчера, — вздохнула я. — Я здесь ничего не понимаю. Но я никого не предавала! И не хочу, чтобы производство закрыли. В конце концов, мне нужно хоть какое-нибудь успешное дело. Потому я и хочу все наладить! Но это невозможно, если мне не покажут ни одного документа и только и будут, что вставлять палки в колеса!

Тамила плотно сжала губы, внимательно глядя на меня, а потом тихо промолвила:

— Хорошо. Если обещаешь спасти нас от расформирования, я помогу.

— Обещаю, — выдохнула я с такой торжественностью, словно клялась в присутствии нескольких сотен человек, а не только одной Тамиле, и произнесла не обычное короткое слово, а магическое заклинание с неотвратимым действием.

Впрочем, может, так оно и было. Рене говорил о том, что мне надо быть осторожной с обещаниями, а я по своей дурацкой человеческой привычке выбросила это предостережение из головы и поступала так, как считала правильным в эту секунду. Кто знает, какими потом будут последствия... Хотя, нарушать свое слово я не собиралась.

— Пойдем, — велела мне Тамила. — Думаю, пока доберемся до цеха, я успею рассказать историю... Я работала тут давно, еще когда мы занимались полезными делами. Была простой швеей, мы тогда готовили униформы купидонам, Любовному Патрулю и прочим структурам... А потом финансирование все сокращали и сокращали, ткани привозили все хуже, совсем не пригодные для этих целей. Людей оставалось совсем мало. Но я жизнь на этот цех положила, ни семьи, ни детей у меня не было, как я могла бросить работу? Да и жилья другого, кроме этого общежития, не осталось. А потом пришла

Матильда.

— Это прежняя Хранительница Времени?

— Да, — утвердительно кивнула женщина. — Жестокая, стервозная и прожившая на этом свете достаточно долго, чтобы все мы на ее фоне казались насекомыми-однодневками.

Я поняла, что невольно задерживаю дыхание. Рассказ Тамилы звучал как-то особенно опасно, словно в слова она вплетала какой-то необыкновенный посыл. Хотя, казалось бы, какой?

— Она сказала, что работать легально нам уже нет никакого смысла. Легче снести этот швейный цех, развалить его по камешку, да и по всему! — она дернула плечом. — Но мы не были согласны. И тогда она предоставила нам несколько заказов и несколько роскошных тканей. Я была одной из самых старших, потому мне велели руководить процессом. Настоящее руководство, разумеется, было иное, я видела мало документов, еще меньше в них понимала. Но мы с девочками хотя бы получили возможность сохранить кров над головой и стабильное пропитание! А потом... Потом, когда мы поняли, что наша деятельность не законна, а все мы на крючке, Матильда умерла.

Я вздрогнула.

— Умерла?

— Да.

— Но она же бессмертная!

— Ее проткнуло золотой стрелой, — холодно ответила Тамилла. — Нам всем об этом сказали. Знаешь, есть такое выражение, «опасная красота»?

— Да, но причем здесь это?

— Никогда, *никогда* нельзя влюбляться в мужчину, если он простой мальчишка, а тебе тысяча лет, но выглядит так, словно все наоборот! — решительно заявила она. — Подробностей нам не рассказывали, но одно ясно: это из-за него она погибла. А он, — Тамилла внимательно посмотрела на меня, — стал следующим Хранителем Времени.

Я вздрогнула. Рене? Он совершенно не походил ни на сердцееда, ни на хладнокровного убийцу. Нет, он мог бы — слишком хорош был собой, чтобы считать, будто женщины к нему равнодушны! Но все равно Рене не казался мне тем, что ради выгоды заводил бы отношения с какой-то бессмертной и пытался отобрать у нее место. Верить в это я не собиралась.

— Заместитель Матильды прибыл к нам и сказал, что у нас есть два варианта. Попытайся все рассказать новому Хранителю и молиться, чтобы он не отправил всех нас в какую-нибудь жуткую тюрьму... Или вести себя тихо и продолжать работать. И мы работали! Мы несколько лет работали, никого не трогали, пока ты... Пока та, как ты говоришь, другая Анна не растрепала ему все в мельчайших подробностях. Теперь наше руководство сбежало, у нас на руках почти нет никаких лицензий, кроме нескольких на вышедшие из моды обыкновенные платья, нам всем грозит не только потеря работы и жилья, а и тюрьма! И ты ждешь, что к тебе тепло отнесутся?

— Безвыходных ситуаций не бывает, — возразила я. — Если все живы и могут работать, значит, есть шанс!..

Безвыходная ситуация у меня была. Когда я смотрела, как угасал дядя, как он уменьшался в росте, кренился к земле, сутулился, словно старался спрятаться от посторонних взглядов, втягивая голову в плечи... Мой бедный дядюшка в конце превратился в тень самого себя, но оставался неисправимым оптимистом. Он все говорил, что считает меня необыкновенной, что в моей жизни случится что-то такое, что заставит меня не просто

двигаться вперед, а взобраться на вершину.

Угасая, он все еще пытался меня зажечь.

И теперь я действительно поверила в его слова.

— Мы все сделаем вместе, — решительно промолвила я. — Соберите где-нибудь всех сотрудников. В каком-то из залов. Я хочу обратиться к ним и обсудить план дальнейшей работы.

Тамила не прониклась огромным доверием по этому поводу, но, поразмыслив секунды две, кивнула. Она велела мне возвращаться в мой кабинет, а сама куда-то умчалась. Я слышала ее громкий, но уже не такой неприятный, как мне сперва показалось, голос откуда-то с первого этажа и пыталась разобрать слова, но безуспешно. Ожидание затягивалось; я нервно ходила по полуразваленному кабинету, пытаюсь отыскать в опустошенных шкафах хоть какую-то зацепку, но ее там не было — не считая нескольких скалок, которые едва не изодрали мне рукав, конечно.

Спустя полчаса Тамила вернулась и жестом велела следовать за нею. Я уверенно зашагала за женщиной, но с каждым преодолеваемым метром уменьшалось не только расстояние между мною и моими подчиненными, а и моя смелость.

Наконец-то Тамила открыла передо мной дверь, что вела в одно из отделений цеха. Я сделала шаг вперед, вышла к собравшимся людям — и ужаснулась.

Откуда их так много?!

Я совершила попытку сосчитать всех тех людей, что сейчас стояли в зале и внимательно смотрели на меня, но потерпела неудачу, взгляд сбивался уже где-то на десятом. Мотнула головой, немного приходя в чувство, и взглянула на сотрудников еще раз.

Кажется, среди присутствующих не было ни одного мужчины. Швей, гладильщицы, закройщицы, упаковщицы и представительницы других профессий, о которых я, в силу своих ограниченных знаний о швейном производстве, знать не знала, все они стояли и внимательно смотрели на меня, явно дожидаясь, пока скажу что-нибудь толковое.

— Здравствуйте, — промолвила я, чувствуя нарастающую неловкость. — Меня зовут Анна, и я — ваша новая начальница.

Реакцией на мои слова была тишина. Женщины и девушки — а они все были разных возрастов, хотя большинство казались довольно молодыми, — с недоверием глядели на меня, дожидаясь, что же еще смогу сказать. Может быть, они подозревали, что я буду рассказывать о каких-то глупостях или, как и все мои предшественники, потребую от них чего-то незаконного?

— Не буду таить, — набравшись смелости, заявила я, — что сейчас цех находится на грани расформирования. Но я не хочу, чтобы вы потеряли работу и жилье. Потому мы вместе должны сделать все, чтобы отстоять наше производство. Сама я этого сделать не смогу...

— Мы тоже не сможем ничего сделать, — шагнула вперед женщина лет сорока с серьезным, почти орлиным взглядом. — Потому что о какой работе идет речь, если у нас даже нет материалов? Нам не над чем работать!

Я вздохнула.

— Я видела на складах в подвальном помещении ткани. Что это за материалы?

— Это старая ткань, из которой мы шили платья, — промолвила все та же женщина. — Она наверняка уже сгнила!

— А если нет?

Воцарилась тишина. Никакого доверия или надежды во взглядах женщин не появилось,

но ни одна из них до сих пор не решалась заговорить и высказать свои опасения. Я понимала, что могла бы наговорить много всего о помощи извне, но сомневалась, что Рене пойдет на такой шаг. Ведь я обещала найти доказательства того, что этот цех действительно нужен, а не дополнительную гору проблем ему на голову!

— Пойдемте со мной, — решительно промолвила я. — Посмотрим ткани. Если там все сгнило — опускайте руки и можете останавливаться, хотя и тогда можно попытаться найти варианты. Но если материалы у нас есть, то вы пообещаете мне попытаться что-нибудь сделать!

Тишина в один момент взорвалась роптанием. Женщины переглядывались, возмущались, сомневались во всем, а в первую очередь, в моих намерениях. Однако, кажется, я была достаточно убедительна, чтобы несколько из них, считая и ту, что заговорила первой, ко мне присоединились.

Найти подвалы оказалось не так и трудно, даже без посторонней помощи. Мы осторожно спустились вниз по старым ступенькам, чудом умудрившись не упасть и не разбить себе голову, и добрались до еще одного коридора. Этот был покороче, и из него вело всего несколько дверей; я толкнула самую последнюю из них, ориентируясь на свои мутные, неточные воспоминания о первом перемещении в новый мир. Внутри царил полумрак, и его не смог развеять неясный свет висевшей под потолком на длинном проводе лампы, однако, даже при таком слабом освещении мы увидели рулоны ткани.

— Из этого мы когда-то делали платья и юбки, — промолвила без особой уверенности моя спутница, касаясь ткани. — Вроде бы цела...

— Платья и юбки потом продавались через магазины? — спросила я.

— Нет, — на сей раз в разговор вмешалась Тамила, знавшая о реализации гораздо больше. — У нас был долгосрочный контракт с несколькими образовательными учреждениями, и мы поставляли им формы для учеников. Конкретно из этой ткани делались платья и юбки для девочек старшей школы.

— И эту ткань можно будет использовать? — в моем голосе зазвенела надежда, хотя я пыталась скрыть ту радость, что вызывала во мне новость.

— Ткань — да, — подтвердила одна из швей. — Однако, кроме ткани, нужна еще фурнитура.

— А также необходимо, чтобы те образовательные учреждения все еще хотели что-то у нас брать, — вклинилась Тамила. — Скорее всего, срок действия договора уже истек...

— Документ сохранился?

— Да, — твердо кивнула она. — Могу показать.

— Замечательно, — я не собиралась останавливаться на полпути. — Тогда, девушки, вы поищите, кто поможет перенести эти рулоны в цех для закройщиков... Они вроде бы не тяжелые, если носить по одному, сами справитесь? — швеи закивали. — А я свяжусь с этими самыми образовательными учреждениями и уговорю их все-таки воспользоваться нашими услугами.

Звучало очень бодро — но при этом очень нереалистично. Я пока что даже не представляла себе, как именно планировала воплотить в жизнь задуманное, понимала только то, что отступать просто так нельзя. Спорить со мной пока никто не пытался, но, возможно, лишь из-за того, что опасались моей реакции.

Оставив работниц наедине с тканью, я вместе с Тамилей поднялась на второй этаж. Договор, который она мне вручила, действительно был очень старым.

— И давно вы прекратили поставки? — спросила я.

— Ну... Лет уж шесть как, наверное. Может, чуть больше, может, меньше, — неуверенно пожала плечами Тамила. — Договор вроде еще действительный года... три как.

— Отлично, — я обратила внимание на дату. — Есть какие-то телефоны здесь, какая-то возможность связаться с ними?

Тамила указала мне на аналог обыкновенного домашнего телефона, стоявший у нее на столе. Я вздохнула и, сверившись с номером в договоре, набрала его на старой, заваливающейся клавиатуре.

Что там Рене говорил о даре убеждения? Пришло время проверить!

Трубку подняли не сразу. Примерно с минуту я слушала нечто смутно напоминающее гудки, только немного иные, не позволявшие мне утонуть в иллюзии, будто бы я нахожусь в привычном мире и всего лишь звоню кому-то по делам.

Наконец-то мне ответили; пожилой мужской голос прострекотал:

— Отдел финансового обеспечения образовательной отрасли, слушаю вас.

Я даже немного растерялась, но, посмотрев на Тамилу, поняла, что пути для отступления у меня нет. Потому, сверившись с договором, я оттарабанила:

— Вас беспокоит директор Рейльской швейной фабрики номер два. Меня зовут Анна. Как я могу к вам обращаться?

Прежде я не обращала внимания на то, что в документах мой швейный цех гордо именовался фабрикой, зато сейчас, обнаружив это, даже ощутила некоторую гордость. Всегда легче говорить с гордостью о том, что имеет более внушительное название.

Мужчина, очевидно, удивился.

— Меня зовут Якоб, — представился он. — Однако, не ожидал, что вы решите выйти на связь с нашим отделом. Я был уверен, что вторую рейльскую фабрику расформировали еще шесть лет назад.

— Это недостоверная информация, — решительно ответила я и, подумав, что все равно ничего не теряю, солгала: — Мы находились на длительной реконструкции, однако, сейчас готовы вернуться к работе. Я хотела напомнить, что договор между нашими учреждениями все еще актуален. Фабрика готова приступить к выполнению заказов на школьные формы.

Ответом мне послужила длительная пауза. Якоб явно оторопел от моей наглости, но я не собиралась так просто сдаваться.

— Однако, — промолвил он, — у нас была длительная пауза в сотрудничестве. Мы успели найти других поставщиков, госпожа Анна.

— Господин Якоб, — твердо ответила я, — я действую в рамках договора, и здесь ничего не сказано об обязательстве регулярных поставок. Уверена, вас уведомили о паузе в работе швейной фабрики, но сейчас, когда мы восстанавливаем производство, вы можете обратиться к нам с заказом.

— Не думаю, что ваше предложение будет иметь должный спрос...

Я сглотнула. Надо было действовать до конца.

— Мы готовы предложить вам серьезную скидку, — пришлось говорить с максимальной твердостью в голосе, чтобы у него не возникло даже сомнений, будто я действую исключительно в его интересах. — И, если вы согласитесь предоставить швейную фурнитуру, мы сможем говорить о снижении цены на тридцать процентов от текущего предложения.

Цифры я назвала наобум. Да, возможно, это будет работа в убыток, но ткани и так

достались «в наследство» от старого производства, а чтобы что-то менять в работе цеха, необходимо хоть какой-нибудь стартовый капитал.

— Это уникальное предложение, — воспользовавшись паузой, уверенно заявила я. — И мы делаем его вам только потому, что не желаем забывать о старых обязательствах. У нас сейчас большое количество заказов, но я считаю нужным включить вас в планирование заранее...

— Что ж, возможно, вариант со скидкой будет нам интересен, — наконец-то выдал Якоб. — У нас сейчас увеличивается количество учащихся, понадобятся дополнительные варианты...

— На данный момент по сниженной цене мы можем предоставить юбки и платья шестилетнего образца для девушек старшего возраста. Разумеется, продукция новая. В ближайшее время я отправлю вам расчетное количество, которое мы можем изготовить, примерную смету и перечень необходимой фурнитуры. Вы можете в скором времени предоставить дополнительные материалы, уточнения по выкройкам и процентный расчет по размерной сетке?

Не знаю, понимал ли Якоб, что я только что сказала, или для него, как и для меня, часть слов осталась просто бредом, но он поспешил выразить свое согласие.

— В ближайшее время сможем утрясти все, — пообещал он. — Подскажите, Анна, адрес фабрики остался таким же?

— Да, — кивнула я, искренне надеясь, что ему просто лень будет сюда приезжать. — Благодарю за сотрудничество. Я могу воспользоваться адресом, указанным в договоре, для переписки?

— Разумеется, — подтвердил Якоб.

Мы обсудили еще несколько деталей, и я, когда положила трубку, почувствовала себя выжатой, как лимон. Потрясающе! Кто б мог подумать, что мне действительно удастся это сделать?!

— Наверное, — хмыкнула я, — Рене был прав, когда говорил, что у меня дар убеждения.

Тамила, вместо того, чтобы выражать скептицизм, придвинула мне стул, предлагая сесть, и с усмешкой протянула:

— У него, видать, на сильных женщин глаз наметан. Только видит кого, способного колдовать, сразу в постель тащит, чтобы не сбежала...

— Тамила, — повернулась я к ней, — скажите, пожалуйста, а почему вы считаете Рене моим любовником?

Женщина фыркнула.

— Так не любовником же, — сердито проворчала она. — Женихом!

Час от часу не легче! Несомненно, Рене был мужчиной красивым, еще и занимавшим очень высокую должность — это если говорить мягко и не разбрасываться фразами типа «наш бог», — но у меня, оборванки из другого мира, точно не было шансов стать его невестой.

— Вопрос остается актуальным: откуда такая информация?

Тамила уставилась на меня, как на сумасшедшую, и выпалила:

— Так ведь он сам об этом сказал!

Слова Тамилы не шли у меня из головы. Сам это сказал, подумать только! Рене, этот ослепительный красавец, наделенный, судя по словам местных женщин, практически неограниченной властью — по крайней мере, во всем, что касалось магии, — мужчина, покоровший сердце прежней Хранительницы Времени, каким бы сухим и черствым оно ни было для других, назвал меня своей невестой!

Наверное, любому нормальному человеку следовало бы радоваться на моем месте, но я испытывала тупую, странную злость. Я что ему, игрушка? Можно назвать меня своей, поселить в каком-то полуразвалившемся общежитии — ладно, ладно, мне предлагали квартиру, но Рене не особо-то настаивал, — а потом дурацкими сплетнями оградить меня от всех людей на свете?

— О чем думаете, госпожа Анна?

Я вздрогнула и подняла взгляд на Тамилу. ШВЕИ предоставили мне раскройку и расчеты по ткани, и теперь я оформляла отчет для Якоба, или кто там будет его смотреть. Мы очень надеялись, что, если отправить документы уже сегодня к вечеру, то можно довольно скоро получить фурнитуру и практически сразу приступить к работе.

А это первые деньги! Я не попросила аванс, но, возможно, сделала это очень зря. Если у местных еще и были какие-то сбережения, то они явно должны были скоро закончиться. Я не понимала, почему никто из швей не пытается покинуть свое место работы и поискать судьбы получше, но у них наверняка существовали для этого серьезные причины!

— Расскажи мне что-то о... — я хотела попросить рассказать о Рене, но спохватилась, — о бессмертных. Необязательно о том, что они сделали с нашим швейным цехом.

— Ну, у меня нет никаких особых знаний, — развела в стороны свои полные руки Тамила. — Только то, что известно всем.

Всем! Мне в этом мире ничего не известно!

— Я прибыла издалека, — уклончиво ответила я, подсознательно понимая, что рассказывать о истории своего попадания в этот мир никому не стоит. — Потому мне известно крайне мало. Будет лучше, если ты несколько меня просветишь.

— Об этом лучше спросить Рене. Уж ему-то известна правда.

— Да, — согласилась я. — Но он может высказать ее другими словами.

Тамила нахмурилась. Она сейчас уже не казалась мне такой мерзкой, как прежде, скорее — уставшей, и я уже рассмотрела ее синяки под глазами и бледную кожу, словно Тамила очень плохо питалась или крайне редко бывала на свежем воздухе.

Учитывая то, что свежий воздух был совсем рядом, я б скорее поставила на первый вариант.

— Ну, да что тут рассказывать... — пожала плечами она. — Истинные — это хранители баланса. Когда-то они были богами, ну, те, первые Истинные. Отвечали за любовь, за смерть. Теперь этим занимаются простые смертные, только одаренные. А Истинных осталось совсем мало, и они разленились до того, что только и делают, что паскудят!

— Рене тоже... паскудит? — изогнула брови я.

— Лгать не буду, в народе его любят, — ответила Тамила. — Не знаю, за что, но

носятся с ним, как с благословенным...

— Но он — не бог?

— Технически он — такой же тридцатилетний человек, как и множество мужиков на улицах, — сердито ответила Тамила. — Только одаренный... И стареть уже не будет, потому что бессмертен. Вообще, Истинные не должны вмешиваться в экономику или в юриспруденцию. Они следят за магией и балансом! А на жизнь народа смотрят тогда, когда что-то идет не так.

— Но в последнее время, я так понимаю, все идет не так?

— Многое, — поправила меня Тамила. — Матильда, прежняя хранительница, наворотила много дел! Так что, если твой Рене действительно хочет кому-то помочь, ему придется все это исправлять! Он вроде и делает. Магия перестала так шалить, мир якобы стал чище. Да только этого недостаточно!

— Он мало делает?

— Я бы хотела так сказать, — скривилась Тамила. — Он мне не нравится. Он слишком красив, чтобы быть хорошим, и слишком умен, чтобы не замечать, как нам плохо. Но, боюсь, дело не в том, что он делает мало, а дело в том, что всего того, что он успевает, недостаточно. Даже если он не будет спать целыми ночами, будет гоняться от точки к точке, отлавливать преступников, останавливать весь тот бизнес, которому дала жизнь Матильда, а потом пристраивать людей, которые там работали, и латать очередную дыру, станет всего на одну щель в нашем мироздании меньше. А все остальные, до кого он еще не добрался, продолжат злиться. Нам-то плохо. Люди никогда не готовы терпеть. И нет никаких гарантий, что он успеет сделать что-то быстрее, чем вся эта структура, повязанная прогнившими нитями, развалится. Потому, девочка моя, — Тамила забыла и про «госпожу Анну», — я б на твоём месте держалась от него подальше. Целее будешь!

Я вздохнула.

— Спасибо... Я закончила отчет. Это надо отправить, — я передала ей бумаги, чувствуя себя выжатой, как лимон. — И я, пожалуй, пойду уже домой. Все остальное завтра.

— Ты и так много сделала...

Мы с Тамилой переглянулись, словно подтверждали, что вышли друг для друга на какой-то другой, новый уровень доверия. Я улыбнулась. Женщина уже перестала меня пугать и даже вызывала некоторую симпатию, так что, мне казалось, мы сможем поладить и после.

Стараясь не думать о дурном, я медленно побрела к общежитию. И уже у самого входа, оторвав взгляд от земли, увидела стоявшего на покосившихся ступеньках крыльца Рене.

Черт! И понадобилось же ему меня опять навещать!

В руках у мужчины была довольно большая дорожная сумка, судя по виду, с вещами. Он держал ее так легко, словно та ничего не весила, и осматривался вокруг, явно дожидаясь меня.

— Смотришь, как тут бедно? — промолвила я, останавливаясь рядом с ним. Потом прикусила язык, подумав, что веду себя неоправданно грубо.

Рене же не виноват в том, что у него не хватает рук, дабы привести все в порядок.

— Ну, да, не райские кущи, — согласился мужчина, очевидно, подбирая удобную мне лексику, потому что прежде чем вспомнить о кушах, он помолчал с полсекунды. — Но ремонту должно поддаваться. Как прошел рабочий день?

Я вздохнула.

— Хорошо прошел. Нашли на складах запасы ткани и... — я запнулась. — Неужели тебе

правда интересно?

— А почему мне должно быть неинтересно? — искренне удивился Рене. — Я же спросил, значит, хочу узнать, как тут что...

Мне пришлось приложить немало усилий, чтобы в ответ на эти его слова не выпалить тот десяток вопросов, что крутился на языке. Например, относительно «невесты». Зачем он вообще мог о таком сказать? Поразительно! Мы с ним практически незнакомы, а он одним легким словом записался мне в женихи. Защищал от проблем? Создавал новые?

Я подняла голову, собственно, чтобы посмотреть на небо и успокоиться, но до самого неба, собственно, не досмотрела. Вместо этого натолкнулась взглядом на приоткрытое окно двумя этажами выше. В нем мелькнула какая-то тень; вероятно, кто-то из сотрудниц уже находился дома, а сейчас занял удобную наблюдательную позицию.

— Может быть, ты заглянешь внутрь? — предложила я. — Потому что тут нам просто так находиться не дадут. Видишь, сколько заинтересованных?

— Вижу, — усмехнувшись, кивнул мужчина. — Да, конечно. Пойдем.

Он подал мне руку, словно сама подняться по ступенькам я не могла. Конечно, это можно было счесть за простой жест галантности, но рядом с Рене я чувствовала себя очень неловко. Слишком уж он выделялся на фоне местного запустения.

Насколько сильно выделялся, я поняла, пока мы поднимались на мой пятый этаж. Нам встретилось четверо или пятеро девушек по пути, и каждая из них едва не свернула шею, так засмотрелась на нашу пару. И что-то мне подсказывало, что смотрели они отнюдь не на меня в надежде оценить будущую начальницу...

Я впустила Рене в блок и заперла за собой двери на ключ, понимая, что кого-то не смутит понятие личного пространства, и он обязательно попытается подслушать или посмотреть, что же происходит за закрытой дверью. Рене, воспользовавшись моим приглашением, опустил сумку на пол, сам устроился на разваливающемся стуле и постучал указательным пальцем по скатерти.

— Опять бесплатно, — проворчала та, оживляясь. — Вы меня таким образом истощите до дна! Мне нужно пополнять мой энергетический ресурс! Мне надо денег!

— Тебе нужны эмоции, — строго ответил ей Рене, прижимая ладонью. — А не деньги! Но эмоций ты и так наелась предостаточно, пока валялась у меня в кабинете.

— Там, — провозгласила скатерть, — они не вкусные.

— Ты мне тоже не очень нравишься, — с улыбкой промолвил Рене. — Но давай-ка пока прекратим этот разговор, ладно? Анна, я принес тебе одежду.

Я оторопело уставилась на него.

— Одежду?

— Ну, да. Часть — надеюсь, ты не обидишься, — одолжил у твоей предшественницы, она же тоже явно воспользуется твоим. Ну, а часть пришлось обновить. Думаю, я угадал с размером.

— Рассматривал меня? — хмыкнула я то ли в шутку, то ли с затаенной обидой.

— Конечно, — подмигнул мне Рене. — И у меня отличный глазомер.

— Это отвратительно, — фыркнула я.

— Да? — он весело изогнул брови, и я вдруг задалась вопросом, в курсе ли этот мужчина, насколько он хорош собой.

Наверное, да? Сложно не замечать очевидное. Эти синие глаза буквально прожигали насквозь; я чувствовала себя так, словно начинаю таять. Восковая свечка, не иначе.

— Ладно, не отвратительно, — закатила глаза я. — И вообще, спасибо, что принес мне сменную одежду, потому что в этом я бы сошла с ума.

— И все же, — промолвил Рене, — было бы гораздо лучше, если б ты перебралась в нормальную квартиру.

Конечно, любой разумный человек с ним сейчас бы согласился. Но я слышала в этих простых и вроде как заботливых словах что-то опасное для себя.

— Здесь тоже нормально жить, — уверенно промолвила я. — Ну и что, что ободранные стены? Это не такая большая проблема, как тебе может показаться! Бывает и хуже! Клобы не бегают, тараканы тоже...

— Да, не бегают, — кивнул Рене. — Но все же, там комфортнее. Никто не будет мешать.

— Мне не мешают девочки, — решительно ответила я.

— Мешать могут не только они.

— А кто еще?

Рене вздохнул.

— Нам придется исследовать здесь каждый сантиметр.

Я посмотрела на него и буквально ощутила, как во мне поднимается волна гнева.

— Ты хочешь сказать, — прошептала я, — что ты собираешься закрывать цех?

Не сказать, что Рене слишком обрадовался моему вопросу. Он тяжело вздохнул, а потом мягко промолвил:

— Будут дополнительные проверки.

— Значит, собираешься закрывать, — испуганно выдохнула я.

Не знаю, каким образом умудрилась за такое короткое время загореться идеей все здесь восстановить, но от одной мысли, что дело у меня сейчас элементарно отберут, просто потому, что кто-то счел его бесперспективным на самом старте, становилось дурно. Рене же, оправившись от первого удивления, поднялся на ноги и взглянул на меня с потрясающей серьезностью.

— У меня нет полномочий распоряжаться закрытием или открытием цеха. Я вообще не имею права влиять на экономическую деятельность страны, если это не необходимо для поддержания баланса. К сожалению, цех оказался на стыке двух сфер влияния. Да, экономически он невыгоден. Мне пришлось потратить очень много времени, чтобы убедить местные власти не спешить с принятием окончательного решения, потому что я надеюсь напасть на след и получить доказательства.

— Какие именно доказательства?

— Того, что другие Истинные, которые трудились еще при Матильде, продолжают расшатывать общую ситуацию и пытаются разрушить баланс ради собственной выгоды.

Звучало серьезно. Я непроизвольно вздрогнула.

— И как? — спросила, стараясь не выглядеть слишком скептически. — У тебя что-то получается? Есть возможность действительно что-нибудь доказать?

Рене вздохнул.

— Тут осталось слишком мало энергетических следов. Эту должность не просто так передали в мое ведомство, и на нее следовало назначить человека, который работал бы скорее дознавателем, чем главой швейного цеха...

— Но назначили меня. Почему?

— Потому что Томас — последний дурак со слишком длинным языком!

Глаза Рене опасно сверкали. Сам он, гневаясь, выглядел как-то необычно — словно в нем клокотала, вырываясь на свободу, магия. Мне подумалось, что, если прищуриться, так, чтобы картинка перед глазами немного размылась, то удастся увидеть силовые всполохи вокруг него, яркие языки огня, пожирающие воздух вокруг.

Но я этого не сделала. Мне и так в жизни предостаточно впечатлений, чтобы сейчас еще и проверять, как там у Рене выглядит аура.

— Значит, — промолвила я, — вы хотели отправить управляющего в этот цех только ради того, чтобы собрать доказательства, да?

— Да.

— И судьба сотрудников никого не волновала.

— Я не желаю им зла, — твердо промолвил Рене. — Но они, добровольно или нет, осознанно или не очень, занимались деятельностью, которая могла причинить балансу серьезный вред. Надо собрать достоверные факты, понять, что здесь происходило все эти годы. Разобраться, в конце концов!

— Но сейчас же они безвредны!

— Они — да. Но люди, которые все это придумывали, до сих пор на свободе, — промолвил Рене. — И их необходимо найти. Понять, кто это был. Навести, в конце концов, порядок!

Я серьезно взглянула на него.

— А тебе не кажется, — поинтересовалась мягко, — что, гоняясь за высокими целями, ты слишком легко теряешь простых людей? Они меня-то едва приняли. Ты представляешь, каково им? Поставь себя на их место! Они напуганы! Им не дознаватель нужен, а нормальный руководитель, который сможет наладить производство. И тогда они сами все расскажут — все, что будут знать!

Рене бросил на меня быстрый и, как мне показалось, злой взгляд.

— А они представляют, — тихо промолвил он, — каково мне? Кто-то ставит себя на мое место? Мне оставили руины! Я, думаешь, просил о том, чтобы мне все это взвалили на голову? Я очень рвался к власти? Да ничуть! Мне вообще все это было не нужно! Однако, выбора мне не оставили! Нормального руководителя? Любой другой на моем месте отправил бы сюда боевой отряд, и их разговорили бы куда более быстрыми способами! По-хорошему, здесь все до единого — преступники, даже если невольные!

— Они — заложники ситуации! — мотнула головой я.

— Заложник ситуации, — тяжело выдохнул Рене, как будто у него вдруг закончились силы, — здесь я. Или ты. Тебя вообще не должны были назначать на эту должность, тебе надо адаптироваться, привыкать к новому миру, а не взваливать на себя все эти проблемы! Мне следовало самому выбрать тебе работу и отвезти тебя в твою квартиру, а не доверять бестолковому Тому. Предупреждал же...

— Мне кажется, он выдал мне весьма уважаемую должность, — промолвила я. — И ответственную.

— Ага. И предназначенную для опытного местного жителя! — почти прорычал Рене.

— А не потому ли, — выпалила я, не задумываясь о последствиях, — он это сделал, что ты назвал меня своей невестой?!

Рене так взглянул на меня, что вся моя уверенность в этих словах моментально куда-то исчезла. Может быть, я что-то напутала? Ну какая я, в конце концов, невеста?! Он — что-то вроде бога, человек, которому тут едва ли не поклоняются, а я — простая глуповатая

попаданка, которая не умеет держать язык за зубами, да еще и влезла в серьезные дела. Кажется, все, что он может чувствовать по отношению ко мне — это стойкое раздражение.

— Да, — вдруг ответил мужчина. — Именно потому. Но я не хотел, чтобы так получилось. Мне вообще следовало заниматься всем этим самостоятельно, а не перепоручать что-то Тому.

Я невольно попятилась.

— То есть, — прошептала совсем тихо, — ты хочешь сказать, что ты действительно... Действительно назвался моим женихом? Нет, подожди! В моем мире жених и невеста — это такая парочка, которая собирается заключить брак, любит друг друга, все дела, а потом будет жить вместе, строить семью, заводить детей. Может быть, у вас это что-то другое? Ну вроде как обозначение куратора и его подопечной?

— Куратор и подопечная обозначаются словами «куратор» и «подопечная», — спокойно ответил Рене. — В нашем мире жених и невеста — то же самое, что и в вашем.

— Но погоди, — пробормотала я. — Нет, ты не мог этого сделать!

— Почему? — изогнул брови он.

— Ты бессмертный!

В моем голосе откровенно звенели панические нотки. Я попятилась, хотя Рене не спешил ко мне приближаться и просто смотрел.

— Ну, нам, по-хорошему, вполне можно заводить семьи.

— Ты еще скажи, что с детьми!

— Даже с детьми, — легко ответил он.

— Но ты меня совсем не знаешь! — выдохнула я.

Рене наконец-то осуществил попытку сделать шаг в моем направлении. Я предупредительно вытянула руки, показывая, что ему лучше бы и вовсе не приближаться, и он послушно остановился, глядя на меня со странной смесью внимательности и любви.

Зачем ему это? Он что, какой-то сумасшедший, чтобы называть невестой первую попавшуюся девицу, которую знает не то что без году неделя, а без недели сутки!

— Это ненормально, — не дождавшись ответа, воскликнула я. — Вообще... Я правда не понимала, что тебе от меня нужно. Зачем ты это сделал? Зачем человек в здравом уме вообще может назвать полужнакомую девушку своей невестой?

— Затем, — Рене явно с трудом сохранял спокойствие, — что я пытался тебя защитить!

— Защитить?! Вот таким диким образом!

— Нет, а ты всерьез полагаешь, что я это сделал для того, чтобы окольцевать, затащить в какой-нибудь подвал, приковать к стене и постепенно сцеживать кровь?! — возмутился мужчина. — Или ты считаешь, что у меня проблема с поиском невесты?

— Не считаю, но она, наверное, есть, если ты так легко разбрасываешься своей рукой и сердцем, что готов вручить их первой встречной?!

Возможно, Рене и мог сейчас огласить какие-то здравые аргументы, вот только я явно не была готова их услышать. Мне глаза застилала пелена гнева и удивления. Как ему только могло прийти в голову нашептывать на ухо Тому о женихе и невесте?

— Единственной моей целью, — его голос стал ледяным, — было тебе помочь, Анна, а не затащить тебя под венец. И ты понятия не имеешь, что бы с тобой могло произойти, если б я этого не сделал. Но благодаря Томасу ты, вместо того, чтобы быть в безопасности, оказалась в этом проклятом швейном цеху, еще и собираешься его восстанавливать. А это последнее, что тебе сейчас нужно.

— В безопасности? И что же мне тут угрожает? — выдохнула я.

Иррациональное чувство обиды отравляло все вокруг. Я не знала, откуда вдруг появилось такое стойкое ощущение горечи во рту — ведь Рене не сказал мне ничего плохого! И я даже не фантазировала относительно того, что могла бы быть его невестой!

Наверное, не фантазировала. Или убеждала себя в том, что не делала этого...

— Я не могу тебе сказать. Но будет гораздо лучше, — строго промолвил Рене, — если ты сейчас выбросишь из головы все фантазии относительно восстановления этих руин и позволишь тебя отсюда увести. А потом, раз уж я тебе так неугоден, мы больше не увидимся.

Не увидимся? Если б я этого хотела...

— Это не руины, — твердо промолвила я. — Это нормальный швейный цех, и я собираюсь заняться его восстановлением. И очень надеюсь, что тебе хватит благородства не вставлять палки в колеса собственной «невесте». Разумеется, я никуда отсюда не уйду!

Рене сверкнул глазами так, словно собирался прямо на месте меня сжечь. Потом холодно, почти равнодушно промолвил:

— Удачи. Не стану мешать размышлениям насчет планов восстановления.

И решительно прошел мимо меня, еще и хлопнул дверью. Я только растерянно смотрела ему вслед, чувствуя себя последней идиоткой. И он даже толком не объяснил, что именно заставило его называть меня невестой...

— М-м-м, — пропищала скатерть у меня за спиной. — И вправду, какая сладкая эмоция гнев... Спасибо, мои дорогие. Завтра, Аннушка, жди великолепный завтрак, обед и ужин!

Что ж... Если наша ссора и принесла кому-то пользу, то только ей.

Слова о преступниках, о том, что мне надо держаться от швейного цеха подальше, об опасности терзали меня всю ночь, и ни сытный ужин, ни возможность переодеться в нормальную одежду не заставили меня забыть обо всех проблемах. Я почти не спала, смотрела в потолок, серовато-черный в ночной темноте, и пыталась понять, как так могло получиться. Рене говорил, что пытался меня защитить, но от кого? Сейчас это даже звучало смешно; я могла бы его спросить, если б мне хватило терпения поговорить с мужчиной нормально, но я же распахивалась и, кажется, повела себя неадекватно.

...Утром, увидев серьезные лица сотрудниц, ждавших меня у выхода и сыпавших своими идеями, что сделать, дабы скорее поднять швейный цех, я поняла, что сомневалась в них зря. Эти светлые, полные доверия взгляды однозначно стоили того, чтобы за них рискнуть! Об этих людях следовало позаботиться, а кроме меня, кажется, сделать это было некому.

На них в лучшем случае смотрели как на преступников. В худшем — как на расходный материал. Ведь если первый вариант предполагал оправдание, если доказать невиновность, то во втором они даже не считались людьми.

Однако, мой дар убеждения, если он, конечно, существовал, сработал. И дело было даже не в том, что работницы швейного цеха поверили в меня и действительно были готовы взяться за дело, а в том, что заказ на школьные формы вместе со всей необходимой фурнитурой действительно прибыл. Надо было видеть радость во взглядах девушек, чтобы понять, как ценен им был этот первый заказ! Они радовались осторожно, тихо, так, чтобы никто не заметил — наверное, дабы не спугнуть удачу и не позволить никому проникнуться завистью к ним.

А потом приступили к работе.

Это были блаженные несколько дней — что-то среднее между покоем и постоянной занятостью. В швейном цеху стало в разы чище, потому что воодушевленные сотрудницы нашли в себе силы вымести всю пыль, отмыть столы, натереть швейные машины, дабы ничто не повредило и не замарало ткань. Старые ножницы для раскройки удалось отчистить от ржавчины и наточить так, что они резали лучше новых — ну, или нам, радостным, так казалось.

Я носилась из одного зала в другой, помогала раскладывать ткань, просчитывать раскройку с минимальными потерями, и мы расстраивались каждый раз, когда понимали, что тот или иной кусочек использовать по назначению уже не удастся — ну никак не втиснуть на него дополнительную деталь. Дело пошло на лад; нам предоставили хорошую фурнитуру, ткань же отлично сохранилась, и из нее получались чудесные юбки и платья.

Однако, меня съедало беспокойство. Слова Рене, которые я прокручивала раз за разом в голове в разных интонациях, вызывали страх. Что, если это счастье, этот подъем ненадолго, и он, потеряв терпение, захочет оборвать ликование девушек одним махом?

— ...Устала?

Я вздрогнула и подняла взгляд на Тамилу.

— Что?

— Спрашиваю, устала ли, — женщина грузно опустилась на кое-как отремонтированный стул. — А то бегаешь, словно ужаленная, вот уж неделю как. И за всем

тебе надо проследить, все надо проконтролировать! Будешь держать также крепко, растеряешь все свои силы.

— Растеряю, но разве есть варианты? — устало спросила я. — Пока что надо быть предельно внимательной, чтобы ничего не упустить. Я не гений швейного производства; пусть лучше научусь на самом старте, чем потом, когда поздно будет узнавать что-то новое.

— Ты права, конечно, — вздохнула Тамила. — Впрочем, я не затем пришла, чтобы поучать. Вот, смотри. Мария наша, старшая швея, забракела, конечно, но Милли просила еще тебе показать. Она ж еще совсем дитя, наивная... Дизайнером хотела стать. Только купят ли такое?

Тамила положила передо мной лист бумаги, на котором простым карандашом был сделан рисунок.

— Что это? — осторожно уточнила я.

— Платье. Из лоскутков, которые останутся от нашей ткани. Еще немного фурнитуры, пуговиц — нам ведь дали с запасом. Примерно три-четыре таких можем сшить. Милли придумала, говорит, сама готова все отшить... Но да только будет ли толк? Лучше бы за основной работой сидела.

— Толк? Конечно будет! — воскликнула я.

...Платье, изображенное на бумаге, показалось мне просто великолепным. Да, неожиданного кроя, но ведь это не делало его непривлекательным. Я не знала, как обстоят дела с модой в этом мире, но в моем подобное на правах эксклюзива обязательно с руками бы оторвали!

— Это отличная идея, — я заставила свой голос звучать спокойнее. — Это платье может стать первым шагом нашей новой эры, нашего развития. Я постараюсь подумать, как его реализовать... Во-первых, это дополнительные деньги без лишних трат. Во-вторых, мы можем сделать имя! Если Милли все просчитала правильно, то она — гений!

— Мы раньше ориентировались на что-то попроще, — пробормотала Тамила. — Школьные формы, медицинские халаты, все такое...

— Никогда не поздно переориентироваться на что-то новое. За время простоя на рынке появилось немало конкурентов. У них лучше оборудование, прекрасные ткани и скорость. Но у них нет нашей Милли и нашего желания выбиться в люди, — твердо промолвила я. — Потому я предлагаю не идти только одним путем, а пытаться активизироваться сразу на нескольких. Разделить мощности! Ведь если не удастся, мы все равно не потерпим убытка.

Тамила все еще была готова спорить, но я, зарядившись новой идеей настолько, что даже позабыла о беспокойстве, велела:

— Позови Милли, пусть она ко мне зайдет. А я пока попытаюсь найти варианты, куда бы пристроить это платье...

На самом деле, контактов у меня было не так-то много. Решив действовать по пути наименьшего сопротивления, я набрала номер господина Якоба. То ли на него лучше всего действовала та самая таинственная магия, которой я, по словам Рене, обладала, то ли он просто был добрым человеком и легко шел на контакт...

В любом случае, причины не имели такого уж большого значения. Важно, что мы легко находили контакт, и он действительно мог согласиться помочь.

— Добрый день. Это госпожа Анна, из швейного цеха, — промолвила я, стоило только мужчине взять трубку. — Вы можете разговаривать?

— Найду минутку, — хотя я не могла видеть мужчину и, собственно, понятия не имела,

как он выглядит, почему-то представляла сейчас, как он улыбался. — Вы что-то хотели? Что-то не так с фурнитурой? — теперь в его голосе зазвенело беспокойство. — Мы вчера получили от вас первую партию, отличные образцы. Не думал, что после застоя вы сможете вернуться к прежнему уровню качества.

— С фурнитурой все замечательно, — спокойно ответила я. — И мы очень рады, что товар пришелся вам по душе! Надеюсь, мы сможем продолжать и дальнейшие поставки. Однако... Я бы хотела обсудить с вами один личный вопрос.

— Да? — изогнул брови Якоб.

— Моя швея предложила эксклюзивный дизайн платья. Мы можем сшить таких всего несколько экземпляров. Конечно, могли бы предоставить товар на реализацию в магазины, однако, это вряд ли будет иметь должный эффект. А вы, господин Якоб, наш старый партнер, и я подумала, возможно, подскажите более верный выход... Ведь вы знаете о том, насколько качественны предлагаемые нами товары! Мне бы не хотелось растрачивать потенциал...

Он помолчал с полминуты, а потом промолвил:

— Однако, это большая удача, что вы решили позвонить именно мне! Вы знаете, моя супруга как раз подыскивает варианты эксклюзивной одежды в свой модный бутик.

— Вот как...

Это и вправду было неожиданно.

— По правде сказать, именно из-за нее я и занимаюсь в департаменте в том числе и делами школьной формы. Никто не хочет вникать, а мне дома всегда есть с кем посоветоваться по поводу тканей, качестве строчки или возможной цены. И моя супруга сказала, что вы предлагаете весьма качественный, но при этом недорогой товар. Думаю, она будет рада, если узнает, что кроме исполнительности, вы можете также порадовать и креативом.

Я улыбнулась. Это действительно была большая удача! Я даже не надеялась, что смогу найти нужные знакомства.

— Я мог бы, — продолжил Якоб, — устроить вам встречу? Думаю, в таком формате куда удобнее обсудить дела...

— Я была бы очень вам за это благодарна! — мне пришлось сдерживаться, чтобы не заявить это слишком радостно. — Для меня большой честью станет познакомиться с вашей супругой, тем более, если она занимается таким серьезным делом.

— Думаю, у вас есть кое-что общее. Например, любовь к своему делу — и любовь к шитью. С вами приятно работать, Анна... С моей супругой не всегда, но она умеет строить деловые отношения без лишних примесей.

Я так понимаю, именно личная «примесь» и была этим самым «не всегда», о котором говорил Якоб.

— Я поговорю с ней. Наберите меня завтра, и обсудим детали встречи, — мужчина, кажется, вновь улыбался.

— Обязательно. Спасибо за поддержку. Хорошего вам дня!

— И вам.

Мы распрощались, и я повесила трубку, чувствуя себя невероятно довольной. Если нам удастся действительно сотрудничать с каким-то модным бутиком, то можно будет расширить производство! Или шить на заказ!

Интересно, интересуется ли ее массовый товар? Небольшие партии? Или что-то

индивидуальное? Или...

Мои мысли прервали стук в дверь.

Стучали громко, настойчиво. Я даже удивилась — обычно такой напор проявляла только Тамила, ну, может, еще Мария. Но первая открывала дверь уже без стука, каким-то чудесным образом превратившись в мое доверенное лицо, а вторая... Может, она.

Или Милли настолько боится постучаться, что попросила Тамилу сделать это за нее? Что ж, тоже очень разумная версия.

— Да, входите, — громко промолвила я, ожидая увидеть за дверью Милли с ее эскизами или идеями, ну, или в крайнем случае Марию.

Однако, на пороге моего кабинета оказался совершенно незнакомый мне мужчина.

Первое, что я заметила — цепкий, неприятный взгляд, заскользивший по бедной обстановке моего кабинета. Незнакомец словно нарочно выхватывал детали, пытался что-то отыскать. Губы его изогнулись в презрительной улыбке, когда он окончательно убедился, что я — обитательница довольно бедного, скромного места с ободранными стенами, потолком в трещинах и кое-как починенными стульями, чтобы они не разваливались не только под моим, а и под Тамилиным весом.

— Госпожа Анна?

— Это я, — пришлось согласно кивнуть. — С кем имею честь?..

Мужчина перешагнул наконец-то порог, лениво подошел к стулу и опустил на него свой крохотный, почему-то магнитом притягивающий мой взгляд портфель.

Сам он — мужчина, не портфель, — был высоким, нескладным и облаченным в сплошь черный костюм и черную же рубашку. Слово носил траур. Кроме цепкого взгляда да тонких, сжатых в узкую полоску губ в его лице не оказалось ничего примечательного, но общие ощущения от незнакомца у меня сложились довольно быстро. Неприятная личность.

Он обо мне, впрочем, тоже был не слишком высокого мнения. Спокойно открыл свой портфель, вслепую, не отводя от меня глаз, и добыл оттуда какое-то удостоверение. Раскрыл его таким же спокойным движением прямо у меня под носом.

«Следователь отдела по борьбе с экономической преступностью», — гласила надпись.

— Меня зовут Владлен, — представился мужчина. — Владлен Войчик.

И вправду, это имя и фамилия, а еще — крохотная фотография на удостоверении подтверждали его слова. Еще несколько крохотных строк обозначали звание, но разобрать, что там написано, я не смогла, хотя вроде как не жаловалась на зрение.

— Зачем пожаловали, господин Владлен? — мрачно поинтересовалась я.

Сердце забилося чаще от ощущения опасности. О панических атаках я слышала и прежде, но сейчас впервые переносила ее на себе. Ком в горле, сердце, которое будто сжала чужая крепкая рука, и оно, бедное, бьется, пытаюсь вырваться на свободу...

Вспомнился Рене. Неужели этого Владлена послал он? Я не знала, откуда мне вдруг пришла такая мысль, но она показалась очень логичной.

— Надеюсь, госпожа Анна, вам известно, что этот швейный цех никогда не мог похвастаться хорошей репутацией... Я присяду?

Я коротко кивнула.

— У нас были подозрения относительно того, что в стенах этого здания было совершено несколько серьезных преступлений экономического характера.

Наверное, я сильно побледнела. Не сказать, что я сейчас чувствовала себя очень смелой. Одного уничижительного взгляда Войчика оказалось предостаточно, чтобы в моей голове

появилась тысяча опасных мыслей.

А еще минутоу назад все шло так хорошо!

— Торговля контрафактным товаром, — перечислял Войчик, — изготовление товаров из не прошедших сертификацию материалов, сознательный уход от налогов...

О налогах я пока что даже не думала. Наивно полагала, что разберусь, когда получу хоть какие-то деньги!

— Госпожа Анна, вам дурно? — мрачно уточнил мужчина.

Ни о каком беспокойстве, разумеется, и речь не шла.

— Нет, — покачала головой я. — Все в порядке. Просто, понимаете ли, я заступила на должность главы швейного цеха совсем недавно...

— Неделю назад, я верно понимаю?

— Да.

Семь дней! Семь дней, за которые я успела зажечь надежду в чужих сердцах и загореться самой! Вот только, кажется, зря. Потому что уютный мирок, который я вроде как выстроила в своей голове, стремительно разрушался, превращаясь в ничто.

— И все же, вам дурно, — промолвил Войчик. — Возможно, воды? Или дать вам успокоительного? — он потянулся к своему портфельчику.

— Все в порядке, — твердо ответила я. — Не нужно.

Все равно я б не согласилась сделать даже глоток!

— Лучше говорите быстрее.

Войчик, кажется, забеспокоился. Моя реакция ему откровенно не понравилась.

— О, должно быть, вы неправильно меня поняли! — воскликнул Владлен. — Я ни в чем не обвиняю вас, госпожа Анна

— Вы только что говорили мне об уходе от налогов и несертифицированных материалах, — твердо промолвила я. — Мне кажется, это довольно серьезное обвинение.

— Да, — кивнул Войчик. — Но оно касается не вас, а более давнего периода функционирования швейного цеха. Разумеется, вас лично совершенно не касается все то, что я сейчас скажу. Мне жаль, что вы потеряли неделю своего драгоценного мнения на это гиблое место... Но не волнуйтесь. Это ничем не угрожает вашей безопасности, свободе или репутации.

— Вот как, — тихо промолвила я.

Его слова должны были успокоить меня. Но вместо этого поселили еще большее беспокойство.

— Я пришел к вам только для того, — продолжил Владлен, — чтобы вы помогли мне завершить здесь все быстро и без лишнего шума.

— Я?..

— Господин Рене говорил о том, что на вас можно положиться.

Рене! Неужели это все-таки он? От одной мысли о том, что именно этот мужчина так решительно и радикально решил меня любой возможности хотя бы попытаться здесь все восстановить, была подобна удару под дых. Я закрыла глаза, пытаясь сконцентрироваться на собственном даре, найти в себе хоть что-то, что помогло бы противостоять Войчику, но натолкнулась только на пустоту.

— Надеюсь, вы сейчас не откажете сопроводить меня вниз, к людям, — спокойно промолвил Владлен, поднимаясь.

Я ничего не ответила, только встала следом за ним. Отпускать мужчину к людям одного

было категорически противопоказано, но я все еще не до конца понимала, что могу сделать, чтобы остановить его. Вытолкать прочь за дверь? Обрушить на голову потолок?

Боюсь, даже если он погибнет в стенах швейного цеха, легче не станет.

— Мне жаль, — продолжил спокойно Войчик, уверенно спускаясь по ступенькам вниз, — что вам пришлось неделю потратить на это место! Оно совершенно безнадежно, это было понятно с самого начала. Все мы только и ждали, что получения ордера.

— Это прекрасное место, и здесь работают прекрасные люди! — пылко воскликнула я. — И они заслуживают второго шанса...

— Вы предлагаете мне оставить здесь все как есть и уехать? — он обернулся.

Слова застряли у меня в горле.

— Ну, это же смешно, — Войчик даже не стал дожидаться, пока я отвечу. — Вы же проработали тут всего неделю. Просто плюньте и забудьте.

— Я не могу плюнуть и забыть! — мы уже выскочили в коридор, и из залов сюда постепенно подтягивались сотрудницы. — Послушайте, по какому праву вы вообще применяете санкции? Где документы? Люди только начали работать, мы взялись налаживать производство...

— Начали работать здесь вы, — строго промолвил Войчик. — А все остальные здесь совершали преступления.

От его слов веяло холодом. Он явно хотел нагрубить и мне, но почему-то сдерживался...

Почему-то? Наверняка же из-за Рене! Не знаю, что он там ему наговорил, но... Он явно в этом замешан. Решил оградить меня от швейного цеха вот так, поставив перед фактом?!

— Сегодня, — проронил Владлен, — этот цех будет опечатан. Все сотрудники будут внесены в соответствующую базу, и относительно них проведут следственные действия. По каждому отдельно. Всех, кого признают виновными, ждет штраф или тюремное заключение, в зависимости от тяжести совершенного преступления и решения судьи. Остальных мы отпустим. Так что, если ваши сотрудники невиновны, они могут ни о чем не беспокоиться, госпожа Анна.

Сердце закололо с удвоенной силой. Мне хотелось наброситься на этого мерзкого Войчика и выдрать ему глаза, но умом я понимала, что так не помогу делу, только сделаю хуже.

— Так что прошу всех покинуть помещение и не расходиться. Общежитие тоже будет опечатано на время следственных действий.

Звучало так, как будто в крышку гроба забивали гвозди.

— Погодите, — промолвила я, преграждая дорогу уже вознамерившемуся выгнать всех прочь из здания Войчику. — Что значит, будет опечатано общежитие? А где прикажете жить на время следственных действий?!

Владлен смерил меня полным недоумения взглядом.

— Госпожа Анна, но ведь у вас есть квартира? Возможно, для вас мы сделаем исключение и позволим забрать из здания общежития вещи. Разумеется, под моим присмотром. Повторюсь, вы можете не беспокоиться. Вам не будет нанесено никакого ущерба.

Мне захотелось закричать. Никакого ущерба?! Он собирается выселить моих людей на улицу, а говорит о том, что со мной все будет в порядке?!

— Дело не во мне, — покачала головой я. — Эти люди! — я кивнула в сторону работников, наводнивших коридор. Все они были бледны и испуганы, явно не представляя, что

делать дальше и куда идти. Мне самой было тошно от своей беспомощности, и я отчаянно искала выход. Хотя что-нибудь, что способно им помочь! — Они ведь прожили здесь столько лет! Им просто некуда идти!

— Вас не должно это беспокоить. Вы проработали здесь всего неделю, — пожал плечами Войчик. — Я знаю, что вы новый человек в городе, и подвезу вас до вашей квартиры после того, как покончу с этим, не волнуйтесь. Что ж до этих людей, то после опечатывания швейного цеха и общежития они все отправятся в следственный изолятор, — он осмотрел толпившихся в коридоре испуганных женщин. — И, возможно, им не придется заботиться о поиске жилья. Государство сделает это за них.

Он выдержал долгую, мучительно болезненную паузу, и добавил:

— У нас весьма комфортабельные тюрьмы. Преступницы должны быть благодарны, что их жизнь так обустроивают. А вам, госпожа Анна, я предлагаю не расстраиваться, а радоваться. С вас только что сняли огромную обузу.

Энергетические нити, нанесенные на карту, перепутались так, словно это был клубок, попавший в лапы излишне игривого кота. Когда я пытался выпрямить их или хоть как-то пойти вдоль хотя бы одной, чтобы четко определить траекторию, они извивались, выгибались, как живые, и отказывались поддаваться.

— Ой, нелегкая это работа, — пробормотал я себе под нос, вновь хватаясь за заколдованный карандаш и пытаюсь выпрямить хотя бы ту линию, с которой определился, одну-единственную, — тащить из болота целый мир...

Мне, разумеется, никто не ответил. Массивный стол и десяток стульев — не самая лучшая компания, а самое главное, не слишком склонная к диалогу, так что не следовало и ожидать, но должен же я хоть кому-то пожаловаться, если живым людям нельзя!

Пытаясь избавиться от горечи во рту, я осушил до дна стакан с водой и едва не пролил ее на карту. Нити вздыбились, подскочили, перепутались наново, кажется, еще сильнее, чем было до этого, и вновь улеглись, вызвав у меня только тихое хмыканье — я и не сомневался, что станет еще хуже.

Карты баланса, разложенные по бокам, мигали в основном зеленом цветом. Никаких черных пятен. Моя сестра Эдита со своим мужем Себастьяном не просто так работала несколько лет, не покладая рук, это дало отличный положительный эффект. Каждый раз, когда она приходила в гости, центральную карту я прятал — показывал локальные мониторы, подтверждающие, что система баланса идет на лад.

Она шла, да. И чем больше она выравнивалась, тем сильнее пыталась избавиться от оставшихся преград. От людей и объектов, которыми жонглировала во времена своего правления Матильда, пытаясь выкачать все больше и больше магии из мира.

Да, нынче система стабильна, но ее надо выровнять. Чтобы энергетические нити не натягивались до упора так, словно вот-вот лопнут. Это как старые починенные трубы; пока что все хорошо и вода по ним течет, но если не провести реконструкцию, то будет беда. Последствия-то мы убрали, но мир существовать самостоятельно не сможет, пока не восстановится до конца...

— Господин Рене, — в кабинет заглянули. — Можно?

Я взглянул на Тома. После того, как он получил за растрепывание лишней информации, парень стал тише воды ниже травы.

— Что ты хотел? — мрачно поинтересовался я.

— Я могу подождать, если вы заняты...

— Нет, — я покачал головой, закрывая карту и стараясь не смотреть на особо внушительный узел рядом с этим проклятым швейным цехом, все не дававшим мне покоя. — Я уже закончил. Говори, что случилось. Истинные опять хотят меня видеть?

— Ну что-то вроде того, — подтвердил Том. — Пойдете?

— Не пойду. Можешь передать им, что это я им начальство, а не они мне. И если они считают, что могут позволить себе ничего не делать, то пусть бы хоть не мешали.

Я нисколечко не сомневался в том, что что-то они да делали. Вредили, например, настолько активно, насколько это вообще было возможно. Сунули свой нос, куда не надо, искали возможности меня подставить. Пока что неудачно, но как долго еще удастся

удержаться? Этого я не знал.

Томас то ли не понял отказа, то ли передал мне еще не все новости — но продолжал топтаться на пороге. Я наконец-то свернул все карты, сверился с часами — у нормальных людей сейчас дело близится к вечеру, значит, и мне в качестве исключения можно раз вовремя прийти домой.

Или попробовать заглянуть к Анне...

Ссора, признаться, получилась очень глупая. Если б она хоть попробовала меня выслушать! Ее предшественница натворила много дел, прежде чем наконец-то явилась ко мне за своим шансом на счастье. По-хорошему, мне бы отдать ее в угоду балансу, да и дело с концами. Но швейный цех привлекал слишком много внимания, в нем сходилось много энергетических нитей, а я знал, что если пострадает местная Анна, то та, из другого мира, погибнет тоже. А уж она-то ни в чем не виновата!

Была. Пока Томас и Эмилия не решили, что ее обязательно надо втравить в это дело и отправить в швейный цех. Лентяи!

Я назвал ее невестой по одной простой причине: хотел защитить. Она-то ни в чем не виновата. Но у нее имя той Анны, внешность той Анны... Найдут — могут быть проблемы. Некоторым людям просто не успеваешь объяснить, что ты другой человек, просто похожий.

Мою невесту не тронул бы никто. Хранитель Времени не должен нарушать правила баланса, но один раз можно. А никто не хочет вставать на пути у мужчины, который одним поворотом песочных часов способен лишить молодости или превратить все нажитое в прах.

Но я должен был объяснить ей все. Сам. Лично. А не психовать, как придурок, хлопать дверью и вестись на девичьи истерики.

— Томас, что тебе еще? — я наконец-то вспомнил о том, что мой помощник до сих пор стоит на пороге и, кажется, не решается что-то сказать.

— Госпожа Анна...

— С ней что-то случилось?

— Нет! С ней все в порядке! Но у нее на работе, вероятно, стрессовая ситуация...

— Быстрее говори, — я прищурился.

— Сегодня отдел по борьбе с экономической преступностью выдал документ о закрытии швейного цеха и об аресте всех сотрудников до выяснения обстоятельств, — пробормотал Томас. — Но вы не переживайте! Госпожу Анну никто арестовывать не будет, ее в тех списках нет! Ну, просто ей придется подыскать другое место работы... Что-то не так?

— Что-то? Все не так, — прорычал я. — Отойди с дороги, Томас. Мне, кажется, надо в швейный цех.

Том, перехватив мой взгляд, явно отбросил прочь дурацкую идею попытаться меня остановить. Я только быстро благодарно кивнул ему. Сейчас было точно не до совместных расшаркиваний. Для начала мне надо срочно отправиться в швейный цех, пока никто не натворил там лишних глупостей.

Я терпеть не мог перемещаться с помощью порталной магии, каждый раз чувствовал себя так, словно меня разломали на кусочки, протрусили через сито и вышвырнули куда-то на песок, разобранного и совершенно бесполезного. Для того, чтобы не испытывать этого, необходимо было открывать порталы-окна, но они требовали корректных координат, а самое главное, большего вложения сил.

Силы мне сейчас понадобятся для другого.

Потому я закрыл глаза, утопая в неприятных ощущениях. Когда открыл их — понял, что переместился как раз вовремя.

Первое, что я увидел — Анну, сжимавшую руки в кулаки и, кажется, готовую проклясть всех вокруг. Не почувствовать ее магию было невозможно. Сила только просыпалась, приживалась в нашем мире, пытаюсь высвободиться, и я чувствовал, что еще несколько секунд, и весь этот швейный цех взорвется. Возможно, вместе с Анной.

Представитель отдела по борьбе с экономической преступностью, Владлен Войчик, вооруженный какой-то стопкой бумаг, этого не видел. Я никогда не сомневался в том, что делки вроде него подслеповаты, а сейчас получил тому лишнее подтверждение. Сам невольно стиснул руки в кулаки и почувствовал, как волной в груди поднимается недовольство. Но моя-то сила была руководима.

— Что здесь происходит?!

Анна перевела взгляд с Войчика на меня, и ее магия всколыхнулась вновь. Ага, значит, меня уже сделали виноватым?

Девушке, очевидно, очень хотелось выразить все свое невероятное возмущение по поводу случившегося. Ей пришлось совершить над собой огромное усилие, чтобы ответить только коротким:

— Ты обещал, что им дадут шанс!

— Войчик, — я перевел взгляд на делка, — объяснитесь.

— Господин Рене, — он отвесил мне короткий деловой поклон, решив, очевидно, что рукопожатие будет слишком фамильярным. — Я был уполномочен опечатать швейный цех и общежитие и отправить всех его сотрудниц в следственный изолятор...

Он поймал мой испепеляющий взгляд и поспешил дополнить:

— Всех, кроме госпожи Анны, разумеется! Речь идет о старых преступлениях, и госпожа Анна никоим образом к ним не причастна! Ее действия элементарно не входят в очерченные временные рамки. Я...

— Документы, — я протянул руку.

— Господин Рене?

— Дай сюда документы.

Войчик заморгал. В моем голосе отчетливо звенела угроза, и спорить он не решился, протянул все-таки мне бумаги. Я пролистнул их и едва не зарычал от злости. Как только умудрились! Какие шустрые!

— Я отсюда не уйду, — твердо промолвила Анна. — Моим людям только-только дали шанс! И что теперь? Лишить его их потому, что какие-то клерки решили не тратить время? Я не позволю так просто распоряжаться чужой судьбой и рушить жизни людей!

— Я ведь уже говорил вам, — закатил глаза Войчик, — что это не мое личное желание, а распоряжение. И вы не имеете права...

— Тогда я пойду вместе с ними! — выпалила Анна и повернулась ко мне. — Что бы ты ни сделал, сломить всех не получится! Я просто так их не брошу, даже не проси!

Истинный гнев, пылавший у нее в глазах, напомнил мне сестру. Эдита тоже могла кого угодно поставить на место и задавить своим напором. Как только Себастьян с нею справлялся... Мне этому еще придется учиться — если я хочу распутать дело со швейным цехом, причем желательно так, чтобы в результате не было кровавых жертв!

— Анна, успокойся, — я в два шага преодолел разделявшее нас расстояние и поймал ее за руку, наклонился к ее уху и быстро прошептал: — Тебя сейчас на куски разорвет от магии.

Лучше быть в тюрьме, чем просто дружно взорваться, да?

— Я не позволю арестовать людей, — зашипела она. — Даже если ты решил забрать шанс, который им дал. Я все равно не отступлюсь!

— Если ты действительно хочешь им помочь, — я крепко обнял ее за талию, игнорируя заинтересованные взгляды других женщин и Войчика, — то сделай то, что я тебе скажу. Помолчи и не вмешивайся, Анна.

— Но...

— Ты же хочешь, чтобы я решил эту проблему?

Она хотела. Потому, сверкнув еще раз глазами, притихла все-таки и позволила крепче прижать ее к своей груди. Я едва не вздрогнул, почувствовав, как в меня стремительно перетекала ее яркая, сильная магия, и тяжело вздохнул. Этой девочке понадобится громоотвод, и желательнее не один. Ну, либо мне придется ходить за ней по пятам, не отступая ни на шаг.

Зато усталость как рукой сняло.

— Господин Войчик, — я повернулся к нему и встряхнул документами, которые все еще крепко держал в руке. — Вы изволите убраться отсюда вон самостоятельно, или мне придется вступать в диалог с вашим руководством?

— Что?! — опешил мужчина.

— Я накладываю вето на это решение. Швейный цех временно перейдет под мою юрисдикцию. Мне необходимо тщательно исследовать здесь все, а это невозможно, пока ваши люди будут тут рыскать. И пока я не закончу свои дела, ни о каком аресте не может быть и речи.

— Но...

Чтобы полноценно поговорить с Войчиком, мне пришлось отпустить Анну. Этого было достаточно, дабы магия в ней вновь всколыхнулась. Со стороны любому Истинному показалось бы, что по ее коже пробегают магические разряды. Нет, с этим все-таки придется что-то сделать, вопрос только в том, когда этим заняться.

Но для начала — эта канцелярская крыса.

— Но, господин Рене, это не входит в вашу юрисдикцию, — запротестовал Войчик, глядя прямо мне в глаза. — Вы не можете запретить нам производить следственные действия. Нам необходимо все обыскать, зафиксировать...

Мне захотелось зарычать. Какой огромный ущерб было нанесено экономике страны? Несколько школ в определенное время не получили школьную форму?! Ну, ладно, я мог серьезно преуменьшать умения Матильды, она если уж и рушила что-то, то делала это основательно, со знанием дела. Но в любом случае, это не шло ни в какое сравнение с тем, что случилось с энергетическими линиями в этой зоне. Я не знал, отсюда ли пошла путаница, или я вновь потрачу время на восстановление всего лишь локального объекта, но даже это будет отсрочкой для баланса и возможностью удержать мир в нормальном состоянии, без «исправляющих» катаклизмов.

А еще я смогу разобраться с даром Анны. Потрясающе, что с такой силой она умудрилась не погибнуть в другом мире еще лет в пятнадцать, когда он только-только должен был просыпаться!

— Этот объект, — я кивнул на швейный цех, — необходим мне для детального исследования. И оно совершенно не сочетается с наличием здесь нескольких десятков следователей, которые ищут доказательства хищений ткани.

— Но...

— Вы желаете со мной поспорить? — мрачно поинтересовался я.

Войчик попятился.

— Господин Рене, насколько мне известно, из пункта пятого мирного соглашения между...

— Я мог бы не подписывать это соглашение, — напомнил я, сжимая руку в кулак и заставляя несколько колдовских искр заплескаться на костяшках пальцев, — и позволить всему просто идти своим чередом. И тогда, пока ваше правительство успешно притворялось бы, что Истинные и Канцелярия — это всего лишь старые сказки, я б легко стирал вам память и делал то, что считал нужным. Но мы решили пойти на открытое сотрудничество. И теперь вы считаете, что имеете право мне указывать?

Войчик опасливо покосился на мою руку. Искры ему не понравились. Вообще-то они были позерством чистой воды, но людей, никогда не имевших дело ни с магией, ни с энергетическими линиями, казались чем-то невероятно страшным.

Однако, мужчина решил, что раз уж он пришел в этот цех, то будет непозволительно смелым.

— У меня ордер, — гордо заявил он. — И я вправе действовать так, как считаю нужным, в соответствии с законодательной базой. Эти женщины будут отправлены в следственный изолятор, а цех и общежитие опечатаны, и если вы, господин Рене, не желаете проблем, то...

— Я? — в моем голосе зазвенели опасные нотки. — Я ничего не желаю. А вот вы...

Войчик скривился. Он явно собирался вспомнить о восемнадцатом пункте того самого соглашения — где-то там было прописано, что по отношению к Истинным и к «богам» в случае превышения служебных обязанностей можно применять законодательную базу, — но, заметив, как я достал из ворота рубашки песочные часы, попятился.

— А вот вы, — закончил я. — нарываетесь на конфликт.

— Н-ну чт-то вы! — пробормотал Войчик, заикаясь. — Что вы, что вы, господин Рене! Господин Хранитель!.. Мы... Я...

— Вы?..

— П-п-передам начальству, чт-то вы против и... Хотите пересмотреть р-р-решение.

— Я не хочу ничего пересматривать. Я уже его пересмотрел, — припечатал я. — У вас есть два варианта. Либо вы забираете эти бумажки и убираетесь отсюда вон, или я займусь очисткой территории. И пеняйте на себя, если какой-нибудь отвалившийся от старости кирпич вдруг упадет вам на ногу, на плечо или, упаси провидение, на голову.

Войчик сглотнул.

— Я так и передам. Так и передам! — закивал он, а потом, поняв, что опасность не миновала, бросился прочь.

Я вздохнул.

— И так всегда. Стоит только достать эти дурацкие часы, и сразу из милого и доброго господина Рене превращаешься в какую-то устрашающую тварь.

— И что, — поинтересовалась Анна, все еще потрескивающая от магии, — ты хочешь сказать, что это вот так просто? И они завтра не вернуться?

Я усмехнулся.

— Вернутся, конечно, — промолвил я. — Потому сегодня, любовь моя, я переночую у тебя. Чтобы не гнаться через полгорода, когда сюда приедут с бульдозером.

— С бульдозером? И ты так спокойно об этом говоришь?! — охнула Анна, глядя на меня так, словно это я собирался сравнить швейный цех с землей. — Но ведь это же живые люди! С ними нельзя так поступать!

— Ну, как приедут, так уедут, — легко пожал плечами я. — Уважаемые женщины, на сегодня цирковое представление окончено. Можете идти домой и ни о чем не беспокоиться. Завтра у вас, как обычно, рабочий день.

Замершая в ожидании толпа загудела было, пытаясь озвучить какие-то невероятно важные вопросы, но под моим тяжелым взглядом притихла. Сотрудницы швейного цеха вереницей потянулись к общежитию, а мы с Анной — так и остались стоять у самого входа. Она растерянно переминалась с ноги на ногу, не зная, как завести разговор, и только когда мимо нас прошла последняя сотрудница, кашлянула, явно пытаясь подобрать слова, с каких бы начать разговор.

— Это не ты? — спросила, решившись, Анна. — Не ты сделал так, что нас закрывают?

— Зачем мне этим заниматься?

— Ну хоть бы для того, чтобы я бросила работу!

Я закатил глаза.

— Анна... Поверь, есть масса гораздо более эффективных методов, чем просто разрушать швейный цех. Да, из-за дурости — Тома и моей собственной, — ты по ошибке здесь оказалась, но я ж не смогу заставить тебя передумать.

— Значит, ты здесь ни при чем? — мне показалось, что в голосе Анны промелькнуло что-то вроде надежды.

— Мне не надо, чтобы здесь все развалили и перерыли, — я раздраженно покачал головой. — Понимаешь ли, в зоне этого швейного цеха перепуталось слишком много энергетических линий. Такие места — аномалии, — необходимо приводить в порядок. Если я найду средоточие, большую аномалию, из которой расходятся спутанные нити, и смогу все выпрямить, то какой-то участок энергетической карты сгладится, и восстановится баланс, дела пойдут на лад. Если же это всего лишь следствие какой-то серьезной поломки, то выравнивание линий в одной конкретной точке — лишь небольшой шажочек, мазок на общей картине. Да, он дает отсрочку, это тоже надо делать, но на мелкие узлы тратиться много времени, а пользы от них не так и много. Я не хочу, чтобы весь мир взлетел на воздух. Если я найду большое средоточие... А к этому цеху имела отношение Матильда. Так что, возможно, это — тот самый большой клубок, на который я столько времени пытался натолкнуться.

Анна медленно склонила голову в согласном кивке.

— Да, может быть... Сотрудницы говорили мне о Матильде, хоть и без особых подробностей. Но я все равно не понимаю... Энергетические линии, бульдозеры, швейный цех... А невестой ты меня зачем назвал?!

Я устало вздохнул. Объяснять это мне хотелось меньше всего на свете.

— Чтобы тебе не грозила опасность. Твоя предшественница не белая и пушистая, она довольно всего натворила. Мне бы не хотелось, чтобы она спаслась, а ты погибла, потому что тебя приняли за нее, понимаешь.

— Так это было ради моей защиты? — недоуменно поинтересовалась Анна.

— А ты серьезно считаешь, что я коллекционирую невест, чтобы потом из них мумии сделать, или как? — язвительно поинтересовался я. — Seriously? Анна, если б я хотел на ком-нибудь жениться, то, поверь, уговорил бы девушку без принудительных мер.

Она надулась.

— Не все ведутся на красоту.

— Ага. А еще не все ведутся на влиятельное положение, дар и прочее. Но когда случается комбинация, то большинство как минимум задумывается... Ладно, забыли. Слушай, — промолвил я, решив, что все-таки надо попробовать, — может, ну его, этот швейный цех? Или хотя бы отсюда переедешь? Конечно, никто не собирается лишать их работы и крыши над головой, но мне, честное слово, будет гораздо спокойнее понимать, что ты в этом не замешана...

Уже договорив, я понял, что зря это сказал. Анна стремительно побледнела и воззрилась на меня так, словно я только что предложил собственноручно перерезать кому-нибудь горло.

— Как ты можешь так говорить?! — воскликнула она. — Это ведь живые люди! Они работали здесь столько лет — а теперь в один момент все потеряют! А я что, игрушка? Сначала поместишь в стерильные условия, а потом...

Перехватив ее лихорадочно сияющий взгляд, я осознал: в Анне сейчас говорило не ее сознание, а магия. Магия, которая наконец-то нашла возможность выплескиваться и теперь очень не хотела, чтобы ее запикивали обратно.

— И вообще, — Анна продолжала говорить, и в ее глазах загорелся страх — словно она произносила какие-то фразы и просто не могла остановиться. — Вообще, я не нуждаюсь в твоей помощи! Я достаточно самостоятельная, и необязательно было представляться моим женихом, чтобы... Чтобы...

Я сжал зубы. Ее надо было остановить — вот только как сделать это так, чтобы не навредить самой девушке? Я оглянулся, убеждаясь, что на нас никто не смотрит, протянул руку, чтобы сжать ладонь Анны, но она отпрянула. Магия в ней бурлила, превращаясь в жестокие, злые слова.

Что ж... Пусть она мне потом врежет, но я вынужден пойти на срочные меры.

— Прости, — выпалил я, — но иначе ты не выдержишь.

И, рывком притянув ее к себе, поцеловал в губы.

Я даже не поняла, как именно это произошло. Сначала — потеряла контроль над собственным языком и наговорила кучу гадостей, о которых на самом деле даже не помышляла, а потом...

Гнев куда-то подевался. Я почувствовала странное спокойствие, растекавшееся в груди медом — чем дольше Рене целовал меня, тем сильнее становилось ощущение, будто у меня в жизни все идеально, и вообще, не о чем беспокоиться. Не осталось ни страха, ни злости, ни даже элементарного чувства самосохранения, которое я ценила выше всего на свете.

Был только Рене, и его царское величество умудрилось занять собой все пространство моих мыслей.

Чтобы прервать поцелуй — замечательный поцелуй, надо сказать! — мне пришлось приложить немалые усилия. Я уперлась ладонями в грудь мужчины, пытаюсь отстраниться, и замерла, тяжело дыша. Он продолжал обнимать меня за талию, достаточно крепко, чтобы о высвобождении не шло и речи, и смотрел мне в глаза. На губах играла та самая вредная улыбка — такая, что взвыть хотелось.

— Ты совсем сдурел?! — выдохнула я.

— Зато теперь можешь считать, что у нас появился еще один атрибут жениха и невесты, — совершенно серьезно промолвил мужчина.

Жениха и невесты?!

— Слушай, да я тебя едва знаю!

— Лучше ты будешь едва знать меня, чем очень тесно познакомишься с остальными Истинными и с их пыточными инструментами. Так что радуйся, что твоему жениху тридцать, а не тридцать тысяч лет, — с вредной ухмылкой на губах отметил Рене. — Серьезно, не смотри на меня так, словно я только что сделал что-то ужасное. Или твоя религия запрещает тебе целоваться с мужчинами до свадьбы?

В его глазах играли хитрые искорки, не оставлявшие мне ни единого сомнения — издевался! Специально подначивал, сволочь, дожидаясь, что же я ему скажу. Провоцировал. Но злиться мне не хотелось. То самое кипучее чувство в груди пропало, оставив по себе лишь легкую пустоту.

— И что ты со мной сделал? — тяжело вздохнув, поинтересовалась я.

— Ничего. Просто поцеловал, — пожал плечами Рене. — Тебе даже понравилось.

— Ты слишком самоуверен, если считаешь, что твой поцелуй способен покорить любую женщину.

Он закатил глаза.

— Мой поцелуй действительно способен покорить любую женщину, — вредно протянул он. — Раз уж даже Матильда сдалась. Но у меня не было цели заморочить тебе голову. Я хотел тебя успокоить.

— Так людей не успокаивают! — возмутилась я.

— Еще как успокаивают, — покачал головой Рене. — Ты как чайник с кипящей водой. Пар из носика до самого потолка. А если тебе дорог этот швейный цех, не советую взрывать его раньше срока.

Конечно, он говорил очень правильные и разумные вещи — не считая того, что сам же

меня до такого состояния и довел. И я сейчас в самом деле не могла возмущаться. Каждый раз, когда какой-то дух протеста вспыхивал во мне, и раздражение пыталось выйти наружу, в противодействие ему вступали иные силы, и я практически моментально успокаивалась. Не знаю, за счет чего это происходило, но мне казалось, будто весь негатив уходил во все еще покоившиеся у меня на талии руки Рене.

— Значит, забрал у меня излишки магии? — тихо спросила я. — А тебе не кажется, что это уже какой-то вампиризм?

Мужчина усмехнулся.

— Если что, я могу вернуть обратно.

Я отрицательно покачала головой. Обратно? Мне вспомнилось то жуткое ощущение распиравших изнутри эмоций, которые буквально кололи меня, пытаюсь вырваться на свободу. Возвращаться в то состояние захотела бы только сумасшедшая!

— Не стоит. Моя магия как-то мне не особо нравится.

— Ты еще не умеешь ею управлять, — Рене улыбнулся и, убрав одну руку с моей талии, осторожно провел ладонью по моим растрепанным волосам. — Но научишься. А теперь пойдём-ка в общежитие. У тебя вроде две кровати? Надеюсь, ночью ты не попытаешься меня задушить?

Я помрачнела.

— Ты серьезно собираешься остаться?

— Да, — кивнул он. — Я не шутил про бульдозер.

Я сглотнула.

— Тебе будет неприятно, что я нахожусь рядом? — изогнул брови Рене.

Хотелось солгать, что да, но я понимала, что он мне не поверит. Неприятно? Да какое там! Но я точно не собиралась рассказывать этому мужчине о том, как он потрясающе на меня влияет. Что-то мне подсказывало, что Рене и сам прекрасно об этом знал. Уж кто-то прежде явно должен был ему об этом рассказать.

— Дело не в приятно или неприятно, — наконец-то пробормотала я, — а в том, что я не понимаю, зачем я вообще тебе понадобилась.

— Я же сказал, что просто хочу тебя защитить.

— Зачем?!

— Просто, — пожал плечами Рене. — Делаю доброе дело. Пойдем.

Он потянул меня за собой, собираясь увести в общежитие, но я остановилась и, прокрутив в сотый раз в голове слова Тамилы, выпалила:

— Это правда, что у тебя были отношения с Матильдой? И то, что ты убил ее?

Рене повернулся ко мне с таким видом, словно я только что достала нож и попыталась проткнуть им его сердце. Сглотнул и тихо поинтересовался:

— Ты иномирянка, откуда у тебя такая информация?

— Так вышло, — уклончиво ответила я, не желая сдавать источник.

Не хватало только из-за моего длинного языка подставить ни в чем не виновную Тамилу. Можно подумать, что это она придумала об убийстве! Если даже в этот глухой швейный цех дошла такая информация, значит, кто-то такое говорит!

— Так вышло, — протянул Рене. — Наболтали местные, да?

Я кивнула.

— Селена, небось? — сделал свои выводы он и взглянул на меня, щуря свои синющие, как два осколка неба, глаза.

Мое сердце издевательски заколотилось в груди, демонстрируя, что ему плевать на мозговые реакции — физически меня к мужчине тянуло, словно магнитом. Даже захотелось повторить поцелуй, хотя этого, разумеется, никак нельзя было делать.

— Да, у меня были отношения с Матильдой, — наконец-то промолвил Рене. — И в какой-то мере я виновен в ее смерти. Но я ее не убивал. Я вообще не хотел ничего плохого... Я ее любил. Очень зря, конечно, но любил.

Он отвернулся от меня и медленно побрел в сторону общежития. Конечно, не сутулился, не втягивал голову в плечи, но что-то в том, как мужчина шел, было отчаянное, усталое. Мне почудилось, будто Рене бормотал себе что-то под нос, но, когда я его догнала, поняла, что он не проронил ни единого слова — молчал и совершенно спокойно шагал вперед, глядя на маячившее недалеко кривое здание.

— Наверное, что-то в ней было хорошее? Раз ты в нее влюбился, — тихо спросила я, стараясь идти с мужчиной нога в ногу. — Не просто так же...

— Просто так, — скривился Рене. — Матильда... У нее никогда и ничего не было просто так. Я тогда был бо... Работал, в общем-то, аналитиком, — исправился он, кажется, вовремя поняв, что некоторые детали мне знать не надо. Может, я просто не была способна их понять. — И был страшным, как смертный грех.

— Ты?! Страшным?! — охнула я.

— Да. Худее в два раза, — Рене и так, мягко говоря, толстым было не назвать, и я боялась представить себе то, каким он был. Наверное, напоминал живой скелет. — Шатался, словно лист на ветру. В очках и, если тебе так уж интересно, с россыпью угрей на лбу. Юношеское, ни одно лекарство не помогало. Я как будто застрял в возрасте девятнадцати лет и тащился по свету, пользуясь только собственными мозгами.

— Но она обратила на тебя внимание?

Я все никак не могла поверить, как Рене мог выглядеть плохо. Его красота, живая и немного непривычная, уже не резала мне глаза, но я вполне могла определить, что у него — правильные, красивые черты лица, отличная фигура... Представить себе тощего, ссутулившегося очкарика было просто невозможно.

— Она на всех обращала внимание, — пожал плечами Рене. — На всех мужчин. Она так подпитывалась.

— Энергетический вампир?

— Да. Можно и так сказать. Матильда была бессмертной — но хотела быть еще вечно молодой, невянущей. Она тянула из своих любовников силу, это, считай, были доноры. Но мне тогда было плевать. Матильда была такая ослепительная и такая прекрасная, что я, как и многие другие, впрочем, просто потерял голову. Я был жутко романтичным дураком: таскал ей полевые цветы, пытался слагать стихи. К тому моменту, когда — прости за откровенность, но ты ж все равно спросишь, — у нас все случилось, я даже не влюбился, а полюбил ее. Возможно, это меня и спасло. Не знаю, что это было, но энергию она у меня не забрала. Мне показалось — повторюсь, я был наивным идиотом, — что она тоже меня полюбила. Потом я понял, что она пыталась разгадать загадку. Как? Как может существовать человек, из которого ей не удастся уже по привычке пить силу? Она пыталась! О, конечно же, она пыталась — делала это профессионально, большими глотками. Но это больше походило на взаимный обмен энергией.

— А потом?

— А потом я набрал вес, привел себя в порядок, у меня встало на место зрение, и как-то

оно так само собой вышло, что мужчина, отвечающий за отдел красоты и искусств, наконец-то сам стал привлекательнее жабы, — подмигнул мне Рене. — Не то чтобы это что-то значило. Не то чтобы мы с Матильдой расстались. Я продолжал ее любить, а она искала во мне неиссякаемый источник силы. Не нашла.

— Она умерла из-за этого?

— Нет, — покачал головой мужчина. — Моя сестра, Эдита, тоже из другого мира, я говорил тебе. Тогда перемещения были запрещены, и никто еще не знал, что Эди не пришла в чужой мир, а вернулась в свой собственный. Матильда приказала ее убить. Выстрелила в нее золотой стрелой — это такая, что всегда приходит к цели. Я всего лишь хотел защитить сестру. Я даже не помню... — Рене остановился и закрыл глаза. — Матильда, наверное, обняла меня сама. Она тогда смотрела на меня, как на щенка, и давала последнюю подачку. А может, ее какой-то силой притянуло. Не знаю. Стрелы не должны были причинить ей вреда. Они должны были убить меня, не бессмертную. Но когда все закончилось, она превратилась в пыль... А у меня появилось вот это, — он встряхнул песочными часами, висевшими у него на шее в виде кулона. — Вот и все. Я в курсе, что меня все считают героем-любовником, который выманил бессмертие у несчастной женщины, но хочешь правду? Если б я мог, Анна, я бы вышвырнул эти часы вместе со своим бессмертием в океан и жил бы, как нормальный человек. Потому что оно мне не нужно. Но... Всем плевать. Есть желания, а есть долг. И он превышает всего.

Слышать это было удивительно. Я не знала, как обстоят дела в этом мире, но подозревала, что за бессмертие многие были готовы отдать что угодно. Но Рене с таким искренним отвращением смотрел на песочные часы, которые сейчас сжал в руке...

— Я ответил на твой вопрос? — спокойно спросил он.

— Да. Извини, я не думала, что все так, я...

— Просто не слушай лишние слухи, — пожал плечами он. — И пойдем скорее. Кажется, собирается на дождь.

Удивительно, конечно, быть бессмертным и всемогущим, но бояться дождя, но Рене, кажется, всерьез опасался промокнуть. Я последовала за ним, стараясь не отставать, и спустя несколько минут мы наконец-то оказались в общежитии.

Признаться, я надеялась, что та фора, которую мы дали сотрудницам, будет достаточно, чтобы они разошлись по своим комнатам и этажам. Но, увы, это были глупые мечты. Практически все работницы швейного цеха, за исключением разве что нескольких, сгрудились в коридоре, обступили нас шумной толпой и явно не собирались пропускать к ступенькам, а тем более на пятый этаж.

Я выхватывала только отдельные отрывки вопросов. В голове зашумело; все, чего я сейчас хотела — это сбежать куда-нибудь подальше от подопечных. Да, конечно, молодец ты, Аня. Взвалила себе на голову целый ворох неприятностей, а теперь голову в песок? Раньше надо было думать и принимать предложение о помощи, а не носом крутить.

Рене зажмурился, словно страдал от сильнейшей головной боли, раздраженно встряхнул головой, а потом оглянулся, пытаясь высмотреть свободный путь. Он крепко сжал мое запястье и уверенно повел меня вперед, отмахиваясь от галдевших женщин.

— Но, госпожа Анна! — кто-то вцепился мне в запястье. — Что же теперь будет? Мы думали, вы что-нибудь объясните...

— Да, госпожа Анна! Может быть, нам надо бежать? — вторили другие.

— Мы ни в чем не виноваты!

— Мы не хотим в тюрьму...

— Мы...

Я тихо застонала.

— Успокойтесь, — попыталась я на ходу призвать их к спокойствию. — Все будет нормально, не волнуйтесь. Не надо никуда бежать. Вас никто не арестует.

— Но госпожа Анна!

— Куда же вы идете...

— А как же...

Рене вытолкнул меня на лестничную площадку и повернулся к женщинам, уверенно наседавшим на нас.

— А он что тут делает? — раздался чей-то возмущенный голос. — Это вообще женская территория, мужчине тут не место!

— Госпожа Анна, побереглись бы вы! Разве вы не знаете...

— Она все знает, — холодно промолвил Рене, загораживая меня. — И о Матильде, и о моих способностях. Она на то и моя невеста, а не одна из глупых девиц, наслушавшихся сплетен и пытающихся растащить их по всему коллективу. Но если вы не хотите проверить на себе влияние золотых стрел, будьте добры, угомонитесь и разойдитесь. В ваших интересах делать то, что говорю вам я — и что говорит госпожа Анна. Иначе мы отсюда уберемся, и будете сами разбираться с Войчиком. Надеюсь, я достаточно ясно выразился?

Яснее некуда — в помещении воцарилась тишина. Мне на самом деле отчаянно хотелось запротестовать, попробовать сказать, что я все равно не брошу девушек, но спорить с Рене, когда он был в таком состоянии, совершенно не хотелось. К тому же, умом, изволившим наконец-то проснуться и сбросить налет гордости, я понимала, что сама не справлюсь. Если Рене нам не поможет, то затея по спасению швейного цеха заранее обречена на провал. А в тюрьму загремят не только эти девушки, но и я вместе с ними, за пособничество преступникам.

— Девушки, — я вынудила Рене посторониться на его импровизированной сцене. — Прошу вас, не беспокойтесь. Попробуйте успокоиться и настроиться на работу. Пока мы здесь, вам ничего не угрожает. Но нам надо обдумать план действий. И если вы будете мешать, то сделаете хуже только себе.

Протестов не было. Моим словам они внимали лучше, чем словам Рене, хотя это показалось мне очень странным. Но Селена сделала шаг вперед и возмущенно воскликнула:

— Если все начнут водить сюда мужчин, то во что превратится общежитие через несколько дней?! Я, как комендант этого общежития, против.

— Ты, как *вахтер* этого общежития, — раздраженно исправил ее Рене, — не можешь спорить с начальством, Селена.

Она только раздраженно клацнула зубами. Я поймала на себе рассерженный, полный злости взгляд, но решила, что удобнее будет притвориться, будто ничего и не случилось, и просто спокойно последовать за Рене на наш этаж.

Однако, стоило нам оказаться за закрытыми дверями блока, я вдруг осознала, что на такой крохотной территории нам двоим будет не разминуться.

— Может быть, — осторожно уточнила я, — ты все-таки предпочтешь ночевать в другой комнате блока?..

Рене взглянул на меня так, словно я только что предложила ему ласточкой выпрыгнуть из окна, а не просто перейти в другую комнату, находившуюся всего в нескольких метрах.

— Зачем? — изогнул брови он.

— Ну, — я переступила с ноги на ногу. — Ты меня смущаешь. Я тебя практически не знаю. Ты посторонний мужчина, в конце концов! И у нас в мире так не принято.

— Спать в одних комнатах с собственными женихами?

— Но ведь ты никакой мне не жених!

— Эти женщины внизу считают иначе... Эй, ты, вампиресса, не причмокивай, а приготовь нам какой-нибудь ужин.

— Поромантичнее? — деловитым писклявым голосочком поинтересовалась скатерть.

— Можно и поромантичнее, — милостиво согласился Рене.

Я едва не задохнулась от гнева. Что значит поромантичнее? Мы ведь не пара! И не можем ею быть, потому что я — простая попаданка в этот откровенно странный и враждебный мир, а он здесь — Хранитель Времени, великий и ужасный, и ни о каких отношениях не может быть и речи. Я элементарно боюсь иметь с ним дело! Да, конечно, вся моя смелость и уверенность в том, что этой связи не бывать, уверенно рушилась, стоило только Рене подступить на несколько шагов ближе, но я все еще пыталась убедить себя в том, что способна быть стойкой до победного.

Он же с эталонным равнодушием дождался, пока скатерть изволит приготовить мясо и какой-то легкий салат, вытряс с нее еще две тарелки, скептически посмотрел на свечку, больше похожую на молитвенную, чем на пригодную для романтического ужина, и придвинул к столу стул.

— Присоединяйся, — улыбнулся Рене. — Где тут можно у тебя помыть руки?

— Послушай, — вновь запротестовала я, — это все очень неправильно! Мы с тобой действительно чужие друг другу лю... — я запнулась.

«Чужие люди» так и зависли в воздухе недосказанными. Рене смотрел на меня так внимательно и так спокойно, словно нагло гипнотизировал, а вдобавок еще и улыбался. У меня же банально перехватило дыхание, и в голову не приходила ни одна здравая идея по сопротивлению его врожденному магнетизму и мужским чарам. Что делают в такой ситуации гордые и независимые женщины? Хлопают дверью? Убегают вниз?

Собственно, в жизни мне ни разу так и не удалось этой гордой и независимой побывать. То есть, я, конечно, активно проявляла самостоятельность, решала проблемы, но вот между этими самыми проблемами не находилось времени на личную жизнь. Все свободные минуты уходили на заботу о дяде, а не на то, чтобы найти себе возлюбленного.

Не знаю, насколько богатым был опыт Рене, но точно побольше моего. Как минимум бессмертная Матильда! А с момента ее гибели прошло уже много времени, и не жил же он монахом эти годы...

Я сглотнула. Рене наконец-то сошел со своего места, но явно не спешил направиться в другую комнату, чтобы наконец-то перестать меня смущать. Вместо этого приблизился ко мне вплотную и протянул руку, дабы заправить непослушную каштановую прядь мне за ухо.

Не содрогнуться от его прикосновения было практически невозможно. Пальцы Рене будто обожгли мне щеку, и я непроизвольно зажмурилась, чувствуя себя так, будто меня нагло загнали в угол. Потом шумно вдохнула воздух, пытаясь как-то настроиться на здравые размышления, и севшим голосом произнесла:

— Тебе не кажется, что это немного слишком?

— Мы уже целовались, — спокойно напомнил Рене.

— Это не то же самое.

— Ты считаешь, что поцелуй — это менее страшно, чем просто попытка поправить тебе прическу? — усмехнулся мужчина.

— Нет, но... — я зажмурилась.

Так было как-то проще.

Наверное, мне пора перестать меня смотреть. С настолько красивыми мужчинами надо общаться с закрытыми глазами, чтобы не приходилось на него смотреть. Вполне возможно, тогда мне удастся оставаться сравнительно адекватной и даже не впадать в странное состояние от каждой его улыбки или случайного приближения.

— Ты меня боишься, — вздохнул Рене. В его голосе послышались нотки грусти. — Все еще считаешь, что я — убийца, который соблазняет женщин для того, чтобы получить от них что-то и куда-нибудь сбежать?

— Я такого не говорила! — воскликнула я. — Я не боюсь, я... Смущаюсь.

— Тебе неприятно?

— Нет, мне приятно, но... Ты специально это! — вдруг поняла я. — Ты ждешь, пока я скажу, что ты мне нравишься.

Пришлось открывать глаза. Рене стоял совсем близко и был такой серьезный, что я даже немного засомневалась в правильности собственных догадок.

— Как ты думаешь, — спокойно поинтересовался Рене, — много было девушек из другого мира, у которых были определенные проблемы с адаптацией и с враждебностью внешнего мира?

— Ну, полагаю, мой случай не уникален?

— Верно, — утвердительно кивнул мужчина. — А знаешь, скольких я до этого назвал своими невестами?

— Скольких?

Он улыбнулся.

— Ни одну.

И мое одуревшее от счастья сердце, посчитавшее то предложением руки и сердца, совершило безумный кульбит, ударило где-то у меня в горле и уверенно полетело вниз, в пятки.

Я проснулся от жуткого гула, доносившегося снаружи. С трудом разлепил глаза, чтобы удостовериться — на улице все еще серо, до полноценного утра как минимум час, а Войчик, не теряя даром времени, уже успел обзавестись техникой и прибыл сюда для того, чтобы что-то снести.

Анна недовольно застонала и попыталась прикрыться подушкой от назойливых звуков. Вряд ли это могло помочь, потому что бульдозер нагло продвигался в сторону общежития, и я понимал, что выбираться из кровати все-таки придется.

Вчерашний вечер едва не обернулся катастрофой. На несколько лет утонув в работе и изолировавшись от всего мира, я уж как-то и забыл, как это — общаться с нормальными девушками. А очень зря, потому что итогом этой забывчивости оказалась взрывающаяся на меня, как затравленный олененок, Анна, не понимающая, что происходит и что ей со мной делать. Краснеет от полувзгляда, взрывается с полуслова... Нет, мне б, конечно, воспользоваться тем фонтаном магии, которую она излучает, но как-то хочется при этом случайно или не очень устроить взрыв.

«Не влюбляйся ни в кого — погубишь», — успела прошептать мне на ухо то ли предупреждение, то ли проклятье Матильда, прежде чем рассыпалась пеплом. Тогда это меня мало волновало, не до любви было, а потом я и забыл о ее словах — и не вспоминал бы еще очень долго, если б не Анна и мое дурацкое желание всем помочь и обойтись без случайных смертей.

— Дурень, — пробормотал я, выбираясь из кровати.

Конечно, условия в общежитии были не очень. Узкий матрас, паук, вовремя решивший, что лучше он будет подальше от меня, но зато живой, подушка, выглядящая так, словно на ней много раз кто-то танцевал чечетку...

В общем-то, если б кому-то пришлось выбирать — выбрал бы что угодно, да не это место для ночлега.

Я зевнул, пытаюсь избавиться от остатков сна, и нехотя поплелся к окну. Выглянул наружу и обнаружил, что бульдозеров было целых два. Войчик стоял совсем близко к зданию, и его макушка буквально притягивала взгляд к себе. Так и хотелось чем-нибудь запустить в нее, аж руки зачесались!

Убедившись в том, что Анна все-таки не проснулась и пыталась поймать остатки сна, я повернулся к столу и легко дернул за край скатерти. Та издала странный звук, тоже пробуждаясь, и совершила предательскую попытку укусить меня за руку. Потом признала и задержалась, таким образом прося прощения.

— Яблоко сделай мне, — попросил я.

Скатерть капризно всколыхнулась и явила яблоко — крупное, но такое зеленое, что его вряд ли можно было откусить, не отравившись. Я только хмыкнул; завтракать этим яблочком он точно не собирался, так что скатерть верно угадала мои намерения.

Я распахнул настежь окно и свесился наружу. Владлен топтался ну совсем близко, переступал с ноги на ногу и размахивал руками, пытаюсь указать бульдозерам, с какой это стороны лучше рыть. Я представлял себе примерно, что случится с общежитием, если попытаться его расшатать. Рухнет, как пить дать. И жертвы будут. Конечно, при

оптимистичном варианте развития событий, тут только одна стена сползет вниз. А люди успеют эвакуироваться, если проснуться, но от энергетических линий не останется ровным счетом ничего.

Меня это не устраивало.

Тяжело вздохнув, я прицелился и решительно швырнул в Войчика яблоком. То, разумеется, легко нашло цель.

Цель взвизгнула, подпрыгивая на месте, и подняла голову вверх. Узрев меня в оконном проеме, Войчик с трудом, но сумел все-таки подавить свое отчаянное желание материться и воскликнул:

— Господин Рене! Что вы это здесь делаете?

— Я ночую у своей невесты, — промолвил я, упираясь ладонями в подоконник. — Встречный вопрос: что здесь забыли вы? Разве я не запретил вам вчера проводить какие-либо действия относительно этого швейного цеха?

— Господин Рене, хочу напомнить вам, что ваши слова не имеют юридической силы! — промолвил Войчик.

Он добыл какой-то документ из-за пазухи, развернул его и попытался продемонстрировать мне. Что ж... До орлиного взора мне было далеко, и хотя после обретения магии зрение значительно улучшилось, с высоты пятого этажа увидеть буквы мне все равно было не под силу.

— Вот! — довольно сообщил Владлен. — В соответствии с решением отдела по борьбе с экономической преступностью, ссылаясь на статью...

Он затараторил, пытаясь впечатлить меня длинным перечнем законов и запретов. Я свесился с окна, так, чтобы меня было хорошо видно и слышно, и внимательно смотрел на Владлена.

— Так что вот! Вы не можете никак влиять на принятое решение, потому что мы сочли это дело не лежащим в сфере вашего влияния!

— Господин Войчик, — весело ухмыляясь, протянул я, — а вы не боитесь, что я покручу в руке одни замечательные часы, и бульдозеры внезапно превратятся в пыль? И никакие законы не помогут.

— В соответствии со статьей сто пятой криминального кодекса!.. — завел свой знакомый уже мне рассказ Войчик.

— Да-да. В соответствии со статьей я не имею права этого сделать. Но вопрос в том, понесу ли я за это какое-то наказание? Да, я немного потревожу баланс. Но не волнуйтесь! Я знаю, как повернуть дело так, чтобы *Хранитель времени* виноват не был. Даже баланс не расшатается. Только ваши бульдозеры.

На несколько секунд вокруг общежития воцарилась тишина. Затихли даже моторы техники. А потом из салона одного из бульдозеров выскочил водитель. Выглядел он довольно внушительно — широкие плечи, огромный рост и опасно прищуренные глаза, — и пришел явно не с миром.

— Ты! — прорычал он, тыча пальцем в Войчика. — Ты, хлыщ канцелярский, нас куда вызвал? Мы что по твоему, лысые, на Хранителя Времени на бульдозере ехать?!

Войчик оставался достаточно стойким. Я б на его месте, конечно, обеспокоился, мало приятного в том, что на тебя прет двухметровый громила, способный одним ударом лишить одновременно и сознания, и зубов, и целостности носа. Однако, я находился на высоте пяти этажей, а водитель ожидаемо решил выполнить за меня мою работу по изгнанию наглого

канцеляриста.

— Обратите внимание, — мрачно промолвил Владлен, встряхивая бумажкой, — на постановление! Вчитайтесь в пункт...

— Слышь, ты, — прорычал водитель, — постановитель! Ты что ли вообще не сечешь? Это Хранитель Времени! Я хочу жить столько, сколько мне отведено, а не в песок рассыпаться за три дня из-за твоего листика! Знаешь, что ты им подтереть можешь!

Второй водитель, услышав, что назревает скандал, тоже выбрался на улицу. Заприметив меня в окне, он отвесил что-то смутно напоминающее полный уважения поклон, засучил рукава и решительно направился к Войчику.

— Господа! — окликнул их я, решив не доводить дело до драки. — Попрошу вас все-таки вести себя тише. Еще ранее утро, в общежитии спят люди.

Все трое мгновенно воззрились на меня. Двое — с благоговейным ужасом, третий — с откровенным раздражением.

— И раз уж господин Войчик решил все-таки внимать моим словам, — совершенно равнодушно продолжил я, — то предлагаю вариант просто мирно разойтись. Вот на тот листик, которым вы размахиваете, Владлен, я накладываю свое вето. Так можете и передать начальству. А еще передайте, что если я еще раз увижу вас или спецтехнику рядом со швейным цехом, то я буду пользоваться даром по своему усмотрению. Это ясно?

— Но экономический объект...

— Нет у вас больше экономического объекта, — отрезал я. — Забудьте о его существовании и о существовании этих женщин. Понятно?

— Но швейный цех находится на гособеспечении! — заорал Войчик. — Свет! Отопление! Вода! В конце концов, заработная плата!.. Вывоз мусора!..

— Можете снять его с гособеспечения, — промолвил я. — И даже отменить плановый ремонт.

— И отменим!

— Отмените-отмените, — кивнул я. — Вы все равно собирались проводить его аж через двадцать лет. Вероятно, после сноса?

— Господин Рене, — возмутился Войчик, — это произвол!

Я вздохнул.

— Произвол, уважаемый, игнорировать мои требования. Если вы считаете, что мне нечем надавить на ваш отдел по борьбе с экономической преступностью, то вы глубоко ошибаетесь. Напомните, будьте добры, своему начальнику об архивных разбалансировках годовой давности. И передайте ему, что я приду по кирпичику разбирать здание вашего архива и изучать ваши биографии, лично. Это понятно?

Средоточие в отделе борьбы с экономической преступностью было ерундовое, я там уже бывал. Однако, там все еще помнили, чем закончилось изучение предыдущего, хоть и куда более запущенного объекта, где разбор энергетических нитей закончился полным уничтожением объекта. В прошлом средоточии обнаружился обменный портал между мирами, и избавиться от него иначе не было никакой возможности, но подробности я, разумеется, никому не сообщал.

— Я понятно изъясняюсь, господин Войчик?

Один из водителей, очевидно, решил, что пора прекращать это представление.

— Он все понял, господин Рене! Простите за беспокойство! Мы сейчас уедем!

Войчик одарил меня полным ненависти взглядом, но ни на какую гадость не решился.

Боялся.

Матильда никогда не тратила свое время на такие формальные вещи. Она всегда делала то, что хотела, наплевав на законы. И иногда я завидовал тому, какую свободу она сама себе предоставляла, дергая мир за тонкие ниточки.

Но мне пришлось придумывать систему, которая могла бы сдерживать оставшихся Истинных. Сил у них было огромное количество, желания творить зло предостаточно, а совести — ни на грош. Вот только, выплетая паутину ограничений, я невольно накладывал их и на себя. Люди же, подобные Войчику, мечтали найти в сильных мира сего слабость. Мне иногда казалось, что им попытки сделать подлость доставляли невероятное удовольствие. Смешно, но им хотелось не придумать что-то хорошее для себя, а сделать дурное ближнему.

Я тяжело вздохнул. Войчик вернется, вне всяких сомнений. И свет отрежет, и отопление, если оно тут в самом деле есть. Вот только он все равно бы все это сделал, а ещё — запихнул бы всех сотрудниц цеха в тюрьму. Стали б они в том экономическом отделе разбираться, что к чему? Конечно же, нет! Я в том даже не сомневался.

Виноватыми оказались бы простые исполнительницы. И все энергетические нити затрут с удивительной легкостью.

— Рене? — раздался за спиной голос Анны. — Что-то случилось?

— Можно и так сказать, — утвердительно кивнул я. — Ваше здание только что едва не снесли, но в целом мы остановились на том, что тут просто отключат свет.

Анна растерянно заморгала. После сна она выглядела особенно мило: растрепанная, взъерошенная, словно воробышек, в глазах плещется недоумение, словно она не в силах понять, что за гадости я говорю.

— А как же тогда мы будем работать? — тихо поинтересовалась она. — Без света-то?

— Ну всяко лучше, чем без здания, — подмигнул я. — Не волнуйся. Где-то в здании самого швейного цеха должна быть альтернативная нить, если основную отрубят.

— Нить? Какая нить?

— Нить энергосети, разумеется, — пожал плечами Рене. — Если смотреть по картам, то тут их полно, уверен, что Матильда основные дела проворачивала не на обычной, а на магической энергии.

Перехватив внимательный и испуганный взгляд Анны, я вдруг вспомнил, что об особенностях нашей электрики она, наверное, ровным счетом ничего не знала, как и о многих других особенностях этого мира. Но мои слова ее все же немного успокоили. Она слегка покраснела, взглянув на меня, кажется, вспомнила о том, что сама облачена в мною же притащенную сюда пижаму, и выскользнула из комнаты в ванную.

Когда вернулась, я уже встряхнул скатертью, выдергивая из нее завтрак. Та, конечно, требовала энергетической подпитки — как это так, ее вынуждают готовить, а повампирить совершенно некого! — но я нагло проигнорировал ее ментальные возмущения и лишний раз дернул за край.

Такие скатерти, предназначенные, в целом, для жертвоприношений, тоже были изобретением Матильды. Осталось их очень мало, основную массу пришлось сжечь, но несколько я умыкнул для исследований.

В результате оказалось, что свою полезную функцию — генерацию пищи, — скатерть способна выполнять на основании накопленной энергии. А за долгие годы своего функционирования натянула она достаточно, чтобы кормить Анну несколько лет.

В любом случае, в реальной жизни без выбросов энергии никак. Та же Анна буквально кипела от магии, и скатерть наверняка немного тянула с нее силу.

Но магия Анны — отдельный вопрос.

Большинство владело даром вытягивать энергию из окружающего мира и каким-то образом трансформировать ее. Анна относилась к тому редкому виду людей-генераторов, которые, будто уже упомянутые мною нити, могли производить магическую энергию. Обычно таких брали на работу в Канцелярию, «богами» — отвечать за поддержание баланса. Но обычно они не возвращались в свой мир из другого, где прожили двадцать с лишним лет!

К тому же, даже для генератора Анна производила слишком много магии. Она буквально фонтанировала ею, даже не обращая внимания на то, что периодически теряла вместе с магией и жизненные силы. Ее следовало обучать, а не таскать по швейным цехам и убеждать заниматься общественно полезным трудом!

Но я сам виноват в этом, впрочем.

— Что-то не так? — выдернул меня из размышлений голос девушки. — Ты какой-то сегодня слишком сосредоточенный.

— Не выспался, — отмахнулся я.

— Конечно, не выспался, — фыркнула Анна. — Ты ж никак не мог оставить меня тут одну. Небось, у тебя дома кровати получше, чем эти.

— Ты хочешь проверить?

Она покраснела.

— Не хочу. И не надо пошлых намеков.

— Все, на что я намекаю — это на то, что ты можешь перебраться из этой дыры в какое-нибудь нормальное место, — усмехнулся я.

— Здесь вполне нормальное место.

— Отнюдь. Здесь клопы, моль, блохи, которых мне пришлось отгонять магией, и вообще, не слишком пригодное для нормальной жизни все... Но ты упертая и не хочешь принимать от меня помощь.

— Потому что, — упрямо проворчала Анна, — мы с тобой чужие люди. И то, что ты при других назвал меня своей невестой, меня таковой не сделало. И...

Она отвернулась и, придвинув стул к столу, села завтракать. Скатерть издала разочарованный вздох.

— Между прочим, — пропищала она, — за несколько ночей страсти я готова отплатить просто потрясающим романтическим ужином! С лобстерами!

— Еще слово, — пригрозил я, — и я отплачу тебе сожжением. Это понятно?

Скатерть вздохнула и поникла.

Анна, впрочем, сидела красная, словно вареный рак, и упорно делала вид, что ничего не услышала. Потом, поковырявшись с минуту в своей овсяной каше, пробормотала:

— Никаких страстных ночей не будет. Мы никто друг другу. Я вообще не понимаю, зачем ты возишься со мной, Рене.

— Помочь тебе хочу, — усмехнулся я. — Зачем в каждом моем действии пытаться найти подвох?

— Наверное, затем, что этот подвох точно есть! Потому что должна же быть для тебя какая-то выгода!

Я вздохнул. Вспомнилась почему-то Матильда — убийственная, холодная и способная заставить кого угодно чувствовать себя идиотом. А еще — пламенная и страстная, когда от

нее того совсем не ждешь.

И слова ее тоже вспомнились.

— Я просто хочу вспомнить, как оно — быть живым, а не бессмертным, — пробормотал я. — Просто, Анна, я предпочитаю это вспоминать так, чтобы другим не становилось хуже.

— Но разве быть бессмертным плохо? — удивилась Анна. — Мне казалось, большинство людей к этому стремятся...

— Стремиться можно много к чему, — легко пожал плечами я. — А потом, когда достигнешь, надо еще уметь нести ответственность за собственные желания.

Анна ничего не ответила. Наверное, она и не могла, я и так взвалил на нее слишком многое и переложил тяжесть собственных мыслей на девушку. Не следовало этого делать; она ведь не виновата, что оказалась рядом со мной, когда мне вздумалось пофилософствовать. Однако, тяжесть бессмертия — груз, который с себя просто так не скинешь.

Я непроизвольно потянулся к песочным часам, висевшим на цепочке у меня на груди, и стиснул их в кулаке. Иногда мне хотелось сорвать этот знак отличия со своей шеи, швырнуть его на землю и наблюдать за тем, как стекло расколется на тысячу кусочков. Мне думалось, что это может помочь. Но ответственность никто не отменял, и поступить подобным образом со своим миром и с людьми, доверившимися мне, я не мог. Даже если изначально никто не делал этот выбор.

Истинные часто повторяли, что они устали от ответственности, и со временем я начал понимать, что именно утомляло их так сильно.

Но хотел ли кто-то отречься от своего бессмертия и уступить обязанности другому? Нет. Они цеплялись за привилегии, которые предоставлял им статус Истинных, и не собирались с ними расставаться ни за какую свободу.

— Ладно, хватит рефлексии, — встряхнул головой я. — Там совсем скоро начинается рабочий день, так что предлагаю переключить источник света на внутренний генератор энергонити уже сейчас, до того, как твои подчиненные придут на рабочие места.

Анна опасливо покосилась на меня.

— Знаешь, это, наверное, довольно опасно... Может же ударить током... Ну, или какая энергия тут в ходу. Разве нет?

— Может, — легко согласился я. — Но ничего мне не будет, не волнуйся.

— Ты... Ты уверен?

Я усмехнулся.

— Конечно, уверен! — подтвердил я уверенным кивком. — Не просто так же я — бессмертный! Должна быть от этого хоть какая-нибудь польза!

Девушка не стала спорить.

— Не бойся, я не в первый раз, — промолвил я. — Тем более, в отличие от вашего мира, у нас все не настолько опасно. Скорее, энергонити могут дать сильное облучение, но для меня оно закончится разве что переполнением силового резерва. Простому человеку да, лучше не лезть.

Можно было сказать Анне, что она сама — почище любой энергонити, но я предпочел промолчать. Не стоит пугать девушку дополнительными проблемами. Рано или поздно, впрочем, она все равно узнает, что на близкие отношения с простым человеком может даже не рассчитывать, потому что элементарно погребет его под валом своей энергии. Но сейчас-

то можно не говорить ей об этом! Тем более, в мире полно людей, которые довольно хорошо впитывают в себя силовые всплески.

У меня, например, и до бессмертия отлично получилось.

Дав себе по мозгам, чтобы не было соблазна представлять себя рядом с Анной — ишь чего захотел! А работу кто делать будет? — я просто жестом велел девушке следовать за мной.

Общежитие находилось в состоянии полудремы. Конечно, кто-то уже выглядывал в коридоры, но женщины были сонные, уставшие и, завидев нас с Анной, скрывались обратно в своих комнатах. Вероятно, не все они смирились с тем, что вчера произошло.

Когда мы наконец-то вышли на улицу, бульдозеров больше не было. Войчика — тоже. Я не сомневался, что этот любитель бумаги обязательно вернется с очередным постановлением об аресте или еще какой-нибудь ерундой, но пугать Анну не стал, нечего ей пока об этом думать. Возникнет проблема — решим. Должен же быть толк от моих полномочий.

Потому, вместо разглагольствований о возможных последствиях излишнего внимания Войчика к швейному цеху, я зашагал в сторону здания. То темными окнами смотрело на нас, словно какая-то заброшка, и явно не стремилось облагораживаться само собой.

— Придется потратиться на ремонт, — отметил я, заходя внутрь. Трещины, тянувшиеся по потолку, особого оптимизма не внушали.

— Были б у нас еще деньги, чтобы их тратить, — вздохнула Анна. — Но ничего! У меня вроде как появилось несколько идей, но надо время, чтобы их реализовать. Время... И чтобы никто не мешался под ногами, как вчера. Мы из-за Войчика потеряли целый день.

— А могли потерять свободу, — здраво рассудил я. — Так-с... Нам в подвалы.

Анна поежилась. Было видно, что перспектива посещения подвалов ее нисколько не прельщает.

— Если хочешь, — предложил я, заметив ее смущение, — можешь остаться наверху, я сам схожу.

— Нет, что ты, — возразила она. — Я не боюсь темноты. И не могу отпустить тебя одного заниматься таким опасным делом.

— Ну, ладно.

Я зажег крохотный магический огонек — тот повис у меня над плечом, освещая дорогу, — и спустился в подвалы. Нужная комната была одной из самых последних и одной из самых маленьких. Щитовая вместо привычного гула молчала, и я сделал вывод, что Войчик уже максимально меня обезопасил — лично отключил все, что мог.

Отключить линию от щитовой было несложно. Я полюбовался на провод с коннекторами и, вздохнув, медленно потянул его за собой, к выдвигной панели на полу. Под ней, если верить моему внутреннему чутью, таилась энергонить.

Я легонько толкнул панель одной рукой, склонился, чтобы рассмотреть сияние энергонити — и в ужасе отшатнулся.

— Твою ж мать! — прошипел, не в силах сдержаться.

Сказать, что Рене не выглядел как радостный человек — не сказать ничего. Он завис над сдвинутой в сторону панелью и сверлил взглядом содержимое, словно оно было живым существом и собиралось на него напасть. Я осторожно сделала шаг вперед, желая тоже заглянуть, подкралась к мужчине и через его плечо попыталась высмотреть, что там внутри.

Энергонить, или как там называлось то, что искал Рене, выглядела, мягко говоря, впечатляюще. Собственно, когда Рене отодвинул панель, у меня вообще возникло впечатление, что внизу бурлит настоящая река. Только вот она почему-то была зеленой и фосфоресцировала.

— Что это такое? — шепотом поинтересовалась я.

— Это энергетическое средоточие, — промолвил также тихо Рене. — Очень сильное. Я б даже сказал, безумно сильное...

— Откуда оно здесь?

— Полагаю, это природный источник, — дернул плечом Рене. — понятия не имею, откуда он мог тут взяться. На официальных картах его нет.

— А он должен быть?

— Должен, — серьезно кивнул мужчина.

Судя по его внешнему виду, он отнюдь не радовался найденному.

— А разве это не хорошо, — осторожно уточнила я, — что нашелся новый источник энергии? У нас в мире этому радуются. Или оно радиоактивное?

Рене скривился. Мне даже подумалось, что надо поскорее вернуть ту панель на место — я прежде никогда не видела мужчину настолько сердитым и справедливо подозревала, что это не просто так.

— Понятия не имею, — со вздохом промолвил он. — Но, думаю, если никто из сотрудниц еще не схлопотал никакую смертельную болезнь, то ничего сверхопасного в данной энергонити нет. Другой вопрос, как удалось ее столько времени скрывать... Очевидно, швейный цех здесь построили не случайно. Выбирали место...

— Но ведь он долгое время функционировал нормально?

Рене никак не опроверг и не подтвердил это мое предположение, только неопределенно дернул плечом и тяжело вздохнул.

— Сейчас подключим как есть, — решительно промолвил он. — А потом я возьму образцы на анализ и определю, что со всем этим делать.

Он взял провода, которые открепил от обыкновенного трансформатора, и опустил их в ту самую зеленоватую жидкость. Она зашипела, но затихла буквально за несколько секунд. Что-то мигнуло, но сияние практически сразу выровнялось.

Рене сдвинул панель, возвращая ее на место. В подвальном зале вновь стало темно, и я осознала, что тот светлячок, что его зажигал мужчина, давно уже погас. Наверное, Рене сделал это специально, чтобы не тратить силы? Или просто потерял концентрацию.

Так или иначе, мы оказались в крошечной темноте. Рассмотреть не удавалось ровным счетом ничего — после яркого света, слепившего глаза, сложно привыкнуть к мраку. Я вздрогнула, сделала шаг вперед, скорее интуитивно, чем осознанно, и почувствовала, как горячие руки Рене ложатся мне на талию.

Мужчина привлек меня к себе неожиданно страстно и пылко. Я содрогнулась, но не отпрянула — все же, от такого, как он, отпрянуть было бы слишком большой глупостью...

Непозволительной, я б даже сказала.

— Боишься темноты? — прошептал Рене.

— Немного, — также тихо ответила я, хотя шептать на самом деле не было смысла. Кто нас тут мог услышать?

— Ты вся дрожишь.

— Это потому, что меня испугала та зеленая слизь. В научно-фантастических фильмах столкновение с подобным обычно плохо заканчивалось.

— Да? А в научно-фантастических фильмах были бессмертные Истинные? Думаю, столкновение с ними опаснее, чем с зеленой жижей.

— Мне начинать тебя бояться?

— Да, можешь хоть сейчас.

Я рассмеялась.

— Ты совсем не страшный.

— Думаешь?

— Уверена.

— Я ужасный человек, — покачал головой Рене. — Моя любимая женщина оказалась чудовищем и пыталась поработить весь мир. Собственно, именно ее стоит винить в появлении этой зеленой жижи.

— Ты не несешь за нее ответственности.

Мне вдруг дико захотелось его поцеловать. Я потянулась к мужчине, чувствуя его тепло, биение его сердца...

И вдруг в подвале вспыхнул яркий, ослепляющий свет.

Мы с Рене отпрыгнули друг от друга, будто нашкодившие дети. Не сказать, что такая реакция была правильной, особенно если учесть, что мы не делали ничего запретного, однако, я почувствовала, что стремительно краснею. Смущение захлестнуло меня с головой.

А вот Хранителя Времени, казалось, ничто смутить не могло. Он легко выпустил меня из своих объятий и повернулся к замершей в дверном проеме Тамиле.

— Ну, предположим, — протянул он, — мы с Анной пришли сюда разбираться с отключением света. А что здесь делаете вы? Пришли проверить энергетические запасы, оставленные вашей бывшей начальницей. Или какова еще может быть причина?

— Я искала госпожу Анну, — промолвила Тамила, — и услышала шум, доносившийся из подвалов.

— Всегда знал, что у вас очень хороший слух, — Рене прищурился, явно недовольный тем, что нас прервали. — Думаю, нам будет полезно пообщаться с вами наедине, может, вы еще что-нибудь слышали, о чем я не знаю. Не откажете мне в удовольствии?

Тамила ничего не ответила, только крепко сжала зубы. Было видно, что она уже пожалела о собственном вмешательстве, но сказать об этом вслух, разумеется, не могла.

Рене повернулся ко мне, легко касаясь руки, и тихо произнес:

— Уведи ее отсюда. Мне надо взять образцы.

— Хорошо.

Я понимала, что у него предостаточно своей работы, и, разумеется, было очень логично на этот период разойтись, чтобы каждый занялся делами. Правда, трудно было избавиться от горького осадка — словно этот прерванный поцелуй наложил свою печать на весь день. Мне

непонятно почему захотелось, чтобы Рене вновь взял меня за руку, чтобы стоял рядом, и я могла чувствовать тепло его тела. Смешно...

Смешно говорить, что я причин не знала. Никогда прежде я не встречала настолько привлекательного мужчину, не говоря уж о том, чтобы он вроде как сам оказывал мне знаки внимания. От этого, впрочем, только усиливалось ощущение неестественности происходящего. Я как будто подсознательно ждала, что Рене вот-вот рассмеется мне в лицо и скажет, что это было понарошку, в шутку. Он просто решал очередные проблемы своего разрушающегося мира.

Однако, пока что никакие разочаровывающие речи мужчина не толкал, и я, улыбнувшись ему, шагнула к Тамиле и жестом велела ей следовать за мной. Женщина грузно зашагала за мною, так активно выражая неодобрение, что надо быть совсем бесчувственным чурбаном, чтобы его не почувствовать.

— Тамила, — окликнула я ее, когда мы вышли из подвалов, — в чем дело?

— Я ж предупреждала вас, госпожа Анна, — пробормотала себе под Тамила, довольно неразборчиво, что, впрочем, не помешало мне услышать ее слова. — Просила, чтобы вы не делали глупостей. Нехороший он человек. Нехороший! Да он и не человек-то вовсе...

— Так не человек или нехороший?

— Путаете меня, — сердито отозвалась Тамила. — А я не хочу, чтобы с вами случилось то, что с его предыдущей любовницей. Может, на нем проклятье какое. Ну, не может нормальный мужик быть настолько... Неправильно это!

— Настолько каким? Нормальный он.

На самом деле, я и сама чувствовала себя неловко. Рене казался идеальным, и не только из-за внешности — в конце концов, в мире существовало достаточно красивых мужчин, — а и из-за его поведения.

— Нормальный! А помогает вам зачем? Кто вообще в этой жизни делает что-нибудь просто так?

Я усмехнулась.

— Он не просто так, а ради общего блага.

— Общее благо каждый раз заканчивается в чьем-то кармане! — обвинительно воскликнула Тамила. — И в этот раз иначе не будет! А вы потом плакать станете, госпожа Анна, тосковать. Оно вам надо?

Я предпочитала не строить такие глубокомысленные планы о собственных слезах и о тоске, но Тамила не хотела отступать. Что ж, в какой-то мере я ее понимала. Мне и самой чудилось, что Рене уж слишком о нас заботился.

Но какими бы ни были причины, мы сейчас не в том положении, чтобы отказываться от чьей-либо помощи.

— Для начала предлагаю не обсуждать это в коридоре, — промолвила я и направилась на второй этаж, надеясь, что Рене не слышал отрывки этих разговоров. — И, Тамила, я повторяю еще раз. Рене помогает нам только потому, что хочет сделать доброе дело. Его выгода нас с тобой нисколько не волнует. Это его жизнь, его дело, его ответственность, в конце концов. Просто прекрати подозревать и обвинять его в том, чего он не делал. В том числе в убийстве.

Тамила надулась. Судя по всему, наш контакт только что развалился — она все никак не могла простить мне возможные отношения с Рене.

Я поднялась в свой кабинет и промолвила:

— Позовите мне Милли, пожалуйста. Надо все-таки обсудить ее проект.

— Хорошо, госпожа Анна, — серьезно кивнула Тамила. — Но подождите...

— Да?

Тамила тяжело вздохнула.

— Вы всерьез верите, что бессмертный собирается жениться на обычной девушке? Даже если на одаренной, госпожа Анна...

— Тамила, это вопрос не вашей компетенции, — отрезала я. — Не забудьте про Милли, — и захлопнула за собою дверь.

На душе было гадко.

Что ж... Смешно сказать: конечно, я не верила в то, что Рене собирается на мне жениться. Но иногда так хотелось помечтать...

Велев себе не думать о делах любовных, а вспомнить о порученном мне швейном цехе, я погрузилась в изучение документации. Бумаг за период «запустения» осталось не так уж и много, но я рассчитывала, что смогу отыскать какие-то старые договора. Конечно, никаких других залежей ткани, чтобы воспользоваться ею для пошива заказной одежды, мы не обнаружили, но я, человек, которого заставляли учить право — и плевать, что поступила в политехнический университет, право учат все, на каждой специальности! — понимала, что если что-то и осталось, то расторгнуть его желательно уже сейчас. Пока нам не могут предъявить никакие штрафы и потребовать восстановить сотрудничество.

Почему? Все просто. Швейный цех, отрезанный от электричества и отопления, снятый с государственного снабжения, расположенный в полуразвалившемся здании — такой себе деловой партнер. Не из лучших. Кто станет тратить на него свое драгоценное время?

Правильный ответ: никто.

Если я приду с просьбой расторгнуть договор, большинство тех, с кем работало еще прежнее руководство, с удовольствием подпишут нужную бумагу и предпочтут забыть о нашем сотрудничестве, как о страшном сне, пока не появился Рене и не задался вопросом, не замешаны ли они в каких-нибудь махинациях...

К слову, эти списки бы и ему передать.

А вот если я потребую расторгнуть договор, когда швейный цех будет в силе — а я надеялась, что однажды это все-таки случится! — то беды не миновать. Моментально вспомнятся и прописанные в договоре штрафные санкции, и все на свете!

Стопочка медленно, но все же росла. Я обнаружила несколько важных бумаг о сотрудничестве с поставщиками, отобрала два или три договора на пошив форменной одежды, но все остальное — лишь старые расчеты, а то и какие-то сплошные столбики цифр без подписей, в которых я ничего не понимала. Первым желанием было, конечно же, выбросить эти документы, казавшиеся мне откровенно бредовыми, но какой-то подсознательный звоночек заставил меня сдержаться.

А вдруг что-то важное?

Что-то, в чем сможет разобраться Рене, но я, в силу своих ограниченных познаний, ни капельки не понимаю?

Решив, что подумаю об этом позже, я просто продолжила сортировку документов.

В дверь постучали. Стук был осторожный, тихий, совершенно не войчиковский, и я промолвила:

— Войдите.

— Добрый день, госпожа Анна, — заглянула в кабинет Милли. — Вы позволите?

— Да-да, конечно, проходи. Давно тебя жду, — кивнула я, невольно улыбнувшись.

Милли была совсем молоденькой. По словам Тамилы, она и росла с этим швейным цехом, потому что здесь работала и ее мать. С рождения жила в общежитии, своего отца не знала. Ее мать, нынче уже покойная, была гением, когда речь заходила о новинках моды и придумывании фасонов, и свой дизайнерский талант передала и дочери. А вместе с ним — и умения, и излишнюю скромность.

Невысокая, худенькая, светловолосая, Милли будто светила. У меня сложилось впечатление, что дунет ветер — и ее просто сметет, она улетит, словно хрупкий осенний листик.

— Я хотела поговорить с тобой по поводу того платья, которое ты придумала из обрезков.

— Я позволила себе в свободное время...

— Оно роскошно, — прервала я Милли, прекрасно понимая, что сейчас она попытается извиниться за то, что тратила свое время на что-то ненужное. — И оно может очень понадобиться швейному цеху... Ты можешь показать расчеты, они у тебя есть?

Милли кивнула и протянула мне исписанный красивым, но очень мелким, бисерным почерком лист бумаги.

Я пробежалась взглядом по строкам и невольно улыбнулась. Сколько всего знала эта девчушка, что мне даже примерно не было известно! Однако, моего уровня понимания дела оказалось вполне достаточно, чтобы сделать общий вывод.

— Отличная идея, — не собираясь тянуть кота за хвост, обратилась к Милли я. — Я не назову себя очень опытным руководителем, который прямо-таки во всем разбирается, однако, мне кажется, эта идея может выстрелить. Я договорилась о встрече с одной женщиной... У нее свой модный бутик. Ты разрешишь мне показать ей этот проект? Точнее, ту его часть, которая будет ей важна, без вопроса о расходных материалах?

— Конечно, госпожа Анна!

— Хм... А сможешь рассчитать, сколько ткани ушло бы, если б мышили это не из отрезков?

Милли нахмурилась.

— Но я подбирала модель именно под обрезки! Если делать это из цельного куска ткани, то расход будет гораздо больше, ведь крой не слишком продуман... Там, должно быть, обрезков бы хватило еще на одну, только на другую модель!

— Об этом мы подумаем позже, — покачала головой я. — Рассчитай, пожалуйста, это. Об экономии в расчетах не задумывайся. Нам важно показать, что это платье — не дешевка из обрезков, а полноценный дорогостоящий продукт... Я ни в коем случае не оскорбляю твой труд — просто понимаю, что может сказать мне владелица модного бутика в надежде сэкономить деньги на оплате и немного снизить стоимость. Или не немного. Ты сделаешь это, Милли?

— К завтрашнему утру все будет готово, госпожа Анна, — твердо промолвила Милли.

— Спасибо, — улыбнулась я. — Такая скорость очень кстати... Что ж, не стану тебя задерживать. Можешь идти.

Милли кивнула и, взяв расчет, который приносила мне, ускользнула прочь. Я же вновь погрузилась в изучение документов. Меня не покидало ощущение, что я что-то упускаю, вот только что? Деньги у нас какие-никакие, но все-таки были, после выполнения первых заказов была возможность говорить о каком-нибудь подъеме...

Я замерла, осознав, что до этого думала только о том, как пустить вырученную сумму в дело. Но зарплата людям...

— Тамила! — окликнула я. — Тамила, зайди ко мне, пожалуйста!

Женщина явно слышала, но, судя по тому, как долго ко мне шла, она явно все еще злилась. Может быть, считала меня предательницей, что я все-таки выбираю Рене?

Если б она знала, что я никого не выбирала, да и вообще, никого не интересовало мое мнение... И с Рене у меня были не отношения, а так, простая договоренность, попытка таким образом защититься от напастей, которым я даже толком название-то дать не могла...

— Да, госпожа Анна. Вы звали?

— Звала, — кивнула я, взглянув на нее. — Скажи, Тамила. Все это время, с момента гибели Матильды, на какие средства вы жили? Ведь швейный цех едва-едва существовал.

— Мы продолжали выполнять заказы, госпожа Анна, и получали заработную плату. Следующая должна прийти через несколько дней.

Следующая... Следующая! Но ее, скорее всего, не будет, потому что швейный цех сняли с гособеспечения. И хотя мои сотрудницы еще не поняли, что именно им грозит, я осознала: мне придется платить им деньги из получаемого дохода.

Тогда нам не хватит не то что на новые ткани и ремонт, а даже на сами зарплаты! Сотрудниц в швейном цехе было предостаточно, и я понимала, что должна их хотя бы кормить, но чем и как...

— Сколько вам платили?

— Довольно мало, — ответила Тамила, — Мы в основном жили от зарплаты до зарплаты, да и хватало ее только на еду. Но швейный цех предоставлял жилище, и это лучше, чем оказаться без денег под открытым небом...

— Хорошо. Спасибо, — я поднялась со своего места, не в силах больше сидеть.

Мысль о достойной оплате труда забила в голове с новой силой. Как я могла не предусмотреть этот момент? Понимала же, что людям надо за что-то питаться!

— Госпожа Анна, — удивленно переспросила Тамила, — вы куда?

— Я... Мне по делам надо, — мотнула головой я. — Можете возвращаться к работе. Все в порядке.

Мне скорее надо было не по делам, а к Рене. Я буквально вылетела из кабинета, оставив растерянную Тамилу внутри, сбежала по ступенькам в подвал, заглянула в каждую комнату, но Рене уже не было на месте. Не теряя надежды, я выскочила на улицу — и, к счастью, обнаружила там мужчину, разговаривавшего с кем-то по некому подобию видеосвязи.

Переминаясь с ноги на ногу, я чудом дождалась конца разговора. Рене наконец-то повернулся ко мне и вопросительно изогнул брови.

— Что стряслось?

— Зарплата, — выпалила я. — Мы забыли о том, что людям надо платить зарплату. Раньше это делали по гособеспечению. Но следующего начисления не будет! Я не сомневаюсь, что Войчик об этом позаботился.

— Ты хочешь сказать. — мрачно поинтересовался Рене, — что все это время они получали зарплату из госбюджета? Все эти несколько лет?

Я кивнула.

— И никого не волновало, что этот цех ничего не делает?

— Это сейчас неважно! — воскликнула я. — Понимаешь, они останутся без средств существования. Даже без еды! Что делать-то? Я не могу попросить их поголодать несколько

месяцев. И зарплату платить мне тоже нечем. Мне и в голову не приходило...

— Да, — кивнул Рене. — Мне такая наглость тоже в голову не приходила...

Он тяжело вздохнул.

— Но что мне делать?!

— Не переживай, — Рене обнял меня за плечи, притягивая к себе. — Все будет хорошо.

Решу я твою проблему с зарплатой...

— Но как?!

— Решу, — твердо промолвил он. — А как — уже не имеет значения. Но, думаю, тут еще есть с чем разобраться. Не нравится мне, как все закрутилось в этом цехе...

— Это не то, о чем сейчас надо думать, — сердито возразила я.

— Боюсь, — покачал головой Рене, — именно об этом думать и надо.

Добравшись до общежития, Рене практически сразу направился в наш с ним блок. Я попыталась уточнить, что именно так притягивало его туда, но мужчина ответил мне лишь загадочной улыбкой и решительно направился вверх по ступенькам.

— Знаешь, — сказал он, когда мы остановились у входа в комнату, — чем питается эта скатерть, которую я тебе притащил?

— Да, — кивнула я. — Ты вроде бы говорил, что эмоциями? Энергией, которую нагло вампирит у других людей, если выражаться человеческим языком!

— Что-то вроде того, — утвердительно кивнул Рене. — Она не способна долго работать на внутренних запасах, потому что быстро разрядится, и придется делать новую. Между прочим, эта прелестная скатерть наделена определенным минимальным сознанием, потому просто так использовать себя до дна она и не даст — заартачится, будет предъявлять претензии, ругаться, в конце концов, просто притворится ветошью... тряпочкой, то есть, и не станет ничего делать. Но договориться с ней можно. Пообещай мне, что не будешь перебивать. И помни, что я всегда на твоей стороне, как бы ни звучали мои слова.

Поскольку я даже примерно не представляла, о чем может зайти разговор со скатертью — а беседовать Рене явно собирался именно с ней! — то послушно кивнула. Лучше позволю ему делать свое дело и не буду вмешиваться, чем потом окажусь виноватой в провале. Может быть, если осознаю, что могу чем-нибудь помочь, тогда попытаюсь как-то поучаствовать в разговоре?

Или скажу свое мнение потом. Рене должен выслушать — он не казался мне одним из тех грубых мужланов, что игнорируют чужое мнение в любой ситуации, даром, что наше знакомство складывалось не слишком радужно.

Убедившись в том, что мешать я не собираюсь, мужчина первым вошел в комнату и отправился прямо к столу. Скатерть, очевидно, ощутив его приближение, моментально зашевелилась и, действуя по своему стандартному алгоритму, выпалила:

— Бесплатно работать не буду! Я истощена!

Рене закатил глаза — судя по всему, скатерть не могла его видеть, — но вполне спокойным тоном протянул:

— Моя дорогая, я как раз подобрал тебе такую работу, где ты сможешь взывать плату на постоянной основе.

— На постоянной основе?! — моментально оживилась скатерть, придвигаясь ближе к концу стола. — Интересно-интересно... Мне дадут выпивать преступников? Всегда мечтала быть орудием для пыток!..

— Ну, не стоит агрессии, — покачал головой Рене. — Нет, пока до преступников ты не доросла, да у меня их и нет, чтобы прокормить тебя... Знаешь ли ты, дорогая, что такое женский коллектив?

Скатерть задумалась.

— Это что-то вроде коллектива скатертей? — уточнила она.

— Именно, — подтвердил Рене.

— Когда все грызутся, постоянно переругиваются, всегда возникают какие-то споры, недовольство, ревность?

— Да-да.

— Гости мечты! — довольным голосом сообщила скатерть, кажется, аж причмокивая от предвкушения. — Это же можно!.. Можно...

— Это можно наесться вдоволь, — подтвердил Рене, ласково поглаживая скатерть по складке. Та аж заурчала от такой простой ласки. — Можно набрать у них энергии сколько угодно. И я тебе больше скажу, у тебя будет возможность находиться постоянно рядом с женским коллективом.

— Правда?!

— Конечно! — кивнул он. — В этом общежитии живет огромное количество женщин, которые наверняка постоянно ссорятся, переругиваются, постоянно что-то делят. Тебе надо будет всего лишь спокойно лежать и ловить их эмоции. Скандалы и ссоры пойдут тебе только на пользу. Это ведь столько неучтенной энергии, которую они просто выбрасывают в воздух! Но для того, чтобы оказаться в месте, где все будут крутиться вокруг тебя, надо пойти на небольшую уловку.

— Какую?

— Прикинуться фуршетным столом.

Я усмехнулась, поняв, в чем была задумка Рене.

— И, — уточнила скатерть, — всего лишь выдавая им еду, я буду постоянно подпитываться конфликтами этого огромного, постоянно переругивающегося коллектива?

— Конечно! — подтвердил Рене. — А если ты будешь вести себя хорошо, я даже потом скормлю тебе одного проверяющего-налоговика.

— Налоговики — это вкуснятина! — подтвердила скатерть. — Ладно! Я согласна. Несите, куда хотите, — и она довольно дернула краем, показывая, что на все согласна.

— Вот и чудненько, — улыбнулся Рене. — Договорились. А теперь, дорогая, будь добра, отработывай свой долг жизни.

Он решительно взял скатерть в руки, чтобы ее сложить, а я заметила крохотный ярлычок. Сама скатерть была белая, а знакомый красный цвет ярлычка сильно выбивался на общем фоне.

— Подожди, — остановила я Рене. — Дай мне посмотреть, пожалуйста...

— Смотри, — пожал плечами он. — Эта зараза не кусается. А что такое?

Я взяла в руки край скатерти, перевернула ярлычком вверх и продемонстрировала его Рене.

— Это бирка нашего швейного цеха. Мы точно такую же добавляли на школьные формы, которые недавно шили. Тут их целый запас валяется. Собственно, фирменные бирки — единственное, что не в дефиците.

Рене аж присвистнул от неожиданности.

— Интересный у вас цех, однако, — протянул он. — С сюрпризами.

Я тяжело вздохнула. Пospорить с ним, однако, было довольно сложно.

— Однако, оттого, что мы сейчас узнали про эту скатерть, не стоит отступать от первоначального плана. Потом, кстати, поинтересуемся, как именно их шили и что с ними делали. Я так до конца и не смог воссоздать заклинание, которое применяли к этой тряпице, — Рене предусмотрительно накрыл скатерть ладонью, потому что она недовольно задергалась, когда услышала сравнение с тряпкой. — И сейчас опять взбесится, потому что я неуважительно говорю о ней... Анна, ты сможешь попробовать использовать свой дар убеждения на практике? По отношению к коллективу швейного цеха?

Я растерянно кивнула. На самом деле, я пока не могла представить, что именно им говорить, и с надеждой уставилась на Рене, рассчитывая на то, что он всё-таки сможет мне это объяснить.

— Я должна объяснить им, почему они должны работать бесплатно?

— Не совсем бесплатно, — возразил Рене. — У них будет пропитание, — он встряхнул скатертью, и из той выпало несколько конфет в ярких, радужных обертках, настолько вырвиглазных, что я бы, наверное, ни за что не решилась это съесть. — У них будет крыша над головой. Но финансового вознаграждения пока что не будет. Пока ты не наладишь производство и не сможешь найти достойный источник дохода, платить будет элементарно нечем.

Это звучало очень логично. Но я не представляла, как можно просто сказать людям в лицо, что их труд не станут оплачивать. Разве кто-то согласится работать на подобных условиях.

— Мне кажется, я нагло их использую.

Рене вздохнул.

— Посмотри на меня.

Он опустил руки мне на плечи, и я содрогнулась от внезапного жара его ладоней. Казалось, Рене пытался передать мне каким-нибудь чудесным, магическим образом передать собственную силу. Я задрожала, глядя на него, и невольно потянулась к мужчине.

— И выслушай, — прошептал Рене. — Ты не делаешь им плохо. Они могут уйти отсюда, если захотят, но кем они будут? Они, фактически, преступники, которых ты защищаешь ценой собственного времени, собственной свободы. Ты ради них неслабо рискуешь — на самом деле, мало кто бы на это решился. У них будет крыша над головой, у них будет что есть, у них будет работа и перспектива начать зарабатывать. Но ты можешь их отпустить, если хочешь, конечно. Они могут идти. Только куда? К Войчику? Предоставь им выбор. Ты и так сделала всё, что могла.

Я задержала дыхание. Слова Рене звучали просто завораживающе. Я невольно потянулась к нему...

И, не знаю, как это случилось.

Не знаю, как я умудрилась его поцеловать.

Это было неправильно! Я не должна была слушать собственный внутренний порыв, не должна была шагать к нему в объятия, не должна была прижиматься к нему всем телом, не должна была...

Я попыталась вырваться, но Рене придержал меня, прижимая к себе.

— Ты потрясающая, — прошептал мне на ухо мужчина. — Ты самая потрясающая девушка, которую мне удавалось когда-либо встретить.

— Ты немного преувеличиваешь.

— Нет, — возразил Рене. — Я воспринимаю мир немного не так, как нормальные люди. Аурами. Всплесками энергетика. Тем, что другие просто не видят и ты потрясающая.

— Нам идти надо...

— Они подождут.

Он вновь впился мне в губы поцелуем. Я уже не могла сопротивляться, просто размякла в его руках. Не помнила даже, как мы оказались в кровати, только успела упереться ладонями в его грудь, когда мужчина навис надо мной.

— Прости, — прошептал он. — Мне не следовало настаивать. Этого больше не

повторится.

Я отрицательно мотнула головой.

— Просто не сейчас, ладно? Я... Не слишком опытная в отношениях, — я коснулась ладонью его щеки. — И я всё ещё не до конца тебе верю.

— Из-за Тамилы?

— Из-за того, что ты слишком красив.

Рене тихо рассмеялся.

— Кабы это что-то решало...

Он хотел сказать что-то еще, но скатерть, брошенная на пол, довольно заурчала, напоминая о своем существовании.

— Вот паразитка, — пробормотал Рене. — Эмоции вампирит. Думаю, сегодня ночью она будет лежать в холле.

— Не отрицаю, — хмыкнула я.

Только скатерти-свидетеля мне не хватало!

Мы потратили немного времени на то, чтобы привести себя в порядок. Мне пришлось, правда, довольно долго провозиться с волосами, которые никак не желали ложиться в сносную прическу, но даже они поддались должным усилиям. Рене предложил мне свою руку, и я оперлась о неё, хотя умом понимала, что лучше бы мне избегать любого лишнего физического контакта, особенно если он будет слишком тесным. Воспоминания о поцелуях, едва не перетёкших во что-то большее, ещё были слишком близки, чтобы я могла просто так вытолкнуть их из своей головы.

Однако, я попыталась сконцентрироваться на деле и пробудить свой дар убеждения. Рене говорил, что это некая часть меня, главное её пробудить, и я задалась вопросом — а вдруг это реально? Достаточно лишь найти ту самую струну в себе, тот внутренний источник. Однако, магия срабатывала каждый раз, когда я могла выдать сильную эмоцию, а Рене одним своим присутствием успокаивал меня, приводил в норму.

Не то чтобы мне это не нравилось. Просто я понимала, что в данный момент меня спокойной будет недостаточно.

...Я переживала, что мне не хватит эмоций, однако, стоило перехватить возмущенный взгляд Тамиллы, когда она увидела меня с Рене под руку, как гнев вернулся. Мужчина скосил на меня взгляд, словно почувствовал это, хотя я вроде даже не успела напрячься, и протянул:

— Живой вулкан. Будь осторожна, Анна. Не взорвись. Тебе надо всего лишь убедить их принять твои условия, а не сжечь это место.

— Я никогда никого не сжигала, — отметила я.

— Это тебе пока что не представилась подобная возможность, — покачал головой Рене. — Однако, я верю в твои силы. Ты способна на многое.

— Мне кажется, ты меня переоцениваешь.

— В числах мне нет равных, — возразил он.

— Не только в числах.

— О, в остальном переоцениваешь меня уже ты, — отметил Рене. — Иди. Я буду здесь. Когда я рядом, ты сбиваешься.

Я хотела сказать, что он никак не влияет на мою уверенность в себе, по крайней мере, негативно, но вовремя поняла, что Рене прав. Рядом с ним мой гнев и, возможно, те излишки магической силы просто утекали прочь. Я не была способна спокойно размышлять, слишком много думала о находившемся так близко ко мне мужчине. Никогда не могла назвать себя

влюбчивой дурочкой, а теперь, когда оказалась в такой сложной для себя ситуации, вдруг обнаружила, что рядом с Рене мысли уверенным строем покидают моё сознание и улетают прочь.

Прекрасно, что уж.

В этот раз я не стала просить Тамиллу собрать всех, к примеру, в одном из залов; не потому, что мне не было нужно говорить со всеми, а потому, что женщины собрались и сами. Не все оторвались от швейных машинок да утюгов, но всё равно слушали.

— Я попрошу сейчас очень серьёзно отнестись к моим словам, — промолвила я, наконец-то собравшись с силами и поняв, что мне придётся что-то сказать, иначе буду выглядеть совсем глупо, итак привлекла к себе немало внимания. — Поскольку... Думаю, каждая из вас понимает, что наш швейный цех находится не в лучшем состоянии. Назвать это место слишком перспективным не сможет никто. Было бы глупо полагать, что мы сможем легко перейти в плюс. Однако, я уверена в том, что это возможно. Но на старте придётся затянуть пояса.

Кто-то хмыкнул.

— Мы не слишком-то их и растягивали, — отметила Мария, старшая швея, прожигая меня внимательным взглядом. Она всегда относилась мне с некоторым недоверием, и я знала, что не могу переубедить её в том, что желаю всем исключительно добра.

— Я знаю, — твердо промолвила я. — Знаю и о том, что всем здесь присутствующим приходилось долгое время очень трудно. Однако, сейчас у нас появился шанс. Потому прошу вас всех дослушать моё предложение, а потом уже отказываться или соглашаться. Я никого не задерживаю. Да, я не смогу помогать финансово или юридически тем, кто уйдет, но никоим образом препятствовать не стану...

Женщины внимательно смотрели на меня. Я собралась с силами, добавила немного энергичности и твёрдости в голос, и продолжила:

— На данный момент у меня нет возможности платить работницам зарплату. Я могу потратить всё, что мы успели получить, на неё, но, боюсь, это решит проблему лишь одноразово. Нам необходимы материалы, чтобы было из чего шить.

— А жить мы как будем? — вскинулась одна из женщин. — Чем питаться? Воздухом?

— Проживать вы можете в общежитии, это бесплатно. Коммунальные услуги тоже удастся обеспечить на свободной основе, — я не была в этом до конца уверена, но решила довериться Рене. — Что же касается еды, то в холле общежития будет размещён фуршетный стол, на котором всегда найдется еда. Вам надо лишь подойти и загадать, чего именно вы желаете, а скатерть, — я продемонстрировала присутствующим волшебную скатерку, — удовлетворит этот ваш запрос. Однако, да, определённый период работать придётся за кров и еду. Потому я и говорю, что не имею никакого права заставлять вас делать это. У вас есть выбор. Вы можете согласиться, можете — отказаться, я не стану осуждать вас ни за первый, ни за второй вариант. Просто помните, что вы не одиноки. Я на вашей стороне.

Умолкнув, я с внезапной яркостью осознала, что мои слова действительно прозвучали очень твёрдо и уверенно. Магия буквально звенела в голосе, хотя я не пыталась вложить её в свои слова, даже не знала, как толком это сделать. Тем не менее, женщины смотрели на меня, будто заколдованные, и у меня на мгновение возникло ощущение, будто я их откровенно обманываю, хотя совершенно точно не собиралась этого делать. Не хотела, чтобы они чувствовали себя моими пленницами или шли на поводу у красивых слов, которые я ровным счетом ничем не могу подкрепить.

Тем не менее, отказываться от своих слов было поздно. Я смотрела на женщин и понимала, что они уже вняли моим словам и впитали вместе с ними мою магию.

— Я думаю, — наконец-то промолвила Мария, всегда казавшаяся мне самой стойкой к чьим-угодно обещаниям, — нам стоит попытаться.

— Да, — несмело зароптали другие. — Да, есть смысл...

Я чувствовала себя отвратительно. Улыбнулась через силу и просто наблюдала за тем, как они расходились по своим рабочим местам.

Я сошла с импровизированного постамента, посмотрела на Тамилу, тоже абсолютно спокойную, и почувствовала, что мне немедленно нужен свежий воздух. Благо, никто не держал меня на месте, была возможность покинуть швейный цех.

Рене оказался снаружи. Он, кажется, сразу понял моё состояние.

— Все эти мои обещания — это же ложь, — тем не менее, пробормотала я, как только оказалась рядом с ним, словно открывала мужчине нечто совершенно новое. — Потрясающая, огромная ложь. Я воспользовалась своим даром во вред людям. Понимаешь?

— Ты их заманила в яму и оставила там на съедение тиграм? — поинтересовался Рене. — Не думаю, что это действительно так. Ты всего лишь пыталась им помочь, разве нет?

— Возможно, я сделала только хуже.

Рене вздохнул.

— Ты считаешь, что они остались только потому, что были под действием твоей магии?

Я кивнула. Это же очевидно! Кто в своём уме станет работать в швейном цеху, где даже зарплату не платят?

— Что ж, — вздохнул он. — Позволь мне кое-что тебе объяснить. С тобой — и со мной, хотя меня они терпеть не могут, — у них есть шанс, не теряя кров над головой и стабильное пропитание, добиться кое-какого успеха. Но стоит им только уйти, из сотрудниц швейного цеха они превратятся в преступниц. Если ты ихпустишь, далеко они уйдут? Полагаю, до ближайшей тюрьмы. Может быть, тебе покажется, что я говорю жестокие вещи, но они по меньшей мере правдивы. У нас довольно жестокий мир, должен тебе сказать, даже если на первый взгляд он весьма милый.

— Мне показалось, — осторожно отметила я, — тут всё довольно цивилизованно.

— Ага, — охотно кивнул Рене. — До того момента, пока ты не заглянешь немножко дальше. В мире, где от баланса осталось одно слово, а боги превратились в простых клерков, которые работают по выписываемым разнарядкам, всё слишком сложно переплетается между собой. У меня там, — он махнул рукой в неопределённом направлении, — целый штат бессмертных, которые только и ждут, пока эти часы окажутся у них на шее, потому что они надеются выжать из своего мира ещё больше. Им всё время мало того, что у них есть. Такова уж человеческая природа. Боюсь, их ждёт немалое разочарование, но для того, чтобы они не смогли подчистить за собой концы, мне приходится неотрывно следить. За всем. И, поверь, между выживанием целой энергетической нити и одной швеи я выберу первое. Не потому, что я жесток. А потому, что на самом деле у меня нет выбора.

На несколько секунд воцарилась тишина. Рене говорил страшные вещи; мне хотелось спросить его, действительно ли так всё, о чём он говорит, или, может быть, это лишь преувеличение, но я запоздало осознала, что любой мой вопрос может привести к непредсказуемым последствиям. Мне лучше не знать, к каким именно.

— Я могу чем-то помочь?

— У тебя сильный дар, Анна, — кивнул Рене. — Я могу научить тебя пользоваться им сознательно, если ты хочешь.

— Я хочу, но... Ты тут только из-за моего дара, верно?

Он с интересом посмотрел на меня, словно проверял что-то, а потом улыбнулся.

— Когда я говорил, что ты удивительная женщина, я подразумевал и дар в том числе, но не только его. То, что магия не умерла в тебе за столько лет в другом мире, подразумевает огромную духовную силу. Потому я искренне считаю тебя потрясающей девушкой.

— А там, в общезитии...

— Я не только бессмертный сумасшедший, который носится с песочными часами и пытается залатать те дыры, которые ему оставили, — хмыкнул Рене, — я ещё и немножечко живой мужчина. Там, в общезитии, это было не из-за твоей магии, если хочешь знать.

Не то чтобы я поверила ему до конца, но мне очень хотелось считать, что как минимум часть этих слов действительно была правдива. Я взглянула на Рене, убеждаясь лишний раз в том, что он либо роскошный лжец, либо говорит правду, потом велела себе успокоиться. Мне надо не сорваться в пропасть, не утонуть с головой в этом омуте, но при этом и не обидеть, возможно, очень хорошего мужчину.

— Рене, — я коснулась его руки, — ты сможешь мне хоть как-то овладеть моим даром? Чтобы я не чувствовала себя последней дрянью, когда использую его?

— Одно другому не мешает, — печально вздохнул он. — Но я помогу, конечно же. Можем приступить завтра же. Сегодня мне надо кое-что ещё сделать, — он перехватил мой удивлённый взгляд и пояснил: — Отправить образцы в лабораторию и навеститься в Канцелярию. Надеюсь, там ещё ничего не рухнуло, пока меня нет...

Канцелярия умела отнимать немало времени. Когда я вернулся в общежитие, на улице уже царилась ночь. Небо затянуло тучами, нельзя было рассмотреть ни единой тучки, и мне пришлось двигаться наощупь. Можно было зажечь светлячок, но я не хотел никого будить и привлекать к себе лишнее внимание. Вместо этого, крадучись, поднялся на нужный этаж и осторожно проскользнул внутрь блока.

Анна спала, свернувшись клубочком и прижав одеяло к груди. Было видно, что засыпала она, обеспокоенная чем-то. Вокруг неё воздух немного искрился, реагируя, наверное, на излишки магии, невольно высвобождавшиеся с каждым выдохом Анны.

Я сел на вторую кровать, не сводя глаз с девушки. Наверное, это было не слишком прилично, но меня тянуло к ней, словно магнитом. Следовало, конечно, не идти на поводу у низменных желаний и стараться не контактировать с нею, не терять над собой контроль, но я давно уже считал это совершенно бесполезным. Слишком сильно было притяжение её дара.

Наверное, если верить сказкам, рассказываемым на каждом углу, это можно назвать чем-то вроде истинной пары. Не то чтобы я когда-то доверял молве и считал это возможным, но с каждым новым столкновением магия Анны отзывалась на моё присутствие всё ярче и ярче.

Ей это пойдет только на пользу.

Мне...

Когда-то вместо дара у меня были только числа. Не знаю, кому хватило ума назначить богом красоты и искусств страшенького, закомплексованного мальчишку, у которого не хотела даже просыпаться магия, но Матильда всегда старалась выбирать тех, кто будет совершенно бесполезным на своём месте. Но всё же, она не умела уступать даже в мелочах; это её и подвело. Матильда попыталась воспользоваться энергией человека — моей, если уж говорить прямо, — и сама загнала себя в тупик.

Потому что эффект был обратным. Чем больше сил она брала, тем быстрее их генерировал организм.

На самом деле, мы могли бы сосуществовать мирно. Если б Матильда не попыталась убить мою сестру, возможно, так и было бы.

Магия Анны отзывалась на меня точно также. Это настораживало и привлекало одновременно. В какой-то мере я понимал, что во мне так сильно влекло Матильду. Это не было любовью, потому что любить она не умела, но было жадой добраться до источника силы.

И превращаться в человека, только и мечтающего, что испить чужие силы до дна, я не собирался. Даже если нашел ту самую женщину, способную дать мне безграничное могущество. Я не буду пользоваться её энергией так, как это делала Матильда, паразитировать на ней, пытаюсь отыскать дно чужого резерва.

Но только держаться подальше от Анны выше моих сил. Будь она взбалмошной девчонкой или просто курицей, способной только говорить «да, мой господин», даже магии не хватило бы для привлечения моего интереса. Однако, рассматривая её в темноте, я поймал себя на мысли, что это, возможно, самая прекрасная девушка из всех, кого я встречал в этой жизни.

И собственное влечение к ней мне отнюдь не нравилось. Будут последствия.

Не самые лучшие на свете.

Она вздрогнула, зашевелилась и села на кровати. В темноте особенно ярко белела её ночная сорочка, так, что можно было рассмотреть, что бретелька сползла с её левого плеча, кокетливо приоткрывая его. Тёмные волосы Анны растрепались, и в целом она, взлохмаченная, сонная, выглядела так соблазнительно, что мне пришлось опять напомнить себе об осторожности и сдержанности.

После смерти Матильды я почти не смотрел в сторону женщин. Меня не интересовали их улыбки и кокетство. Зато сейчас плотно закрытые где-то в глубине души чувства уверенно рвались на свободу.

— Кто тут? — прошептала Анна хриплым ото сна голосом.

— Это я, не бойся. Задержали в Канцелярии.

— Что-то случилось?

Она спустила ноги на пол, отбросила в сторону одеяло, забыв о том, что вообще-то одета только в одну ночную сорочку, и воззрилась на меня. В темноте различить черты девичьего лица было сложно, но я знал, что сейчас она сильно обеспокоена чем-то.

— Нет, ничего особенного. Просто мои работники — немного идиоты, — скривившись, пробормотал я. — Опять перепутали какие-то бумаги. Пришлось отправить Тома к Истинным, пусть посмотрит хоть своими глазами, что у них происходит, потому что у меня сейчас ни времени, ни желания, ни сил.

Анна поднялась на ноги и пересела ко мне на кровать, опустила руку на плечо, словно пытаюсь утешить. Разряд магии, соединивший нас на мгновение, проигнорировать было сложно.

Этого только не хватало...

— Я рядом с тобой так странно себя чувствую, — промолвила вдруг она.

— Быстрее устаёшь? Куда-то деваются силы?

— Нет, что ты... Просто я спокойная. У меня нет желания взорваться и наговорить людям кучу гадостей.

— А когда без меня — то есть?

— Да, иногда, — подтвердила Анна.

— Ты генерируешь мощную магическую энергетику, — неохотно пояснил я. — Это нормально, но иногда излишки магии необходимо забирать. Таким генераторам надо искать либо занятие, в которое они могут выплескивать магию, либо человека, в которого могут это сливать.

— И я... отдаю излишки магии тебе?

— Да, — кивнул я. — Но не переживай, насильно я забирать ничего не буду.

Анна вздохнула.

— Научишь меня? — попросила она и, нисколечко не заботясь о последствиях, прижалась ко мне всем телом.

Я протянул руку, осторожно касаясь её щеки. В темноте было видно, как заискрилась кожа девушки; крохотные иголки магии болезненно впивались в мои пальцы, словно пытаюсь оттолкнуть, но потом, признав за своего, притихли и заплясали уже и на моей ладони тоже. Пытается доверять, значит, и убедить себя в том, что я — не враг, а значит, и относиться ко мне надо по-дружески.

Что ж...

— Научу, конечно же, — улыбнувшись, промолвил я. — Но только упражняться в ораторском искусстве лучше при свете дня. Иначе мы перебудим половину дома. Тебе всё равно придется повышать голос, чтобы высвободить нужную долю энергии, по крайней мере, на начальных этапах.

— И каждый раз я буду чувствовать себя истощенной?

— С опытом скорость генерации силы увеличивается, — усмехнулся я. — Вполне возможно, такими темпами, как двигаешься ты, через несколько месяцев ты перестанешь чувствовать потерю магии.

— У тебя тоже так было?

— Да, — неохотно промолвил я. — У меня тоже так было.

— И Матильда этим пользовалась?

— Пользовалась, — я попытался подтвердить это как можно равнодушнее, но воспоминание о Матильде всё ещё вызывало странную, глухую боль. Это уже мало походило на первые серьезные чувства, но я никак не мог избавиться от ощущения, что каждая, буквально каждая мысль о покойной Хранительнице Времени будет толкать меня обратно в омут горьких, болезненных воспоминаний.

Это, впрочем, не слишком удивительно. Если б Матильда не появилась в моей жизни и не попыталась однажды осушить меня до дна, я не стал бы бессмертным. И эти проклятые часы не висели бы сейчас у меня на шее, напоминая о том, что весь мир успеет погаснуть, прежде чем я наконец-то умру.

— Но ведь у тебя другая магия? Не голоса?

— Нет, не голоса, — скривившись, подтвердил я. — До того, как я стал бессмертным, и моя магия начала распространяться и на многое другое и изменила свой тип, я хорошо управлял числами. Это было и прежде, но после появления Матильды в моей жизни я научился придавать числам форму, выстраивать с помощью своих расчетов конкретные модели и воплощать их в действительность. Не сказать, что это слишком сложно, но если уметь считать быстро, можно делать потрясающе вещи.

— Покажешь?

— А что ты хочешь увидеть?

— Не знаю, — пожала плечами я. — То, что ты захочешь мне показать.

Я легко усмехнулся и, вспомнив почему-то о швейном цехе, представил себе его, со всеми углами, с кривыми стенами, с теми ошибками в проектировании и огромным количеством недостатков, которыми могло похвастаться это здание. Наверное, ни одно другое не обладало таким бесконечным количеством повреждений и искривлений, и я соткал его из невидимого эфира.

Прямо перед нами на полу появилась уменьшенная магическая копия швейного цеха. Издалека она напоминала простой кукольный домик, однако, тонкие связующие нити чётко указывали, что этот предмет имеет непосредственное отношение к реальному швейному цеху, находящемуся, можно сказать, у нас за окном.

Анна, восторженно ахнув, опустилась на колени и скользнула кончиками пальцев по плоской крыше.

— Как настоящий, — прошептала она. — Только маленький. Ничего себе модель! Настолько точную, наверное, руками не сложить?

— Не знаю, не пробовал, — усмехнулся я.

Девушка вздохнула. Её взгляд зацепился за крупную трещину в стене. Та, довольно

масштабная, уже начинала искривлять и пол, и скоро, наверное, привела бы к тому, что левое крыло цеха просто могло рухнуть. Анна потянулась к трещине, будто стремясь залатать её, сдвинула несколько эфемерных кирпичиков, а потом, действуя скорее интуитивно, чем осознанно, будто поставила что-то на место.

Раздался тихий щелчок. Я увидел, как выравнивается швейный цех, точнее, его модель, как затягивается эта трещина.

И не успел разорвать связующие нити, что вели к реальному объекту.

Снаружи раздался далекий, но отчетливый грохот. Я подскочил на ноги и успел ещё увидеть, как медленно, но верно поднимается швейный цех. Даже с того расстояния, что разделяло его и общежитие, можно было увидеть яркое магическое свечение, излучаемое стеной.

А потом трещина вдруг исчезла.

Как будто её никогда и не было.

Ни на модели, ни на реальном швейном цехе.

— Анна, — я удивленно повернулся к девушке, — ты понимаешь, что ты только что сделала?

Я повернулся к ней, как раз вовремя, чтобы увидеть, что девушка зашаталась, закатила глаза — и рухнула на пол без сознания.

Со мной такого никогда не случалось. Но, впрочем, создавая свои невинные модели и перенося на них свойства реальных предметов, я был уже достаточно опытным в плане использования магии. Матильда сделала всё, что могла, чтобы мой организм научился восстанавливаться максимально быстро. Возможно, за это мне следовало её поблагодарить.

Потому что Анна сейчас лежала на полу, совершенно недвижимая, холодная, и магия в ней оживать не собиралась.

...Я подозревал, что у любого безграничного запаса всё-таки есть точка невозврата. Такое место, от которого обратно уже никуда. Добраться до этой точки не так уж и просто; у Матильды не вышло. Но она тянула только на свои нужды, а не пыталась заставить меня одним щелчком пальцев изменить физическую структуру чего-нибудь.

— Проклятье, — пробормотал я, опускаясь на колени рядом с Анной. — Тебя надо было закрыть в бункере, подальше от всего этого, и запретить даже подходить к тому швейному цеху!

Анна не воспротивилась — в первую очередь потому, что ничего не услышала. Я склонился к ней в полумраке и попытался уловить дыхание, но оно было таким слабым, что у меня в сознании с удвоенной силой заколотилось чувство опасности.

Я попытался воспользоваться стандартными исцеляющими формулами, известными практически каждому обладателю магической силы, но тщетно. Анна была здорова, но взаимодействовать с её резервом я не мог. Точнее, мог — но только не восполнять его, а выпивать то, что там ещё осталось.

Когда-то я мог генерировать магию. Матильда, будь она неладна, нагло пользовалась этим, нисколько не заботясь о причиняемой вреде. Но с дня её смерти, с того самого момента, как на моей шее камнем висят эти проклятые песочные часы, эта сила мне неподвластна. Словно кто-то заблокировал эту, несомненно, важнейшую часть моего естества.

Но оно же было?

Значит, можно извлечь свой дар обратно и воспользоваться им, чтобы помочь Анне.

Её ладони стремительно холоддели. Я понимал, что именно так и выглядит истощение, представлял, чем всё это может закончиться, и не собирался этого допускать. Потому крепко сжал её руки и попытался отыскать внутри себя тот самый источник силы, которым прежде пользовался с такой лёгкостью.

Пустота. Я несколько раз пытался призвать магию, но наталкивался только на глухую стену. Сила молчала; она не отзывалась на самый громкий зов, и из этого можно было сделать только один вывод: там уже нечему отзываться.

Потому что бессмертный — это не вечно живой. Это уже давно мертвый.

Злясь на себя за собственное бессилие, я раздраженно сорвал цепочку с часами с собственной шеи и швырнул их на кровать. Те не разбились — это было не так уж просто. Я практиковался поначалу. Ронял их всюду, где только мог, пытался расколотить о камни. Но время было неумолимо.

Оно считало, что я ему нужен.

Даже сейчас цепочка словно уменьшалась, пытаясь сомкнуться ошейником на моей шее.

— Несколько минут, — сказал я, заметив, что песочные часы стремятся вернуться к своему хозяину, и склонился над Анной.

Теперь, без тяжести своего персонального камня, всегда тянувшего меня на дно, я мог размышлять более здраво. И чувствовал себя гораздо более живым, чем когда-либо прежде.

Я попытался представить, будто Матильда всё ещё сидит рядом со мной. Тянет ко мне свои вечно горячие руки, и магия вспыхивает, скручивается в тугий узел где-то возле солнечного сплетения, а потом змеей ползет к месту прикосновения, чтобы перетечь в бессмертную. Любимая женщина, которой доставляет удовольствие издеваться над собственным мужчиной... Хороший же я, однако, сделал выбор. Лучше просто не придумаешь.

Вновь шумно втянул носом воздух и повторил усилие. На этот раз магия отозвалась, словно тот цветок, который давно не поливали. И я наконец-то понял, почему она столько времени молчала, но всё ещё оставалась внутри.

Я поглощал собственную энергию всё это время, не замечая, как добиваю последнее живое, что во мне было. Растрчивал силу на что угодно, не обращая внимания на то, как моя собственная суть успешно подыхает.

Молодец, Рене!

Сжав зубы, я всё-таки рванул на себя энергетическую нить, буквально опрокидывая освободившуюся силу на Анну. Магия заплясала вокруг неё, окрашивая кожу золотистыми всполохами, но не спешила проникать внутрь.

Бесполезно.

С Матильдой у нас был контакт совсем иного рода.

— Это отвратительная идея, — сказал я сам себе. — Ужасная, извращенная идея. Ты просто потакаешь своим желаниям, ещё и хочешь прикрыть это спасением девушки.

Меня это, может быть, и пристыдило, но Анне лучше оттого не стало. Мы были слишком далекими, чтобы она, не обладая никакими дополнительными возможностями и лишним бессмертием, смогла забрать то, что я с такой силой от себя отрывал.

Я чувствовал себя последней сволочью, но другого выбора не было.

— Надеюсь, ты пошлешь меня потом достаточно далеко, чтобы я больше ничем не смог тебе навредить, — вздохнул я, обращаясь к неподвижной Анне.

А потом, склонившись к ней, поцеловал.

Сила отреагировала не сразу. Сначала я почувствовал, как что-то всколыхнулось в Анне, невольно отзываясь на мой магический призыв. А потом она содрогнулась в моих руках, словно её прошиб электрический разряд, и судорожно вдохнула воздух.

Нам следовало бы разорвать связь, прервать этот поцелуй, но я не нашел в себе достаточно сил, чтобы это сделать. Вместо этого сгреб Анну в охапку, чувствуя, как от малейшего прикосновения бьет электричеством руки. В комнате стало светло, как днем; магия, выбравшись из внутреннего заточения, пыталась найти свой новый сосуд.

Анна отпрянула первой. Даже в полумраке было видно, как лихорадочно сверкали её глаза, и сама она, растрепанная, растерянная, явно не знала, что делать дальше.

— Что это было? — тихо спросила она.

— Ты совершенно случайно починила сцену швейного цеха. Было впечатляюще, но повторять второй раз не советую, а то это может плохо закончиться.

— А потом... Потом? Этот поцелуй?

— Мне надо было вдохнуть в тебя свою магию. И заставить тебя её принять.

Анна попыталась отодвинуться от меня.

— И только?

— Если б это было «и только», — нехотя признался я, — то магия б и не среагировала. В мире редко встречаются пары, которые таким образом реагируют друг на друга. Это... То, что толком не объяснить.

— Наверное, в соответствии с книгами в жанре «фэнтези», это можно назвать истинной парой, — горько усмехнулась Анна.

— Что-то вроде того, — подтвердил я, хотя с литературными жанрами параллельного мира не сказать, что был хорошо знаком.

— А как же Матильда?

— Матильда в мою пользу из себя не могла выдавить ни единой капли магии, — отметил я. — Она могла только брать. А разбудить источник не так уж и сложно. Гораздо сложнее его потом обратно восполнить... И лучше б мы с тобой не повторяли ритуалы по твоему оживлению?

— Тебе не нравится меня целовать? — с присущей ей женской хитростью весело поинтересовалась Анна.

Я усмехнулся. Не нравится, как же...

— Нравится, но я предпочитаю целовать живых девушек, а не мертвых. Поцелуи с мертвыми уже меня однажды довели до проблем.

Мотнув головой, чтобы показать, что разговор на эту тему окончен, я подал Анне руку, помогая ей встать. Она благодарно вцепилась в мою ладонь, кажется, не собираясь отталкивать, и едва заметно улыбнулась. Было видно, что девушке ещё сложно удержаться на ногах, и я обнял её за талию, привлекая к себе. Анна пробежалась кончиками пальцев вдоль воротника моей рубашки и удивленно хмыкнула:

— Надо же, я думала, ты всегда носишь те песочные часы.

Я скосил взгляд на кулон, валявшийся рядом на кровати. Конечно, следовало вернуть их на место, а вместе с ними и все свои способности и обязанности, но я уже столько лет не чувствовал себя достаточно свободным, что сейчас невольно хватался за последние секунды без магического предохранителя.

— Вообще-то должен, но иногда я наглею и, пользуясь служебным положением,

снимаю их.

— А вдруг кто-то украдет?

— Я был бы очень благодарен человеку, который смог бы унести эту дрянь прочь, но...

Как там у вас говорят? Это мой крест, мне его и тащить. Нет, никто не тронет символ Хранителя Времени. Увы, но эти песочные часы — не единственное, что держит меня на месте.

Анна прижалась ко мне и тихо спросила:

— Ты так сильно хочешь стать прежним?

— Смертным и без горы сумасшедших подчиненных над головой? Вне всяких сомнений, — усмехнулся я, смыкая руки в кольцо на её талии. — Бессмертие — не то, к чему надо стремиться.

— Но это уже невозможно?

Я вздохнул.

— Они не отпустят меня. Разве что сам баланс решит, что он восстановлен в достаточной мере, чтобы запретить любое стороннее вмешательство... Возможно, тогда я смогу уничтожить эти проклятые часы, а вместе с ними — и всех истинных. Но пока мир в таком состоянии... Боюсь, мы не можем уйти.

— Тогда отдохни от них хотя бы одну ночь.

Я хотел сказать, что для баланса не существует ни дня, ни ночи, но Анна вновь потянулась ко мне за поцелуем. Песочные часы заискрились на кровати, явно собираясь поползти до меня, но я лишь послал в их сторону яркий мыслеобраз. Конечно, не существовало молотка, которым можно было бы раздробить это стекло, но, кажется, я достаточно ярко визуализировал свой гнев, чтобы артефакт перестал навязываться.

Сейчас для меня существовала только Анна — и попытки воскресить собственный здравый смысл. Имел ли я хоть какое-нибудь право прикоснуться к ней...

— Я — не лучший вариант для того, чтобы в меня влюбляться, — предупредительно прошептал я. — Я опасен, Анна.

— Не опасен, — возразила она. — Я уже убедилась, что не опасен.

Мне бы открыть ей правду, показать, кто такой Хранитель Времени... А вместо этого я просто поддался, сгребая её в охапку.

Проснувшись, я не спешила выбираться из кровати. Вместо этого лежала, опустив голову Рене на плечо, и бездумно выводила какие-то рисунки у него на груди. Он не спал, я в этом нисколько не сомневалась; видела, как едва заметно подрагивали ресницы и как на свободу рвалась улыбка. В полудреме он казался гораздо расслабленнее и мягче, чем обычно, но оставался всё таким же привлекательным — даже слишком.

Я подцепила пальцем тонкую цепочку, приподнимая в воздух песочные часы, которые он носил в качестве кулона. В нашу первую ночь Рене оставил украшение на соседней кровати, но после этого с ним больше не расставался, словно часы должны были напоминать ему об обязательствах.

Легкий укол магии напомнил мне о том, что к этому артефакту лучше не прикасаться. Мне иногда казалось, что магия Хранителя Времени как будто ревнует Рене ко мне.

— Ты же знаешь, что она терпеть тебя не может, — сонно пробормотал мужчина, перехватывая мою руку. — И всё равно дразнишься, потому что она у меня под контролем.

Она — та самая особая магия Хранителей Времени, — ответила короткой вспышкой песочных часов и затихла. Рене повернулся на бок, сгреб меня в охапку и поцеловал; страстно — и вновь как будто в последний раз.

Я всё никак не могла избавиться от ощущения, что мы прощались. В каждом жесте, в каждом слове. И хотя последние несколько дней мы по большей части провели вдвоем, не считая рабочие часы, когда я убегала в швейный цех, а Рене отправлялся к себе в Канцелярию, или как там оно называлось, я всё равно никак не могла избавиться от ощущения, что это всё — лишь секундная влюбленность, которая вот-вот должна пройти.

Может быть, эту иллюзию, опасную и болезненную, создавало само время. Самовольно искажалось вокруг Рене, пытаюсь оттолкнуть от него каждого смертного.

Или всё проще. Я просто осознавала умом, что никогда не смогу стать для Рене реальной второй половинкой. Он — бессмертный, я — обыкновенная девушка. Про таких, как мы, обычно говорят, что у нас попросту нет будущего. Больно, да, но иногда приходится признавать очевидное.

— Пусти, — прошептала я, пытаюсь выбраться из кольца рук Рене. — Я сегодня спешу.

— Твой швейный цех не подождет?

— Мне сегодня на деловую встречу, — покачала головой я. — Надо быть собранной, уверенной в себе и красивой.

— Ты и так собранная, уверенная в себе и невероятно красивая, — Рене поцеловал меня в шею, будто специально дразня. Я уперлась ладонями в его плечи, но поймала себя на том, что скорее пытаюсь его обнять, чем оттолкнуть.

— Спасибо за комплименты, но это не поможет мне задержаться, — хихикнула я.

Однако, смех не мог его обмануть. Я почувствовала, как невольно напрягся мужчина, а потом спокойно спросил:

— Ты опять себя накрутила?

— Ты же и сам переживаешь по этому поводу, — отметила я. — Ты бессмертный. Я — обычная. Мне надо привыкнуть к тому, что это временно.

Рене сжал зубы.

— Я не хочу привыкать к тому, что это временно, — почти прорычал он. — Я придумаю способ, как избавиться от этой дряни у меня на шее.

— Я того не стою.

— Стоишь.

Он откатился от меня, перевернулся на спину и вперил взгляд в покрытый трещинами потолок общежития. Песочные часы засияли, цепочка вновь попыталась укоротиться, но Рене стремительно поймал её рукой, крепко сжимая, и натянул до предела. Я подумала, что ни одни человеческие руки на могут остановить магию металла, однако, она прекрасно послушалась Рене.

— Я сделаю всё, что нужно, чтобы восстановить баланс, и уничтожу эту проклятую корпорацию Истинных, чтобы их и близко не было, — твердо промолвил Рене. — Множество миров давно уже избавилось от таких... надзирателей. И живут они получше, чем мы.

— Ты уверен в том, что говоришь?

— Да, — цепочка ослабилась, и Рене улыбнулся. — Как видишь, даже сам баланс и время не желают со мной спорить. Понимают, о чем я говорю... И они согласны с этой позицией.

Я села на кровати, прижав одеяло к груди, и взглянула на мужчину. Он выглядел таким спокойным, таким умиротворенным... И в тот же момент, что-то было не так. Рене будто не мог избавиться от внутреннего напряжения.

— Если б я могла чем-нибудь помочь.

— Ты помогаешь, — улыбнулся Рене. — Ты мой источник силы. В прямом и в переносном смысле этой фразы... Не переживай, Анна. Всё будет хорошо, — он сел и поцеловал меня в плечо. — Я найду узел, в котором перепутаны основные нити баланса, расплету его, а дальше система перейдет к самоисправлению. И после того, как я это сделаю, балансу больше не нужен будет истинный.

— А как же люди, застрявшие в других мирах?

— Это можно делать, оставаясь смертным. Не я один хожу в другие миры, для этого необязательно быть истинным, — отметил он. — Обязательно отправляться с четкой мыслью, что ты скоро вернешься. И приведешь с собой того, кто улучшит ситуацию. В общем, не переживай. Справимся. Нет ничего невозможного. Ты сегодня будешь поздно?

— Да, — кивнула я. — А ты?

Он вздохнул.

— Сегодня собрание у Истинных, — скривился Рене. — И если верить тому, что наплел мне по связи Том, мне очень не понравится формат, в котором там планируют всё проводить...

Рене предупредительно взглянул на меня, словно напоминая, что он всё ещё ни о чем не хочет говорить, и я ответила ему тяжелым вздохом. Прекрасно знала, что пытаться вытащить из мужчины какую-то дополнительную информацию бесполезно; он элементарно проигнорирует меня и сделает вид, будто там и разговаривать-то не о чем.

Есть о чем, мы оба об этом знали, но почему-то поддерживали эти странные правила игры друг для друга, таким образом ещё сильнее связываясь узами общих секретов.

Но зато теперь моя магия отзывалась на мой зов гораздо послушнее. Достаточно было только вспомнить, как я сама реагировала на случайное касание Рене, чтобы дар вспыхивал с удвоенной силой, расцветал, будто фруктовые деревья по весне.

Поразительно, как быстро магия становилась чем-то само собой разумеющимся для меня.

Я быстро оделась в более-менее подходящую для деловой встречи одежду и помчалась по ступенькам вниз. Рене сегодня наверняка опять уйдет через портал; он делал всё возможное, чтобы не пересекаться с моими подчиненными, хотя те, разумеется, не сказали бы ему в глаза ни единого кривого слова — слишком сильно для этого они его боялись.

— Госпожа Анна! — окликнула меня Тамила, когда я спустилась уже на первый этаж и быстрым шагом преодолевала холл. — Может, позавтракаете?

Скатерть-самобранка хитро махнула бахромой, призывая меня к себе, но я только отрицательно мотнула головой.

— Нет, спасибо, — спокойно ответила я. — Я как-то не очень голодна.

Мне показалось, скатерть издала тяжелый вздох. Рене предупреждал, что ей не хватит даже всей энергии мира, если дать ей волю, но позволять ей хозяйничать я, конечно, не собиралась, да и ела крайне мало. Обычно за едой спускался Рене; его скатерть слушала, в первую очередь потому, что он, как Хранитель Времени, её пугал, а утянуть его магию предмет просто не мог. Случался какой-то там конфликт, природу которого я не до конца понимала.

Что-то связанное с силовыми линиями, как, впрочем, и большинство окружавших нас неприятностей.

Улыбнувшись своим мыслям и отмахнувшись от Тамилы, пытавшейся уговорить меня перекусить, я вышла из здания общежития и решительно двинулась вперед по дороге. Для меня большим открытием было, что здесь есть общественный транспорт, почти такой же, как и в моём мире, может, только с другими названиями. И лучше это, чем смертоубийственные порталы Рене, при переходе через которые можно умереть от страха и одуреть от неприятных ощущений.

А так, я спокойно вышла на дорогу, как всегда, полупустую, и уверенно зашагала по обочине. Мимо изредка проезжали машины — я знала, что главное их отличие в том, что работали они не на бензине, а на чем-то другом, только не уточнила, на чем именно, — но на меня, в целом, никто не обращал внимания, пока один из автомобилей не выбился из общего ряда.

Теперь он ехал совсем близко ко мне, и игнорировать водителя, мужчину в общем-то мне очень хорошо знакомого, оказалось на удивление сложно. Особенно после того, как он раз десять просигнализировал мне, пытаясь таким образом привлечь к себе внимание, и я едва сдержала недовольное шипение.

— Господин Войчик, что вам нужно? — сердито поинтересовалась я.

Войчик притормозил, высунулся из окна и протянул:

— Вы в город? Присаживайтесь, я вас с удовольствием подвезу!

— С удовольствием? — изогнув брови, серьезно уточнила я. — Что-то мне подсказывает, что ваши слова очень лживы. Что вам нужно?

— Всего лишь поговорить.

Я скосила на него недовольный взгляд, но, решив, что пешком до остановки всё равно ещё довольно далеко, да и я не слишком хотела толкаться с посторонними людьми в общественном транспорте, всё-таки села в автомобиль.

— Куда вас подвезти?

— К центру города, — я не стала называть точный адрес. — Что вам от меня нужно?

— Думаю, ни для кого не секрет, — кашлянул Войчик, — что вас с господином Рене связывают достаточно теплые чувства...

Я нахмурилась. Когда речь шла о нас с Рене, обязательно появлялся какой-то подвох. Всегда, просто всегда что-то шло не так.

— Почему вас это так волнует? — мрачно уточнила я. — Мои отношения с Рене — это наше личное дело, и вы никоим образом не относитесь к нему.

— Да, конечно, — утвердительно кивнул он. — Однако... Однако, я хотел бы кое-что обсудить с вами, госпожа Анна. Касательно нашего взаимовыгодного сотрудничества.

— И что же вы предлагаете? — сухо поинтересовалась я.

Войчик усмехнулся.

— Я могу сделать так, что дело вашего швейного цеха пересмотрят, вас вернут на гособеспечение, и вам больше не придется полагаться на подачки господина Рене. А взамен я прошу не так уж и много. Мне всего лишь хочется знать, что именно такого интересного он нашел в этом швейном цехе, что так уцепился за него. Неужто просто настолько дорожит вами?.. Но для вас самой это может быть очень, очень опасно, — и он воззрился на меня, на мгновение совершенно забыв о том, что нужно следить за дорогой.

Я сглотнула. Он предлагал мне следить за Рене?! Хотел, чтобы я, как какая-то последняя шпионка, рассказала ему секреты своего любимого мужчины?

— На данный момент для меня очень опасно то, что вы не смотрите на дорогу, — серьезно промолвила я, а только потом осознала, что только что мысленно назвала Рене любимым.

Войчик, впрочем, послушался. Он действительно отвернулся к дороге и, кажется, сделал вид, будто кроме неё его больше ничего и не интересовало. Молчание, впрочем, длилось недолго, всего несколько минут, и он вновь бросил на меня полный любопытства и скрытого коварства взгляд.

— Так что насчет моего предложения? — поинтересовался он. — Вы же понимаете, что господин Рене не сможет дать вашим людям денег или избавить их от ответственности. Да, он обладатель высокого чина, но его влияние не распространяется абсолютно на все сферы жизни. Он больше увлечен высокими материями... И удивительно, что вообще уделяет столько внимания простой смертной. Вам не казалось, моя дорогая Анна, что у него есть некий скрытый интерес?

Мне хотелось ответить грубо. Мы с Рене неоднократно обсуждали этот вопрос, и я на самом деле сама постоянно сомневалась в искренности наших отношений — слишком уж неоднозначными они мне выдавались, — но в тот же момент приходила к осознанию, что если б Рене было действительно что-то нужно, он бы взял это и так.

Ему, возможно, не хватает простого человеческого тепла.

Войчику этого не понять. Судя по тому, как он насторожился в ответ на моё молчание, он действительно заподозрил, будто я могу чем-то быть ему полезна.

— О, — махнула рукой я, — дело отнюдь не в швейном цехе. Это просто моя прихоть. Потому Рене и сделал кое-что для меня, ему ведь это было совсем не сложно.

— Хотите сказать, — ухмыльнулся Войчик, — что всё это исключительно ради вас? Ради большой и чистой, светлой любви?

Я расхохоталась.

— Кто вам сказал, что речь идёт о любви?

Мужчина заметно насторожился. Он вцепился пальцами в руль автомобиля и вдавил

педаль газа в пол, явно собираясь набрать максимальную скорость. Авто, однако, было против и издало странный скрипящий звук.

— А о чём же тогда? — удивился он. — Если вас связывает не любовь, то что тогда? Разве речь идет о какой-нибудь выгоде?

Я только легко дернула плечом, показывая, что вопросы выгоды — совсем не то, что я хотела бы обсуждать с человеком вроде Войчика.

— Речь идет о сознательном союзе двоих людей, — спокойно промолвила я, — которые друг другу нужны. Вы не там копаете, пытаясь разобраться с вопросами швейного цеха. Вас ведь интересует, не нашел ли Рене энергетический источник где-то под швейным цехом? Смею вас разочаровать, он его там и не искал. Он вплотную приблизился к разгадке, Клубок находится в другом месте.

Я говорила совершенно непонятными для нормального человека, да и для себя самой, фразами, однако, судя по тому, как подался вперед Войчик и каким заинтересованным взглядом меня одарил, вновь отвлекшись от дороги, попала в точку.

— Вы хотите сказать, что господин Рене наткнулся на центр энергосети? И где же?

— Вы предлагаете мне об этом рассказать? — скривилась я. — Наверное, вам лучше знать.

— Он среагировал на энергетические эманации столичного узла?

Я только загадочно улыбнулась. Ни о каких энергетических эманациях я знать не знала, про столичный узел слышала впервые, однако, сделала себе в сознании пометку, что надо обязательно сказать об этом Рене.

Войчик, кажется, расслабился.

— Но всё же, я надеюсь на то, что вы согласитесь на более плодотворное сотрудничество, — промолвил он. — Потому что мы с вами вдвоем смогли бы сделать много интересного...

— Я подумаю над этим вопросом, — холодно отрезала я. — Но попрошу вас остановиться. Мне пора выходить.

Спорить мужчина не стал. Он действительно притормозил, и я решительно выскочила из автомобиля, чувствуя себя идущей по минному полю.

Хотелось верить в то, что я не наговорила ничего лишнего. Однако, Рене так заинтересовался швейным цехом, что от него надо было максимально отвести подозрение. Что-то — может быть, пресловутое шестое чувство, в которое я раньше даже не верила, — подсказывало мне, нет, скорее даже вопило о том, что в рамках цеха нас ждет множество удивительных открытий.

Решительно отбросив прочь все сомнения, я зашагала к небольшому ресторанчику, где мне была назначена встреча.

Сейчас предупредить Рене я всё равно не смогу, значит, моя главная цель — не ударить в грязь лицом и не испортить встречу.

Ресторанчик показался мне едва ли не эдакой вырезкой из моей прежней жизни. Если не присматриваться к деталям, можно было подумать, что я вернулась в свой мир, потому что выглядело это место точно также, как и огромное количество кафешек в моем родном городке. Широкие окна, столы, приставленные к ним, чтобы не приходилось слишком много тратить денег на свет, длинная полоса барной стойки чуть поодаль и снующие туда-сюда официантки, две молоденькие хорошенькие девушки в темно-коричневых фартуках и белоснежных, без единого пятнышка, рубашках.

Господин Якоба я узнала практически сразу. Он сидел за первым столиком, высокий седоволосый мужчина, чем-то похожий на университетскую профессуру. Впрочем, он же работает в местном аналоге министерства образования, его профессорский вид и не должен был меня смутить.

— Анна, дорогая, — расплылся он в радостной улыбке. — Рад, рад приветствовать. Присаживайтесь. Моя супруга, как всегда, немного опаздывает, но, думаю, мы можем подождать её за чашкой кофе.

Никакого кофе мне не хотелось, но я не нашла в себе достаточно сил и аргументов для того, чтобы отказать мужчине. Вместо лишних споров позволила ему отодвинуть для меня стул и села на предложенное место, устроив рядом с собой сумку и папку с документами, которые прихватила для супруги господина Якоба.

— Как обстоят дела в швейном цехе? — поинтересовался у меня мужчина, абсолютно спокойный и невозмутимый.

— Заказанная партия уже практически готова, — промолвила я. — Если желаете продолжать сотрудничество, мы вполне можем с вами договориться о продлении договора. В обмен на предоставление необходимых материалов мы всё ещё готовы делать вам большие скидки.

Господин Якоб улыбнулся.

— Наше сотрудничество, вне всяких сомнений, очень приятное, но...

— Но?

— Боюсь, теперь возникнут определенные проблемы, — нехотя промолвил он. — Поскольку мы, как представители государственной структуры, вряд ли имеем право взаимодействовать с вашим швейным цехом, если он всё-таки снят с гособеспечения...

Я сглотнула.

— А текущий заказ?

— Вне всяких сомнений, на данное время всё актуально. На старые заказы запрет не распространяется, а вот на новые... Боюсь, вам придется сотрудничать с частниками, Анна. Государственные учреждения несколько ограничены в выборе, к тому же, мы боимся последствий...

— Вы мне не доверяете? — холодно поинтересовалась я.

— Я — доверяю, — честно ответил господин Якоб. — Однако, я не могу пойти против закона. А если и пойду, то, боюсь, не сумею провести через бюджет необходимые суммы. К моему огромному сожалению, я связан по рукам и ногам.

Я ещё раз взглянула на него, чтобы удостовериться, что мой дар убеждения здесь ровным счетом ничем не поможет, и не сумела сдержать тяжелый вздох. Вне всяких сомнений, господин Якоб был прав: он ограничен, и ограничен довольно строго. Даже если он очень сильно захочет нарушить установленные свыше правила, школы — не его частные учреждения.

— Но, разумеется, это никоим образом не распространяется на ваше сотрудничество с моей супругой, — поспешил заверить меня он. — Её магазинчик не имеет к нашему государству никакого отношения, помимо того, что платит ему налоги...

Черт! Налоги же ещё...

— Потому имеет возможность закупать продукцию у всех, у кого есть соответствующая лицензия.

...И лицензия.

Нет, она у нас была, выданная государством, но я нисколечко не сомневалась, что господин Войчик уже сделал всё возможное, чтобы её отозвать. Пытаясь самостоятельно выбраться из всего этого дерьма, я даже не представляла, со сколькими проблемами столкнусь... Однако, если уж вызвалась, придется упираться до победного конца. Я не собиралась отдавать свой швейный цех Войчику на растерзание. И сливать информацию о Рене тоже не стану! Пусть даже не надеется, что меня так легко сломить.

— Да, конечно. Я понимаю, что все желают работать законно, — улыбнулась я. — Но прежде чем мы сможем перейти к формальным вопросам, думаю, стоит определиться, состоится ли наше сотрудничество вообще. Возможно, ваша супруга не оценит то, что мы собираемся ей предложить?

По моему скромному мнению, отказаться от платьев Милли добровольно смогла бы только последняя идиотка, но почему-то меня не покидало дурное предчувствие. Господин Якоб улыбнулся ещё милее, и в том, что он сам по себе — хороший, порядочный человек, — я не сомневалась нисколечко. А вот его жену пока что не знала совершенно.

Хлопнула дверь ресторана, и я, сделав глоток кофе, обернулась. Вошедшая женщина неопределенного возраста, высокая, стройная и невыносимо строгая, завидев нас, моментально направилась именно к этому столику, и я безошибочно опознала в ней супругу господина Якоба. А ещё поймала себя на том, что, кажется, простого диалога с этой женщиной не выйдет.

В обители Истинных всегда было слишком помпезно. Я запомнил это ещё тогда, когда Матильда впервые изъявила желание взять меня с собой на некое загадочное торжество. Как и тогда, сейчас всё таинственно сверкало под покровом магической пыли, от каждого шага в сторону разлеталась волшебная пыльца, а в воздухе то и дело вспыхивали огоньки выпущенной на свободу энергии. Играла музыка, хотя самых музыкантов рассмотреть не представлялось возможным. Казалось, звуки скрипки и фортепьяно доносились откуда-то из пустоты, распространялись по всему пространству, нарушая законы физики.

Бал. Очередной бал.

Я едва не зарычал от досады, призывая магию. Колдовство легкими тенями ложилось на руки и сплеталось в прочную маску в половину лица. Этого всегда было достаточно, чтобы спрятать свою личность; Истинные не присматриваются к лицам, привыкнув к стабильности своего общества. Тысячи лет они жили единой, но не сказать, что дружной, семьей.

Гнездо порока, не иначе.

— Господин Хранитель, — Томас переступил с ноги на ногу. Он стоял у порталного окна, которым я только что воспользовался; на деле нас с парнем разделяло огромное расстояние, но мы видели друг друга, и, если б Томас протянул руку, мог бы ко мне прикоснуться. — Вы уверены, что вам следует это делать? Может быть, вы бы лучше не вторгались...

— Ты считаешь меня слабее их? — мрачно поинтересовался я. — Взгляни. Узнают?

Том вздохнул.

— Не узнают, — прошептал он, скользнув взглядом по моему облику. — Но...

— Спасибо, что предупредил о торжественном мероприятии.

— Я подумал, что если вы его запретили, то вам будет интересно узнать...

Я коротко кивнул.

...Когда Томас сегодня утром связался со мной и сказал, что Истинные вновь взяли за старое, не сказать, что я успел даже разозлиться. Магические ритуалы были для них какой-то особой частью бессмертия, и сколько б я ни брался разгонять их, это всегда не имело должного эффекта. Но в этот раз от сборища веяло такой магией, что даже я не нашел в себе достаточно усталости и равнодушия, чтобы просто проигнорировать сборище.

Портал погас. На несколько секунд его плоская поверхность стала зеркальной, и я успел поймать собственное отражение. Черный камзол, больше подходящий для эпох, миновавших пятьсот лет назад, черная же маска, украшенная россыпью драгоценностей. Весь этот костюм, выстроенный вокруг обыкновенной одежды их мириадов магических искр, мог рассыпаться в любую минуту, но я всегда хорошо держал иллюзии.

Сверившись в последний раз с порталным отражением, я уверенно зашагал по широкому коридору. Двери распахнулись сами по себе, ведомые магией, и я решительно вошел внутрь, оказываясь в настоящем безумии чужого танца.

Зал казался воистину огромным. Как я и предполагал, музыкантов не было видно, музыка, сотворенная чарами, равно как и всё остальное, разносилась по помещению, ведомая лишь попытками вытянуть очередную энергетическую нить из общей системы.

Истинных, как всегда, было много. Действуя отдельно от них, я порой забывал, что их,

пресыщенных богатством и магией бессмертных, считающих себя богами, было гораздо больше нескольких десятков. Вырядившись так, словно от этого костюмированного бала зависели их судьбы, они хохотали и танцевали, незаметно сдвигаясь к самому центру зала.

— О, друг мой, — к моему плечу прижалась какая-то девица — впрочем, она наверняка не младше покойной Матильды, — представьте? Я вас сегодня не узнала!

— Я хорошо прячусь, — я высвободил руку. — И опоздал на собрание? Что сегодня происходит?

— Всего лишь милое торжество, — звонко рассмеялась она. — В этом танце мы пытаемся возродить былую мощь! Вы пришли развлечься или за советом?

— За советом.

— В таком случае, друг мой, — она звонко рассмеялась, — вам к центру. Сегодня средоточие там.

Средоточие значит. То, что весь мир там, снаружи, может рухнуть, им плевать. Они в очередной раз вскрыли запасы энергии, к которым не имели права прикасаться, и пытаются совершить что-то невозможное, чтобы возомнить себя богами.

— Но если пожелаете танцевать, найдите меня, — прошептала женщина.

Некоторые из Истинных почти никогда не появлялись в обществе, предпочитая далекую местность. Вероятно, меня приняли за одного из них, иначе не пропустили бы столь свободно, и я спокойно, не стесненный в движениях, зашагал к небольшому вихрю, раскручивавшемуся от центра. Магия, клоковавшая в воздухе, была настолько сильна, что даже дышать стало трудно.

К центру людей оказалось больше, они почти сформировали толпу. Я отодвинул кого-то, чтобы пройти, и услышал недовольное шипение за спиной, но остановить меня не успели.

В самом центре безумного бала красовалась огромная пентаграмма. Я увидел лучи магической звезды и наступил на самый её край, не боясь того, что могу пострадать от магии.

В пентаграмме стояла женщина. Если присмотреться, можно было увидеть, что она не касалась ногами пола, лишь зависла над ним, словно призрак. Однако, вторжение в пентаграмму она ощутила, стремительно оборачиваясь ко мне.

— Кто, — её властный голос ни с чьим спутать было невозможно, — посмел нарушить ритуал своей наглостью?!

Моя иллюзорная маска за ненужностью рассыпалась пылью.

— Тот, кто, собственно, не давал разрешения проводить весь этот ужас, — холодно проронил я. — Здравствуй, Матильда. Не ожидал тебя увидеть. Как там жизнь после смерти?

Любому на моем месте наверняка хотелось бы в лучшем случае убежать куда подальше.

Матильда, женщина, которую я любил, и которая рассыпалась в пыль на моих глазах, стояла передо мной оскорбительно живая. В её глазах сверкало привычное презрение, испытываемое ею по отношению ко всему живому, но смертному, и ко мне в том числе, даром, что она продолжала обращаться ко мне не иначе как «любимый» на протяжении всех наших больше похожих на смертельную ловушку отношений. Она была облачена не в маскарадный костюм, а в привычное легкое белое платье, что трепетало на ветру, волосы собрала в небрежную косу, и та покоилась на её левом плече. Губы, не подведенные никакой помадой, изгибались в веселой усмешке бессмертной властительницы жизни.

От живой Матильды отличало только то, что сквозь неё, если слегка прищуриться, я мог

рассмотреть стоявших сзади Истинных.

— Рене, — проронила она тем же тоном, что и при жизни, — вот уж... Не ожидала тебя здесь увидеть.

— А я-то как удивлён нашей внезапной встрече, — холодно проронил я, внимательно глядя на неё. — Ты себе даже не представляешь. Ну? И чьей гениальной идеей было вызвать *это*?

— Мне не нравится, что ты говоришь обо мне, словно о какой-то твари, выбравшейся откуда-то из другого мира, — проворковала Матильда. — Разве ты не скучал по мне, любимый?

— Рыдал каждую ночь, — холодно отрезал я. — Повторяю свой вопрос. Кто вытащил *это* и каким образом?

Даже Хранитель Времени, считавшийся если не всемогущим, не был наделен способностью воскрешать мертвых. Считалось, что простые люди покидали нас навсегда, оставляя о себе только легкий налет воспоминаний в сознаниях родных и какие-то материальные вещи, одно прикосновение к которым вряд ли возвратит людей. Легкие энергетические следы. Я знал, что силу из вещей можно вытянуть, но её было недостаточно, чтобы сформировать хотя бы тень человека, способную выдохнуть несколько слов, прощальное «люблю» или «ненавижу». Такое пытались проделывать много лет назад, вытягивать имена убийц из орудий преступления, но тщетно.

Разве что золотые стрелы, забиравшие всю сущность человека и превращавшие его в пепел, могли выпустить из себя несколько мыслей, но их было недостаточно, чтобы сформировать цельную картину. Я не представлял, что надо было делать, чтобы создать почти реальный призрак Матильды. А она стояла передо мной практически живая, и когда протянула руку и прикоснулась к моему плечу, я даже смог почувствовать привычный холод её пальцев сквозь тонкую ткань рубашки.

— Не сердись на них, — проворковала Матильда, подходя к самому краю пентаграммы, нанесенной на пол обители Истинных. — Они всего лишь хотели спросить у меня совета. Наши дорогие друзья, — она обвела широким жестом присутствующих в зале бессмертных, — не совсем понимают мотивы твоего поведения и считают, что ты, получив этот благословенный дар, дар жить вечно, несколько неверно распоряжаешься им. Они боятся, что твои действия могут иметь непоправимое влияние на их жизни, и хотели бы, чтобы я по крайней мере смогла призвать тебя к благоразумию.

— Вот как.

— Ну да. Ведь я знала тебя лучше всех. Лучше твоих родителей или твоей ничтожной сестренки. Кстати, как она? Я не успела услышать, сумели ли убить ее во имя баланса? Тебе ведь самому пришлось принимать это серьезное решение...

— С моей сестрой всё замечательно, — отметил я. — Вопреки твоему желанию, она всё ещё жива, вышла замуж, родила ребенка.

— Ты нарушаешь законы баланса во имя личной выгоды? — изогнула брови Матильда. — вот как? Мне казалось, ты всегда был слишком правильным для этого, мой мальчик.

— У меня была очень хорошая учительница, — холодно промолвил я.

Пентаграмма под ногами Матильды заискрила. Она стала несколько плотнее и уже почти не просвечивалась, больше напоминая живого человека, а не призрака, вытасченного из другого мира. И я, присмотревшись к знаку на мраморном полу, наконец-то понял, как

именно они сумели её сохранить.

Человек сохраняется в том, с чем он чаще всего взаимодействовал. Марго так долго тянула за энергетические нити, что оставила там слишком много от себя. А Истинным хватило ума воспользоваться естественным средоточием энергонитей, чтобы попытаться её оживить.

Первым моим желанием было разрушить её, броситься на неё, чтобы сжать призрачное горло собственными руками. Однако, Матильда — ключ.

Противный, вызывающий раздражение и желание поскорее забыть о её существовании, но ключ. Если я пойму, как они умудрились вытащить её из энергонити, и вытащу из неё информацию, которая позволяла ей столько лет творить свои злодеяния, то, возможно, мне удастся решить все проблемы быстрее.

— И разве ты не рад меня видеть? — протянула Матильда.

— Рад, — я растянул губы в притворной улыбке и протянул ей руку. — Может быть, согласишься хотя бы потанцевать со мной, раз уж ты здесь?

Она с легким недоверием сжала мою ладонь и позволила выдернуть себя из пентаграммы. Запоздало разжала пальцы, но было уже поздно; магия, удерживавшая пентаграмму, рассыпалась, утекая в энергонить. Матильда так и осталась в состоянии почти материального признака.

— А теперь, — проронил я, отпуская её ладонь, — вернемся к насущным вопросам: кем из вас мне следует залатать дыры, которые возникли по её возвращению?

Истинные молчали. По залу прошел тихий гул.

Я снял с шеи цепочку с песочными часами. Те гудели у меня на ладони в предвкушении колдовства. Чувствовали, должно быть, что собираюсь использовать их по назначению, и были готовы прямо сейчас восстанавливать равновесие. Я впервые почувствовал нечто большее, чем просто энергетику, ощутил в нервном зуде предвкушение и ненависть. Как будто этот мир ненавидел собственных божеств, созданных для поддержания баланса, а не для разрушения всего живого.

— Кажется, — проронил я, — вы не слишком спешите отдавать свои жизни за этот призрак? Как же! А мне казалось, её советы достаточно ценны.

Матильда, дразнясь, опустила холодную ладонь мне на плечо, погладила по руке, будто пытаюсь успокоить. Я сделал вид, что ничего не чувствую, хотя было неприятно.

Вся любовь, которая была во мне по отношению к Матильде, давно уже успела выгореть, превратиться в пепелище. На её место пришли ненависть, раздражение, отвращение, целый спектр негативных эмоций, о существовании которых Матильда могла лишь строить догадки. Сейчас она провоцировала нарочно...

Но она была неживая. Я понимал, что это лишь концентрация её воспоминаний. Затерявшихся среди энергетических нитей. Она — не настоящая, и всё, что меня интересует — это то, как именно им удалось вытащить энергетику и заключить её в телесную форму.

Я мог предположить, что Истинные подпитывались энергетическими нитями, вместо этого оставляя внутри серьезные части собственного естества, но даже не предполагал, что это настолько далеко зашло.

Часы на моей ладони едва не подпрыгивали. Воздух переполнился магией; я же вернулся к пентаграмме и презрительно скривил губы.

— Сегодня вы открыли очередную дыру в балансе, но не спешите её исправлять? Хорошо. Думаю, в качестве платы сойдет и это место. А вам придется заняться делом.

Может быть, там, среди обычных людей, разыскивая аномалии, вы немного лучше послужите миру?

Пространство всколыхнулось. Я подбросил песочные часы на ладони, и время вокруг зашпешило вперед, превращая мраморный пол под ногами в прах, вытаскивая энергию из стремительно стареющего здания, которое долгое время было Обителью истинных. Энергии, содержащейся в нем, было достаточно, чтобы восполнить дыру, созданную возвращением Матильды, хоть она и казалась другой по структуре.

Я увидел, как вспыхнул первый портал, унося за собой нескольких Истинных. Кто-то с визгом бросился прочь. Обитель стремительно уменьшалась, где-то вдалеке слышался грохот.

Место, куда Истинные убежали тысячи лет назад, рассчитывая просто издалека править всем миром, рушилось так быстро, будто никогда не было ни прочным, ни незыблемым.

...Всё закончилось быстрее, чем я предполагал. Пять минут — и Истинных здесь не осталось и вовсе. Они спасались бегством с помощью порталов, всё вокруг обращалось прахом, и теперь у меня под ногами остался лишь клочок метр на метр. Рядом красовался последний из порталов, тот, что вёл в Канцелярию, и я знал, что когда уйду, Время уничтожит остатки этого места, даже воспоминания о нём.

— А ведь здесь было красиво, — отметила Матильда.

— Было, — не стал спорить я. — А теперь наш мир продержится ещё несколько месяцев, ну, и ты немножко поживешь. Чудесно, не так ли?

— Ты зря их наказал.

— Не зря, — равнодушно ответил я. — Им будет полезно.

Истинные всё равно никогда не сделают никаких выводов, но, по крайней мере, засуетятся. А я с нетерпением ждал каждой их ошибки. Они давали мне шанс выиграть.

Даже если совсем маленький.

— Дурак, — пропела Матильда у меня за спиной. — Дурак! Ты никогда не заставишь их трудиться во благо этого мира. Они не привыкли! Ты считаешь, что своим идеализмом способен переубедить их? Мой мальчик! Неужели я ничему не сумела тебя научить?

Я обернулся. Матильда не спешила растворяться в воздухе, хотя, наверное, сделала бы это, перехватив мой взгляд, если б могла осуществить это по своему желанию. Но энергия, заключенная в хрупкую физическую оболочку, не могла найти выход, если самостоятельно не разломать линии границ. Я этого делать не собирался.

— О, ты многому меня научила, — протянул я, внимательно глядя на нее. — Я не питаю по их поводу ни малейших иллюзий. Но они оставили мне такой милый ключ... Тебя. Думаешь, мне не хватит ума догадаться, как именно этим можно воспользоваться?

Если бы призраки умели бледнеть, Матильда наверняка побледнела бы. Однако, она оставалась ровно такой же, как и в момент, когда я впервые увидел её, ожившую. Полупрозрачная, с застывшим на лице легким презрением, которое она была готова бросить в меня в любую секунду. Она не знала, что происходило после её смерти, но могла лавировать, ориентируясь на реакции окружающих. Меня всё ещё поражало другое — то, что её сумели вытащить из энергетической нити. Сколько на самом деле узлов завязала Матильда, изменяя общую картину мира, что настолько сильно закрепились в нём и оставила такую огромную часть своей сущности...

— Ты стал очень самоуверенным, мой мальчик, — отметила Матильда. — Уже совсем не тот Рене, которого я любила.

— Ты? Любила?

— Ну ведь я оставила тебя в живых. Ты не старел, не угасал после каждой ночи со мной.

Я шагнул в портал. Матильда неотрывно последовала за мной, шаг в шаг, и оказалась на зеленой лужайке возле Канцелярии, куда, собственно, и выводило порталное окно. Солнечный свет не заставил Матильду превратиться в горстку праха или раствориться в воздухе, но она вся засветилась изнутри, теперь выглядя ирреальной ещё больше, чем прежде. А в помещениях, надо же, её можно было перепутать с реальным, живым человеком.

— Конечно, не угасал. Потому что естественная генерация энергии никуда не делась. А ты прекрасно пользовалась ею, вытягивая из меня всё больше и больше.

— Не понимаю, — протянула Матильда, — это так смешно — сердиться на меня спустя годы... Это ж уже сколько времени прошло? Много, не так ли... Ты всё никак не можешь простить. А ведь я не единственная злодейка в этой истории. Тебе так не кажется?

Я пропустил её полунамеки мимо ушей и уверенно зашагал вперед, ступая по сочной зеленой траве. Надо было отойти от здания Канцелярии подальше, пока нас не заметили. Отвечать на какие-либо вопросы касательно Матильды не хотелось...

— Мне кажется, что несколько десятков других злодеев поспешили убежать, как только меня увидели. Весьма интересная реакция на начальство, тебе не кажется, Матильда?

Она ответила мне веселым, задорным смехом, таким, которым никогда не обладала при жизни. Кажется, Матильде нравилось, что я стал свидетелем её воскрешения.

— На самом деле, — кокетливо промолвила она, — всё очень логично. Ведь они вызвали меня для того, чтобы узнать, как можно убить Хранителя Времени... Они пытались призвать золотые стрелы, но у них ничего не вышло. Те не хотят действовать против тебя... Мой дорогой Рене, единственный способ для тебя погибнуть — это разыскать любимую женщину, связать себя с ней тесными узами и дожидаться, пока она пожелает убить тебя. Так ты сделаешь её следующей Хранительницей, и всё пойдет по кругу... Может быть, она убьет ещё несколько Истинных, и так, из года в год, вы будете уменьшать их количество до тех пор, пока нас не останется слишком мало... Пока Хранитель не будет единственным с бременем бессмертия. А потом, может быть, умрет. Но ты же ещё не нашел себе любимую?

Я не позволил себе остановиться. Матильда же отвратительно рассмеялась.

— Или нашел? Рене-Рене... Никогда не влюбляйся, помнишь, я сказала тебе об этом, когда умирала. Уверена, что ты всё расслышал. Никогда не влюбляйся, и тогда ты сможешь прожить достаточно долгую жизнь, чтобы отправить на тот свет гораздо больше Истинных... Кстати, как ты, не стареешь? Время слушается тебя, Рене?

У Канцелярии оказалось несколько свободных повозок на автоматическом управлении. Я запрыгнул в одну из них, ввел координаты швейного цеха. Матильда устроилась рядом, продолжая довольно улыбаться.

— Хочешь, я расскажу тебе, зачем подпитывалась сторонней энергией и почему творила то, что ты в своей прелестной головушке называл злодействами... Ох, мой мальчик. Мы ведь не живые люди, ты не знал? В тебе просто осталось ещё слишком много от живого, ты пока не забыл, как это — всё время меняться. Ты молод и наивен. Ты не знаешь, как это — чувствовать, как твоя жизнь медленно из тебя вытекает. И я делала всё, чтобы мы не смешались с этим миром. В один момент всё стало так хорошо, что мы больше перестали быть необходимыми этому миру. И тогда я взяла на себя смелость всё испортить. Сделать всё так, чтобы этот мир нуждался в своих Истинных. Если ты всё исправишь, Рене, если ты найдешь ту самую энергетическую нить, тот узел, с которого всё началось, если тебе удастся

сделать всё так, как было, чтобы баланс больше не расшатывался, знаешь, что останется от Истинных? Пыль. И от тебя тоже, Рене, останется пыль. Ты готов ею стать? Неужели? Ты просто не знаешь, что такое умирать медленно, чувствуя, как жизнь вытекает из тебя по капле... Они знаешь почему тебя ненавидят? Потому что ты так безрассудно действуешь, будто всерьез решил избавиться их этого бессмертия. Этим капелек силы. Они не готовы умирать.

— Они уже много тысяч лет не готовы умирать, — отметил я. — Однако, если миру это нужно, им всё-таки придется отправиться на тот свет.

— А ты сам? Ты сам готов?

Матильда прижалась к моему плечу, холодная, мертвая, потусторонняя.

— Ты мой глупенький маленький мальчик, — прошептала она мне на ухо. — Ты просто не понимаешь, о чем говоришь. Пожертвовать собой слишком сложно, чтобы на это был способен живой, реальный человек... Ты этого не сделаешь, Рене. Тебе всегда будет за что ухватиться, чтобы захотеть стать живым...

— Знаешь, если б всё решалось просто моей смертью, я б, наверное, давно уже умер, — усмехнулся я, переводя взгляд на Матильду. — Но ведь всё не так просто, верно?

Женщина вздохнула, хотя дышать-то ей не нужно было.

— Ты взвалил на себя слишком много. Ты не убийца, Рене. А этот мир не захочет забирать их самостоятельно... Помирись. И стань одним из нас. Это единственный способ кое-как удержать всех на гранях баланса.

Я взглянул на неё.

— Ты же знаешь, что я не прислушаюсь к твоему совету, верно?

Она знала. Знала, но всё равно растянула губы в приторной улыбке.

— Рано или поздно тебе придется. И я всегда буду рядом. Если понадобится, укажу тебе верное направление.

Жену господина Якоба звали Сандра. Я не могла избавиться от ощущения, что она была двойником главы учебного отдела моего университета, даже имя похожее — ту звали Александра Петровна, и о её скверном характере ходили слухи по всему вузу.

Вот только если с Александрой Петровной мне не пришлось контактировать лично, и я знала о ней только понаслышке, то вот с Сандрой вынуждена была столкнуться лично.

На её фоне господин Якоб как-то моментально сник и потерял всякое желание участвовать в разговоре хоть сколько-нибудь активно; вместо этого он углубился в изучение меню и делал вид, будто не слышит ни единого слова из нашего разговора. Я б могла смело назвать такую позицию очень удобной, но мне показалось, что господин Якоб на самом деле чувствует себя очень некомфортно.

Сандре же явно было всё равно. Дискомфорт своего мужа она игнорировала с такой же легкостью, как и могли заинтересованные взгляды, пока открывала эскизы Милли и внимательно изучала их. На губах женщины на несколько секунд появилась легкая улыбка, но она тут же подавила её, старательно затерла и сделала вид, будто ничего и не произошло.

Очевидно, не хотела, чтобы я посчитала, будто могу получить от неё какую-нибудь выгоду.

— Что ж, — наконец-то попытожила Сандра, — да, это весьма недурно. Я бы сказала, что человек, который придумал эту модель, достаточно талантлив... Это сделали вы?

— Одна из моих сотрудниц.

— Ну да, ну да...

В голосе Сандры мелькнуло что-то вроде легкого презрения, смешанного со стойким равнодушием. Я предпочла реагировать на него с максимальным спокойствием — по крайней мере, так могла оградить себя от бросаемых ею полупрезрительных взглядов с легким оттенком недовольства.

— Да, — наконец-то признала Сандра, — это неплохой проект. Возможно, я согласилась бы реализовать через свой магазин эту модель. Однако, — она изогнула брови, — вы собираетесь начать партийное производство?

Мне не нравился этот вопрос. Может быть, зря, конечно, но я чувствовала в нём некий подвох и никак не могла подобрать правильные слова для ответа.

— Эти платья будут представлены только в трех экземплярах в качестве эксклюзива, — промолвила я, всё-таки приняв решение. — И не пойдут в партийное производство. Это кропотливый ручной труд, и я не считаю возможным повторение модели.

Сандра скосила взгляд на своего мужа, словно впервые поняла, что он может помешать при решении деловых вопросов, пожевала нижнюю губу, выдавая и собственную неуверенность, и промолвила:

— В таком случае, выгоднее было бы оформить всё так, будто для наших клиенток были предоставлены услуги частной швеи. В таком случае, вам не пришлось собирать бы пакет документов для трех платьев, и мы с вами могли бы избежать лишней волокиты.

Я прищурилась.

— Вы желаете понизить ценник?

— Только себестоимость. Таким образом мы сможем увеличить взаимный доход. Но вы

должны понимать, что этот вариант не подходит для долгосрочного сотрудничества.

Для того, чтобы осознавать это, не нужно быть гением, и я прекрасно осознавала, что далеко на таком сотрудничестве не уеду. Однако промолвила:

— Мне кажется, в случае этой конкретной модели мы с вами можем реализовать такую модель взаимодействия... И обсудить дальнейшее сотрудничество и то, насколько оно тесным будет.

Сандра вздохнула.

— Неплохая идея.

Она вновь покосилась на мужа. Господин Якоб сделал вид, будто и вовсе ничего не слышит, однако, я видела, как слегка покраснели кончики его ушей.

Очевидно, Сандра сделала из этого какой-то вывод для себя. Она наверняка знала своего мужа достаточно хорошо, чтобы правильно расценивать его физические реакции.

— Вы мне понравились, Анна, — ни с того ни с сего промолвила Сандра, — однако, мне кажется, вы ещё не обладаете должным опытом в сфере моды?

— Вы правы, пока что я человек новый, — подтвердила я без особого желания. — Тем не менее, считаю, при должном упорстве могу достичь успеха.

— Да, это так... Вы бывали когда-нибудь в местных модных бутиках?

Я в этом мире вообще почти нигде не бывала! Однако, ответить таким образом было бы глупо.

— Разумеется. Но в качестве клиентки, а это не позволяет полностью оценить всю сложность и структуру.

— Да, да... — кивнула она. — Да. В таком случае, может быть, вас заинтересует возможность посмотреть мой магазин? Я могла бы позвать вас туда на экскурсию. Прямо сейчас. Вы согласны?

Я лишь пожала плечами, не видя повода отказать.

— Вот и замечательно, — Сандра поднялась и жестом велела своему мужу оставаться на месте. — Нет-нет, Якоб. Мы с Анной вполне доберемся сами, не так ли, Анна?

— Конечно, — утвердительно кивнула я, не в силах избавиться от уверенности, что таким образом Сандра пытается избавиться от компании своего мужа.

Но... Зачем?

Спорить с Сандрой было как сопротивляться стихии. Я поняла это уже по тому, как господин Якоб сначала открыл рот, собираясь возразить своей жене, потом напоролся на её строгий, можно сказать, убийственный взгляд — и моментально умолк.

Мы поднялись из-за стола, оставляя мужчину наедине. Сандра поцеловала его на прощание в щеку, и мне почудилось, будто такое публичное проявление эмоций было ей не слишком приятно, и она покорялась какой-то традиции — хотя, кажется, её супруг точно не мог ни к чему её принудить, даже к соблюдению каких-нибудь формальностей.

Женщина стремительно выпрямилась и уверенным жестом велела мне следовать за нею. Я покорилась; спорить не было ни малейшего смысла, тем более, нам действительно следовало поговорить наедине, и я понимала, что без присутствия господина Якоба и сама буду чувствовать себя несколько свободнее.

На улице было по-весеннему тепло и очень солнечно. Я шумно втянула воздух, наслаждаясь той странной свободой, которую ощутила, покинув кафе, но все приятные ощущения рассыпались в прах, стоило мне только столкнуться взглядом с Сандрой.

— Мой бутик совсем рядом, — сообщила она. — Надеюсь, пройтись до него пешком не

будет проблемой?

— Нет, не будет, — улыбнувшись, отозвалась я. — Пойдемте?

— Да... Может быть, кому-то покажется удивительным, — Сандра вздохнула, — что я не захотела продолжать разговор при Якобе...

— Мне так не кажется.

— В таком случае, вы довольно мудрая девушка, Анна, — отметила она. — И прекрасно понимаете, какие могут быть последствия от присутствия посторонних при важных сделках.

— Странно называть посторонним собственного мужа, — спокойно отметила я, стараясь максимально сохранять самообладание.

Кажется, Сандру нисколько не смутило моё замечание.

— Свой бизнес я строила самостоятельно. Конечно, мы с Якобом уже были женаты, но он всегда больше времени уделял своему министерству, пропадал там. Мой бизнес поначалу казался ему не слишком серьезным занятием.

— Мне кажется, ваш муж с большим уважением относится к вашему делу.

— Конечно же, да, — кивнула Сандра. — Но это нисколько не мешает ему не вникать в мои дела. Он считает, что я делаю всё предельно честно, и ему этого достаточно.

— Но это не так?

— Если б это было так, мы бы не выжили. Однако, я стараюсь, чтобы к нам нельзя было придраться.

— Разве это не то же самое, что и поступать честно?

— Нет, — без обиняков ответила Сандра. — Это абсолютно разные вещи.

Я не стала спорить. Мы молча продолжили наш путь. Рядом с деловой, спокойной, выдержанной Сандрой было интересно, однако, я не могла избавиться от ощущения нарастающей опасности и не могла никак отогнать своё первое впечатление.

— Ведь я правильно понимаю, что лицензии у вас сейчас нет? Ни на эту модель платья, которую вы мне продемонстрировали, ни на что-либо другое? — вдруг в лоб поинтересовалась Сандра.

— У нас есть лицензия для тех платьев, которые мы поставляем в школы.

— Да-да, конечно. Я спрашиваю не об этом, — промолвила Сандра. — Кстати, мы уже пришли.

Я остановилась у витрины небольшого бутика — должно быть, самого потрясающего бутика на свете, которого я когда-либо видела.

На витрине красовались куклы. Не манекены, облаченные в дизайнерские платья, а именно куклы, напомнившие мне о детстве. Только, в отличие от тех, что мне удавалось увидеть в прошлом, эти были потрясающе красивыми.

Прорисованные лица, фарфоровые ручки — всё это могло повторяться. Но наряды! Я никогда не могла назвать себя большим знатоком моды, но сейчас буквально прилипла к витрине, с восторгом рассматривая каждую складочку на роскошных платьях.

— Красиво, не так ли? — поинтересовалась вежливо Сандра у меня за спиной.

— Они великолепные! — искренне воскликнула я.

Ответом мне была сдержанная улыбка.

— Да, хороши. Я заказывала их у своей подруги, но она этим больше не занимается. У меня часто пытаются их купить, однако, я не хочу продавать эту прелесть в дома детишкам, которые просто расколотят фарфор и порвут эти платья.

— Куклы могут предназначаться не только для детей, — отметила я, вспоминая о

коллекционерах.

— А для кого же ещё? — фыркнула Сандра. — Не взрослым же в них играть... Предлагаю временно забыть об этом декоре. Проходите, — она указала на дверь своего бутика. — Нам с вами будет что обсудить, госпожа Анна.

Внутри в бутике было всё так же богато и красиво, как и можно было подумать по витрине. Я невольно залюбовалась рядами роскошных платьев. Изобилие разноцветных тканей могло запутать кого угодно, и мой взгляд метался от одного наряда к другому. То тут, то там я выхватывала из воздуха какие-то интересные детали, отмечала про себя красоту фасонов и подумала, что, должно быть, цены здесь очень высокие.

Хотя мне были видны ценники, я, к сожалению, слишком плохо ориентировалась в этом мире, чтобы сказать, насколько это дорого.

— Платья у меня могут позволить себе только самые богатые женщины столицы, — отметила госпожа Сандра. — Однако, не думаю, что стоит тратить на это время. Пройдемте в кабинет.

И вправду, я заметила небольшую дверь, прятанную в самом углу магазина. За нею оказался довольно тесный, без единого окошка, склад, несколько утюгов да гладильных досок и ещё несколько дверей, одна из которых, собственно, и вела в кабинет Сандры.

Тот, уже просторнее и светлее, показался мне всё равно достаточно скромным. Кажется, женщину мало интересовало убранство. Она указала мне на простой и не слишком удобный стул, сама устроилась в рабочем кресле с потрепанной обивкой и провела ладонями по подлокотникам, словно таким образом немного концентрировалась на предстоящей задаче.

— Наконец-то мы можем поговорить начистоту, не бросая пыль друг другу в глаза, — произнесла Сандра с такой решительностью, словно ей уже всё про меня было известно, и она собиралась только утвердиться в своем мнении, поговорив со мной.

Я заставила себя выпрямиться и спокойно взглянуть на женщину, не позволяя себе никоим образом выдать беспокойство. Утвердившись во мнении, что швейный цех не спасти, если мне вдруг в голову не придет какая-нибудь гениальная идея, я уже почти не волновалась об исходе нашего разговора с Сандрой.

Как будет, так будет.

— У меня нет привычки бросать кому-либо пыль в глаза, если уж выразаться вашими словами, — довольно спокойно отметила я. — Я предпочитаю честность.

Последние слова я произнесла с нажимом, надо сказать, неожиданным даже для меня самой — потому что я не планировала говорить в таком тоне. Однако, отказываться от произнесенного было бы довольно странно, и я с максимально возможным спокойствием смотрела в глаза Сандре.

— Хорошо. Отлично, — утвердительно кивнула она. — Отлично... Подписывать с вами официальный договор мне невыгодно, Анна. Слишком большой спрос и слишком много документов необходимо будет подготовить. Но я могу предложить точечное сотрудничество.

— Вот как.

— Да. Я выкуплю эти платья, — она взяла чистый лист бумаги и написана на нём несколько чисел. — Вот за такую цену. Если у вас будет что-нибудь столь же интересное, я буду готова рассмотреть это отдельно. В линии мы не нуждаемся. Но у меня есть и более выгодное предложение для вашего швейного цеха.

— И какое же?

— Ко мне часто обращаются клиентки с эксклюзивными заказами. Ткани и фурнитуру

они предоставят; с вашей стороны будет требоваться рабочая сила и фантазия. Думаю, это реально будет оформить так, чтобы вам не требовались лицензии на производство.

— Это выглядит так, как будто вы предлагаете швейному цеху работать подпольно, — отметила я, решив, что надо действовать до конца, раз уж решилась говорить прямо.

Мы встретились взглядами. Сандра растянула губы в показавшейся мне приторной улыбке, а потом промолвила:

— Речь не о подпольной работе, а о программе вашего выживания. Вы будете получать оплату и не станете тратиться на материалы, я смогу обеспечить вас заказами. В вашей ситуации это лучший выход.

— Вам, однако, многое известно о нашей ситуации.

— Да, — кивнула Сандра. — Слухами земля полнится.

Я вздохнула. Неприятное ощущение от разговора с нею только усиливалось, а когда она внимательно смотрела на меня, возникало такое чувство, будто воздух между нами начинал искрить от магии. Подозрение, промелькнувшее где-то на задворках сознания, не казалось таким уж и ирреальным. Что, если Сандра действительно использовала какую-то магическую силу, чтобы повлиять на моё решение.

— Мы подпишем всё официально, — промолвила она, передавая мне какой-то договор. — Я уже всё оформила. Ознакомьтесь и подпишите, пожалуйста.

Я взглянула на лист бумаги и почувствовала, как у меня всё начинает прыгать перед глазами. Дурной знак. Обычно, когда нормальные люди предоставляют какие-то документы на изучение, читающего тошнить не должно, да и голова у него вряд ли кружится. А тут... Я прямо-таки ощущала острое недомогание и не могла избавиться от впечатления, что на меня давят.

Сандра улыбалась. Я взяла ручку, собираясь оставить свой росчерк в нужной графе, но в последнее мгновение меня словно кто-то схватил за руку. Почудилось, будто рядом стоял Рене и отрицательно качал головой.

— Хорошо, — промолвила я, откладывая ручку. — Я возьму экземпляр договора и внимательно изучу его. Если это действительно окажется выгодным для швейного цеха, мы обязательно примем ваше предложение, госпожа Сандра.

Её это, кажется, расстроило.

— Погодите, — она явно намеревалась меня остановить. — Вы действительно собираетесь временно отложить этот вопрос, Анна? Уверены?

— Да, — твердо кивнула я. — Уверена. Несколько дней промедления ничего не изменят, а я постараюсь принять решение максимально быстро. Можете не волноваться.

— А как же платья, о которых вы мне рассказали? Неужели вы не желаете заключить договор хотя бы касательно их?

— Думаю, — улыбнувшись, промолвила я, — мы с вами обойдемся без лишней документации. Надеюсь, вы не откажетесь предоставить упомянутую вами сумму наличными по факту готовности платья?

Сандра сжала зубы. На какую-то секунду на её лице появился отпечаток недовольства, словно я каким-то таинственным образом нарушила её планы. Однако, это выражение её лица исчезло уже совсем скоро; она расплылась в улыбке и сладким, не вызывающим ни малейшего доверия голосом произнесла:

— Разумеется. Отличный вариант, госпожа Анна.

Женщина поднялась со своего места, вновь скользнув ладонями по подлокотникам

кресла — было в этом жесте что-то ритуальное и, очевидно, успокаивающее её, — и первой направилась к выходу. Она вновь провела меня по тесному и душному складу и вывела в бутик, буквально сверкавший своей дороговизной.

В этот раз в зале присутствовала клиентка, какая-то надменная женщина в явно дорогом пальто. На улице было довольно тепло, и я не представляла, зачем ей этот определенно лишней в такую погоду элемент гардероба, но не спрашивать же в открытую!

— О, Сандра! — меня незнакомка упорно проигнорировала, но зато заметила хозяйку бутика. — Ну так что, ты всё ещё не передумала насчет куклы?

Она подошла к витрине и взяла одну из кукол в руки, покрутила её и тяжело вздохнула, выражая таким образом свой восторг от красивого платья и милого фарфорового личика.

— Я ведь уже сказала, — холодно промолвила Сандра, — что это всего лишь декор бутика, и я не намерена с ним расставаться.

— Удивительно, откуда столько упрямства, — рассмеялась незнакомка. — Я тебе предлагала уже столько денег за эту красотку! Она как две капли воды похожа на мою дочь.

— Ты можешь любоваться на собственную дочь, дорогая. Разве нет? Зачем тебе ещё кукла? Ну, право слово, разве не стыдно женщине в твоём статусе интересоваться такой ерундой.

Незнакомка пожала плечами.

— Я не хочу, чтобы кукла с лицом моей дочери украшала чужой бутик. Я бы хотела, чтобы она находилась у меня в доме и радовала мой глаз.

— С возрастом ты становишься всё причудливее.

Я понимала, что невольно становлюсь свидетелем разговора, который никоим образом меня не касается, потому вышла на улицу. Солнце уже припекало, и я остановилась возле витрины, наслаждаясь яркими лучами. Надо было отправляться обратно в швейный цех, но меня как будто приковало что-то к этому бутику...

— Тоже любуетесь куклами?

Я вздрогнула и повернулась на звук чужого голоса. Рядом со мной стояла та самая женщина, что минуту назад рассматривала куклу на витрине.

— Да, засмотрелась, — улыбнулась я. — Мне кажется, это мечта любого коллекционера... Странно, что госпожа Сандра не желает расставаться со своими куклами или изготавливать их на заказ.

— Что ж, я б, например, не отказалась от маленькой коллекции, — рассмеялась женщина. — Хотя домашние меня засмеют. Когда я рассказывала сыну о кукле, похожей на Эдиту, он сказал, что я занимаюсь ерундой и мешаю ему работать...

— Он у вас занятой человек, должно быть.

— Очень, — кивнула она. — Даже слишком... Всё время в делах да в делах... Я всё надеялась, что он женится, у него была любимая... Но он нас даже не успел познакомить. Бедняжка погибла.

— Какой ужас, — охнула я.

— Да. На нём лица не было, — утвердительно кивнула женщина. — Он довольно скрытный, так и не рассказал мне всех подробностей, но так страдал... Прошло уже много времени, мне казалось, он её забыл, но сердцу не прикажешь, он так и не смог достаточно успокоиться, чтобы полюбить вновь...

Я могла только сочувственно смотреть на неё. Пережить смерть любимого человека — это ужасно, я помнила, как страдала, прощаясь с дядюшкой...

— А вот эта кукла похожа на вас, смотрите, какое удивительное совпадение, — вдруг промолвила женщина. — Смотрите!

И вправду, одна из кукол на витрине была вылитая я. Если поначалу она мне показалась такой же, как и соседняя, то сейчас удалось рассмотреть едва заметные отличия. Темные чуть вьющиеся волосы, насыщенного оттенка зеленые глаза... Конечно, такого пышного платья, как то, в которое была наряжена кукла, у меня отродясь не было, это пережиток прошлого, но лицо...

— Потрясающе, правда? Нет, я должна рассказать Рене, может быть, хоть теперь он мне поверит в то, что это может быть не случайное совпадение!

— Рене? — переспросила я удивленно.

— Ну да, — подтвердила женщина. — Рене. Своему сыну... Подождите секунду!

Она открыла сумочку, достала кошелек, долго рылась в нём, пока наконец-то не достала фотокарточку.

— Вот, это Рене с сестрой Эдитой. Фотография старая... Сейчас он, конечно, возмужал, но и тогда был прелестным юношей, даром, что принимал себя невесть за что.

Я взглянула на фото и почувствовала, как мелко задрожали мои руки. С фото смотрела довольно лихая, улыбчивая девица, как две капли воды похожая на одну из кукол на витрине...

И Рене. Ещё совсем юный, не избавившийся от подростковой угловатости, сутулящийся, словно надеялся сбежать с фотографии и стать на ней максимально незаметным, но всё равно — мой Рене.

Я вернулась домой, когда уже почти стемнело. Чувствовала себя очень уставшей и, сказать по правде, просто валилась с ног, потому, не обращая внимания ни на скатерть-самобранку, приветливо зазвеневшую разложенными на ней тарелками, ни на Тамилу, пытавшуюся было меня остановить и перекинуться несколькими словами, сразу направилась к себе.

Голова разрывалась от мыслей и подозрений. Я осознавала, что их слишком много, чтобы всё надуманное мною звучало хоть сколько-нибудь здраво, но мне не хватало знаний этого мира, чтобы систематизировать всё и сложить вместе.

Дверь в комнату не была заперта на ключ, и я вошла внутрь, уже подозревая, что застаю Рене внутри. И он действительно был там. Лежал, вытянувшись на кровати, с закрытыми глазами, но не спал, кажется, сосредоточенно думал о чем-то. Рене был бледнее, чем утром, когда мы с ним разошлись по своим делам, и гораздо мрачнее. Плотно сжатые губы выдавали в нём напряженность.

Он вздрогнул, услышав, что я вошла, распахнул глаза и несколько секунд смотрел на меня, как будто не до конца узнавая. Спустя несколько секунд всё-таки выдавил из себя слабую улыбку и поймал меня за руку.

— Ты уже вернулась? Я немного задумался...

— Так, что даже не услышал, как я вошла? — улыбнулась я, устраиваясь на краешке кровати, и подумала, что всё-таки очень рада его видеть.

Нельзя было сказать, что рядом с Рене я чувствовала себя предельно защищённой и стабильной, но, по крайней мере, у меня не возникало ощущения, будто в ближайшие несколько секунд должно произойти что-то очень плохое. Он создавал некий оплот стабильности, и я наслаждалась присутствием мужчины и тем, что могла ему безраздельно доверять, что б между нами ни случилось.

По крайней мере, Рене не походил на предателя.

— Да, у меня сегодня было довольно напряженное совещание, — неохотно признался он. — А когда твои подчиненные старше тебя в тысячу раз, иногда при тесном контакте возникают значительные неприятности, сама понимаешь...

— Да, этого не миновать, — мягко усмехнулась я. — Однако, уверена, ты с достоинством вышел из ситуации.

— Ага. Правда, это стоило нам Обители Истинных, и теперь они по всем кустам трясутся и думают, как бы испортить баланс окончательно, чтобы я не смог их убить.

Рене наконец-то сел. Его песочные часы на цепочке выпали из ворота рубашки, и мужчина растерянно скользнул кончиками пальцев по тонким звеньям, словно пытался удостовериться в реальности всего происходящего, а тогда улыбнулся мне.

— Прости, я немного не в себе после всего, что произошло сегодня. Ты сама как? Как прошла встреча с женой господина Якоба?

— Её зовут Сандра, — промолвила я. — И она предложила мне подписать некий договор, но я понятия не могу, насколько это выгодно. Подписывать не стала, взяла с собой, чтобы ознакомиться... Хотя не знаю, будет ли от меня какой-нибудь толк.

— Зато от меня будет, — усмехнулся Рене.

Он уже окончательно отбросил в сторону размышления, которым предавался до моего возвращения, и, кажется, твердо вознамерился отвлечься.

— Дай мне эти бумаги, посмотрю.

— Ну, тебе ещё только этим заниматься, — закатила глаза я. — Не утруждайся, Рене. Я сама со всем разберусь. Правда.

— Не надо самой, — покачал головой он. — Не знаю, что это за госпожа Сандра и почему она подготовила договор, хотя вы ехали только на предварительную встречу, но мне очень хочется проявить предусмотрительность и посмотреть, что она там тебе предлагает.

Я вздохнула. Конечно, был большой соблазн назвать Рене параноиком и сказать, что это всего лишь договор о сотрудничестве, но беда в том, что я сама не испытывала ни малейшей уверенности по отношению к бумагам, которые мне предлагалось подписать.

Рене выбрался из постели, встал на ноги и взял у меня документы. Пододвинув разваливающийся стол к небольшому столу у окна, он разложил листы договора и откуда-то из внутренних ящиков добыл чистую бумагу и ручку. Скользя взглядом по числам, принялся вести какие-то расчеты, и я невольно залюбовалась той стремительностью, с которой мужчина анализировал предложенные ему данные.

Я подошла к нему, замороженная, и заглянула через плечо, пытаясь вникнуть в столбики чисел и короткие пометки, сделанные красивым, разборчивым почерком Рене. К самим документам он практически не прикасался, и в этом мне почудилось что-то удивительное, однако, спрашивать Рене прямо я не решилась, просто наблюдала за каждым его действием.

— Хм, — протянул он, не отводя взгляда от документов. — Хм...

— Что-то не так? — переспросила я, касаясь его плеча.

Рене не спешил отвечать, только хмурился, всматриваясь в документы. Он явно не был склонен к диалогу, и я ощутила острое раздражение от одного этого факта. Неужели так сложно ответить прямо?

— Не надейся, — вдруг раздался женский голос. — Он всегда таким был. Если уж пять лет назад отказывал самой Хранительнице Времени, вникая в свои расчеты, то можешь не надеяться, что он в деталях опишет, как тебя собирались надуть... К слову, Рене, ты мне не говорил, что моя замена такая молоденькая. Мне казалось, тебе нравятся женщины постарше.

Я вскинула голову — и увидела незнакомку, застывшую в дверном проёме.

— А, мы не знакомы, очевидно, — расплылась в улыбке она. — Меня зовут Матильда, и он, — она кивнула на Рене, — несколько лет назад меня убил.

В комнате на несколько секунд воцарилась тишина, пока Рене наконец-то не подал голос:

— То-то я тебя так убил, что ты каким-то чудом умудрилась вернуться и треплешь мне нервы... Анна, познакомься, это Матильда, покойная Хранительница Времени, и Истинные умудрились вытащить её призрак из энергетического потока, кажется, чтобы поинтересоваться, каким образом можно эффективно меня убить. Полагаю, она не успела донести до них эту информацию, а теперь таскается за мной. Я бы поспешил её развеять, но, полагаю, для начала было бы неплохо узнать, как мне избавиться от нескольких десятков её приспешников и понять, что именно они задумали.

Я направила на незнакомку полный недоверия взгляд. Матильда!.. Надо же. Я даже не представляла, что она была... Такая.

Пожалуй, выглядела женщина лет на тридцать — и, бесспорно, была привлекательна. Я

не могла назвать её красавицей в классическом понимании, потому что в чертах лица Матильды чувствовалось что-то слишком резкое и как будто античное. Одета она была в какое-то легкое платье светло-серого оттенка, и фантомная ткань покачивалась на ветру — открыв дверь, Матильда умудрилась создать сквозняк.

Она ответила мне тем же оценивающим взглядом и растянула губы в приторной улыбке. Женщина не спешила говорить, но я могла примерно представить все те комментарии, которые нынче крутились у неё на языке. И вряд ли среди них было много лестных слов.

— Извини, — Рене обратился ко мне, — что не предупредил. Я не думал, что она решит присутствовать при каждой нашей беседе. Мне пришлось замкнуть её на собственную энергетическую нить, чтобы не сбежала, но это не подразумевает, что она будет сидеть здесь.

Я наконец-то выдала нечто среднее между грустным вздохом и шокированным хмыканьем, отступила от Рене и присела на самый краешек своей кровати.

— Кажется, — прошептала я, — мои новости отнюдь не такие впечатляющие, как твои...

— Боюсь, — мрачно промолвил Рене, — твои ничуть не лучше моих. Во-первых, Анна, тебя пытались кинуть на деньги.

— Что?.. — переспросила я.

Из-за появления Матильды я напрочь забыла о тех документах, которые изучал мужчина, и сейчас тщетно пыталась сфокусировать свой взгляд на Рене. Вряд ли мне удалось бы действительно что-то понять. Я смотрела на него с легкой беспомощностью и чувствовала себя преданной и брошенной, хотя для того у меня не было никакого повода.

Призрак женщины наконец-то изволил пересечь комнату и застыл рядом с Рене. Она смотрела на него с такой интимной любовью во взгляде, что мне захотелось убежать прочь и захлопнуть за собою дверь, чтобы меня даже случайно никто не мог догнать.

От мысли о том, что у них были отношения, а теперь эта женщина, пусть и давно уже мертвая, находится рядом и тянет к Рене свои руки, в горле всё пересыхало и жгло глаза. Но я не могла позволить себе плакать. Я же знала о существовании Матильды, в конце концов...

Она, явно понимая, какие меня сейчас одолевают чувства, протянула руку и попыталась погладить Рене по волосам. Тот, кажется, только в этот момент и заметил приближение Матильды и поднял на неё глаза. Я не знала, разъяренным ли был его взгляд или полным любви, но Матильда одернула руку и отшатнулась.

— Неблагодарный, — мрачно промолвила она, пятясь. — Ты всегда, Рене, был неблагодарным.

— Конечно, — утвердительно кивнул он. — И никогда тебя не любил. А теперь, будь добра, сядь, прежде чем мы не занялись анализом энергонити.

Матильду это почему-то напугало. Она действительно предпочла отстраниться от Рене, должно быть, всерьез восприняв его угрозу, а мужчина повернулся ко мне.

Он выглядел уставшим... и виноватым.

— Потом объясню, — одними губами прошептал он, явно имея в виду ситуацию с Матильдой. — А что до документов, — Рене заговорил уже громче, — то на таких условиях ты могла бы за бесценок передать швейный цех в руки этой женщине, которая предложила тебе такое подписать. Возможно, она бы потом в ближайшие несколько лет и не пыталась действовать радикально... Ну, это первое. А теперь второе: бумага с памятью.

— С памятью? — переспросила я.

— Да. Такие листы найти невероятно трудно, и что-то мне подсказывает, что вряд ли простая женщина могла их получить. Либо у неё есть какая-то связь с Истинными... Не кривись, Матильда! Либо у неё есть какая-то связь с Истинными, либо эти листы ей подсунули. Подпись с них легко копировать на другие документы, причем так, что в её подлинности никто не засомневается. Потому хорошо, что ты ничего не сделала.

Я вздрогнула.

— Но зачем? У меня особо нечего забирать... Даже этот цех. Зачем ей могла понадобиться моя подпись на такой специфической бумаге?

— Очевидно, чтобы забрать всё тогда, когда ты сможешь добиться успеха? — хмыкнул Рене. — В любом случае... Матильда, знаешь ли ты эту женщину? Её зовут... как? Госпожа Сандра? Было бы очень неплохо, если б ты поделилась всем, что тебе о ней известно, — и он вперил взгляд в призрак своей покойной любовницы.

Матильда вздохнула. Она так естественно отображала недовольство, словно в самом деле имела право предъявлять Рене какие-нибудь претензии. Потом накрутила на палец полупрозрачную прядь волос, притворяясь глупенькой, и протянула:

— Но ведь с этой Сандрой общалась твоя новая женщина. Почему ты не задаешь всякие провокационные вопросы ей?

— Может быть, потому, что это её подпись пытались украсть, а не она могла каким-то образом оставить этой женщине бумагу с памятью?

Из-за брошенного на меня Матильдой взгляда я вдруг остро ощутила себя лишней. Рене держался достаточно спокойно, но в его взгляде уже вспыхивало недовольство; было заметно, что он с трудом держит себя в руках и старается не сорваться.

Я никогда в жизни не видела, чтобы он кричал, но почему-то подозревала, что если кто-то и способен довести Рене до такого состояния, то именно Матильда.

Он медленно поднялся на ноги со своего стула и подошел к Матильде. Я непроизвольно напряглась, думая, как же он коснется её, такой призрачной, но Рене схватил пальцами воздух, как будто сгребая что-то в охапку.

На какую-то секунду вспыхнули тонкие нити, тянувшиеся от Матильды куда-то вверх. Именно за них и уцепился Рене, а теперь с силой тянул на себя.

Она забилась, словно пойманная в сеть рыба, широко распахнула глаза. Если призраки умеют испытывать боль, то Матильда определенно её сейчас ощущала; с её губ сорвался непроизвольный хриплый стон, и она взмахнула руками в слабой попытке оттолкнуть прочь от себя Рене. Но он был неумолим. Тонкие энергетические нити — я наконец-то поняла, что это было такое, и смогла их классифицировать, — становились всё ярче и ярче по мере натяжения, но Рене не отпускал, не сводя с Матильды злой, холодный взгляд.

Мне казалось, Матильда должна была становиться бледнее, прозрачнее, но её образ, напротив, набирал красок из внешнего мира. В глазах горела неподдельная злоба; то, как она смотрела на Рене, дорогого стоило.

— Прекрати! — наконец-то прошипела она. — Прекрати, ты совсем с ума сошел?!

Он разжал пальцы. Я увидела, что через ладонь Рене тянулось несколько полос ожогов — это были следы его взаимодействия с энергетическими нитями. Затягиваться раны не спешили, однако, мужчина и вовсе не обращал на них внимания, вместо этого совершенно спокойно глядел на Матильду. Безжалостность, смешавшаяся с равнодушием, меня потрясли.

Как он может так спокойно?..

— Я в курсе, что тебе не слишком нравится усиливать свой образ, — промолвил

Рене. — Потому что ты становишься не только телеснее, но и уязвимее. Познаёшь, так сказать, все последствия твоей деятельности. И мы можем продолжить процедуру.

— Ты вытягиваешь силы из этого мира, чтобы пробудить во мне совесть, — фыркнула Матильда.

— Ничего. Пусть мир простит мне это. Так что насчет госпожи Сандры? Вспомнила какую-то информацию, или мы повторим?

Матильда скривилась.

— Ты цепляешься за воздух, а не ищешь реальные зацепки.

— Я цепляюсь за имя женщины, воспользовавшейся бумагой, которой по-хорошему у неё быть просто не должно. Кажется, это довольно логично.

Она вздохнула.

— Ладно, — кажется, Матильда не собиралась сдавать свои позиции, просто пошла на временные уступки. — Мы работали с Сандрой. Ей эти бумаги достались ещё от меня. Но ты же понимаешь, что я не давала ей давать приказ ловить твою любовницу? Скорее всего, она придумала какой-то план и решила получить немного выгоды для себя... Сандра всегда любила деньги. А может, ей кто-то приказал. Не знаю.

— Хорошо, — вздохнул Рене. — Допустим, к этому случаю ты не имеешь никакого отношения. Но ты знаешь эту женщину лично. Что вас связывало?

Матильда усмехнулась.

— Мы были коллекционерами, — легко пожала плечами она. — Я коллекционировала одно, она — другое. И мы просто помогали друг другу. Вот и всё.

— Матильда!

— А больше я тебе ничего не скажу.

Судя по выражению лица, Рене растерял остатки терпения по отношению ко своей любовнице.

— Уйди, — велел он ей, коротко и быстро. — Уйди, глаза бы мои тебя не видели.

— Как грубо, — хмыкнула Матильда. — Я буду рядом.

Она сделала шаг назад и как будто просочилась сквозь стену, исчезла в соседней комнате блока. Рене несколько секунд смотрел на неё, а тогда повернулся ко мне.

— Я — наивный идиот, конечно. Зря верю в то, что она захочет или сможет хоть как-нибудь нам помочь...

— Тем не менее, ты всё ещё не развоплотил её. Чего ты ждешь?

На несколько минут воцарилось молчание.

— Она загадала мне загадку, — наконец-то медленно промолвил Рене. — Когда я догадаюсь, как выбраться из этой петли... Тогда всё будет хорошо. Наверное.

В его голосе не было и следа обычной уверенности, и я невольно поёжилась. Признаться, какой-то части меня хотелось потребовать, чтобы Рене развоплотил Матильду и даже не вспоминал о ней.

— Какую загадку? — вместо этого спросила я.

— Истинные раскачивают баланс, чтобы остаться живыми. Чтобы убить Истинных, надо восстановить баланс. Чтобы восстановить баланс, надо убить истинных, — улыбнулся Рене. — Как тебе?

— Занятно, — сглотнув, тихо промолвила я.

— Вот и я говорю... Занятно, — согласился мужчина. — Но не задавайся этими вопросами. Ты здесь ни при чем; это моя проблема, и я сделаю всё, чтобы её решить. Больше

никто из-за этого пострадать не должен.

Надо сказать, я не слышала в его голосе прежней уверенности, той, с которой раньше Рене преодолевал все неприятности. Мы замерли друг напротив друга, и я почувствовала, что мне становится всё труднее и труднее дышать.

Наконец-то Рене отстранился, кажется, вспомнив о том, что он прежде что-то делал, а потом из-за меня и из-за Матильды отвлекся.

— Коллекционеры, — раздраженно протянул он. — Коллекционеры... Чтоб вас... Ты же не собираешься это подписывать, я надеюсь? Она вытянет из этого швейного цеха все ресурсы и просто сбежит, если позволить ей ставить свои условия.

— Не собираюсь. Отдам те три платья за наличные деньги, безо всяких договоров, — промолвила я. — Потому что деньги нам нужны, хоть такие. Хотя... Что за них купишь?..

— Ну, — усмехнулся Рене, — ткань, может быть?

— Я заглянула в магазин по дороге домой, и ткань, поверь мне, стоит достаточно дорого, чтобы предлагаемая цена за платья едва покрыла пошив трех следующих, — фыркнула я. — А покупать их у нас никто не будет. Я уж молчу о том, что лицензий у нас нет, а превращать швейный цех в модный дом — отличная идея, но это до первой проверки. А первая проверка подоспеет очень быстро. Войчик уже сегодня предлагал мне за тобой шпионить — случайно пересеклись.

Я сказала это с такой небрежностью, что даже сама испугалась собственного равнодушия, но Рене явно не напрягся.

— Войчик, — махнул рукой он. — Просто пешка. Понять бы, что ему надо... Но это пока что может подождать. Так думаешь, денег за платья не хватит ни на что приличное?

— Нет, — хмыкнула я. — Разве что куклам платья шить...

— Куклам?

В голосе мужчины не было никакого интереса, он переспросил, кажется, просто так, чтобы поддержать разговор. Но я вдруг вспомнила, что куклы были не так уж и просты. Тем более, Матильда вспоминала о коллекционерах...

— У Сандры в бутике были куклы. Такие, сантиметров пятьдесят высотой. Фарфор, роскошные платья, — кивнула я. — Только она их не продает. Я ещё подумала, странно, ведь за них можно выручить немало денег. И расходные материалы не такие дорогие, именно платья. Только найти б, кто делает их. Но вот в чем загвоздка: одна из кукол оказалась поразительно на меня похожа.

Рене аж подался вперед. В его синих глазах заблестел интерес, и я поняла, что, кажется, зря не сразу упомянула о своем странном приключении.

— И там я встретила женщину, — продолжила я, понимая, что замолчать уже будет по меньшей мере странно, — которая просила продать ей одну из кукол, потому что та очень похожа на её дочку.

— Дочка пропала? — моментально оживился Рене.

— Нет, не пропала, но...

Я помолчала немного, не зная, как правильно сообщить Рене о том, что узнала, а потом осторожно произнесла:

— Та женщина, которая хотала выкупить куклу, это твоя мать.

В комнате воцарилась пауза. Потом Рене осторожно, словно боясь меня спугнуть, переспросил:

— Моя?..

— Твоя мать, — уверенно повторила я. — Я когда из бутика вышла, она ко мне подошла, поговорить о куклах. Заметила, что одна из них похожа на меня, а вторая — на её дочку. И показала мне фотографию своей дочери, ну, и не только её. Сына ещё. Твою. Только ты там младше намного, наверное, фотография старая.

Выражение лица Рене описать было трудно. Сквозь привычную маску невозмутимости и спокойствия пробивалось что-то дикое и злое. Сначала я подумала, что он сердится меня за разговор с его матерью, потому поспешила добавить:

— Я не говорила, что мы знакомы, ты не волнуйся!

Но Рене это не успокоило.

— Да пусть бы и сказала, — промолвил он. — Я ж тебя не скрываю... Ты не Матильда, чтобы людям было стыдно показать... Нет, проблема в другом. Я ведь говорил тебе, что Эдита, моя сестра, тоже была из тех, кого поменяли местами в детстве с двойником из другого мира? Ты посмотри, какое чудное совпадение. Матильда упоминает коллекционеров, у Сандры куклы, которых она не продает, и среди них две похожи на людей, и эти люди — о чудо! — как раз те, кого поменяли местами между мирами... Сдается мне, — он усмехнулся, — мы наведаемся к госпоже Сандре вместе.

Рене остановился у витрины и долго, внимательно рассматривал кукол. Их там было предостаточно, семь хорошеньких девиц и двое юношей, спрятанных в самом углу, в дорогостоящих роскошных костюмах. Все наряды казались приветствием из далекого прошлого; я своим не слишком наметанным взглядом определила их как викторианские, но могла, разумеется, ошибиться и просто воспользоваться первым пришедшим в голову словом, более-менее подходящим.

А вон то платье, самое дальнее, кажется, вообще из барокко, слишком уж вычурные...

— Да уж, — Рене недовольно пощелкал языком, выражая собственное неодобрение по отношению к этому стройному кукольному ряду, и я без всяких сомнений определила, что с ними что-то не так. Понимания, что именно, у меня не было, но уже по одному виду Хранителя Времени можно было сказать, что дела неладные.

— Ты что-то об этом знаешь? — спросила я наобум.

...У витрин останавливались люди. Замирали дети, с восторгом тыча пальцем в красивые фигурки за стеклом. Улыбались женщины, слегка поворачивая головы. Некоторые из них бросали на самого Рене кокетливые взгляды, а на меня — неодобрительные, мол, посмела занять такого красивого мужчину, кручусь рядом с ним, мешаю познакомиться.

Но такого жесткого, злого взгляда, как у Рене, не было ни у кого. Куклы вызывали у него не просто любопытство или заинтересованность, а жгучую злость. Мне казалось, её искрами наполнился воздух, и я буквально чувствовала легкие электрические разряды, исходившие от Хранителя Времени.

— Об этом я не знаю ничего, — проронил Рене. — Но большинство лиц мне знакомо. Вон там Вианна, — он указал на самую дальнюю куклу.

Это была хорошенькая блондинка в том самом излишне вычурном платье. Всё-таки, барокко, рококо или какой-то непонятный стиль, которому я не могла дать корректное название?.. Надо было лучше изучать историю и не пролистывать параграфы о культуре того периода!

— Вианна?

— Да. Её двойник попала в местную больницу с сильнейшим отравлением. Потом — аллергия на препараты, которыми её пытались лечить. Пришлось срочно переправлять её в другой мир. Оказалось, её местный аналог собиралась ограбить кого-то очень важного. Успели вовремя. Теперь здесь... Вроде бы встала на путь исправления.

— А та, вторая?

— Откачали, — рассеянно ответил Рене. — В порядке. Я навещал её, когда в последний раз... Когда за тобой ходил. А вот это Эндрю. Андрей в том, твоём мире. Его мы обнаружили чисто случайно, и он вел очень серую жизнь что тут, что там. Даже сначала было непонятно, почему его выбрали для перемещения. Вроде как влияния на баланс ноль...

— И почему его?

— Подходил в качестве донора одному нехорошему человеку. Подозреваю, баланс вытолкнул его потому, что смерть этого парня ничего б не изменила. Подменили, и нехороший человек, хм, спастись не успел.

Я вздрогнула.

— Это ужасно.

— Ну, сейчас же всё хорошо, — скривился Рене. — У них. А вот у нашего мира не очень. И, знаешь, теперь это всё меньше походит на совпадения.

— Она коллекционирует спасенных?

— Откуда б она знала? Эта информация оберегается. Вианна, например, живет в одном крохотном городке у моря, и вряд ли Сандра когда-либо контактировала с ней лично. Однако, кукла стоит. И у меня по этому поводу не слишком лестные мысли, как понимаешь.

Я кивнула. Конечно, понимала, что всё это явно неспроста. Сандра ещё при первом знакомстве вызвала у меня подсознательное подозрение, а сейчас эти мысли только подтверждались.

— Надо поговорить с ней, наверное? — я коснулась руки Рене, привлекая его внимание, и он непроизвольно сжал мою ладонь, а потом оглянулся, кажется, выискивая Матильду. Но её здесь, разумеется, не было; она осталась в тонком энергетическом кольце, привязанная к нему силами Рене.

Это стоило ему немалых усилий, но, кажется, мужчина предпочитал быть уставшим, но только не с Матильдой. В какой-то мере я понимала это его желание; призрак бывшей любовницы мог бы вывести из себя кого угодно. К тому же, Рене, кажется, испытывал легкий стыд за то, что я тоже видела её и слышала её слова.

Сегодня ночью мы просто легли спать — ни о чём другом и речи не могло быть, поскольку Матильда устроилась на соседней кровати, — и я слушала её недовольное бормотание о неверных мужчинах, пока наконец-то не уснула под сопровождение занудного голоса. Утром Матильда была всё там же и пыталась продолжить нотацию, но мы уши, оставив её в энергетической петле.

— Да, — кивнул Рене. — Надо поговорить. Ты позволишь мне взять инициативу на себя?

Я поджала губы. Упрямство всколыхнулось где-то в сознании, но практически моментально притихло — я вспомнила, что в прошлый раз едва не поставила подпись под документами Сандры.

— Тогда пойдем, — Рене потянул меня за руку. — Поговорим...

Он толкнул дверь бутика и заглянул внутрь, в просторное помещение. В воздухе пахло чем-то терпким, и я удивилась, как не заметила этого прежде. Но спустя несколько секунд вспомнила, что именно со шлейфом этого аромата пришла Сандра. Я просто так привыкла к нему за период нашей беседы, что, оказавшись в бутике, не обратила внимание на повышенную концентрацию вроде бы приятного, но какого-то удушливого, слишком назойливого запаха.

Надушенные чем-то, роскошные платья, костюмы, юбки, блузы буквально притягивали к себе. Я скользнула восторженным взглядом по одежде, которую мне не суждено было даже примерить. Да и, впрочем, зачем? Я никогда не страдала слишком большим влечением к красивым нарядам и прочей мишуре, но сейчас меня буквально тянуло ко всей этой одежде.

Я остановилась у какого-то роскошного платья и одурманенно провела по ткани ладонью.

— Оно роскошное, — пробормотала я. — Просто прекрасное...

— Обычное же платье, — хмыкнул Рене.

— Необычное! — воскликнула я. — Ты только посмотри!.. Посмотри...

Но сказать, что именно необычного в нём было, я не смогла. Провела несколько раз

ладонями по ткани, даже приложила к себе, пытаясь представить, как бы мне было хорошо в этом роскошном платье. Вот, казалось бы, вполне обычное на вид... Простого кроя, даже очень, и совсем не того разряда, когда в простоте прячется что-то величественное. Но в тот же момент я почему-то не могла выпустить его из рук. Касалась расклешенной юбки, представляла, как оно подчеркнет мою талию, которую сама прежде считала не слишком уж и тонкой — вполне обычной и не сказать что самой привлекательной на свете. Хотя, Рене же нравилось, судя по тому, что он не хотел выбираться из постели...

— Вам чем-нибудь помочь? — к нам подскочила улыбчивая консультантша.

Вчера я её здесь не заметила, наверное, была смена какой-то другой девушки. Эта смотрела на меня широко распахнутыми, как будто от удивления, глазами, и улыбалась так, что даже становилось не по себе. Зато терпкий аромат на секунду рассеялся, и платье мне понравилось ещё больше.

На задворках сознания мелькнула предательская мысль, что это, между прочим, ненормально. Я никогда не вела себя так странно и не питала слишком большой страсти к одежде, а сейчас была готова просто душу отдать за платье.

— Вот, — я встряхнула платье.

— Желаете его примерить? — затараторила девушка. — Отличный выбор! Это платье прекрасно сядет по вашей фигуре! Может быть, подберем к нему заодно туфли и аксессуары...

— Позовите, будьте добры, владелицу этого бутика.

Голос Рене выдернул меня из странного дурмана. Я перевела на него удивленный взгляд, не до конца понимая, зачем ему вообще сдалась владелица бутика, если мы уже нашли платье мечты, а потом внезапно вспомнила, что мы пришли сюда не за нарядом.

В голове боролись здравый смысл и непонятная, неизвестного происхождения обида. Я попыталась запрятать её как можно дальше, но тщетно. Мысли разбегались в стороны, протестуя против моих попыток вести себя более-менее адекватно, а платье словно жгло руки.

— Я могу помочь вам сама, — продолжая улыбаться, заявила консультантша. — Может быть, я...

— Позовите госпожу Сандру, — с нажимом повторил Рене. — И чем скорее, тем лучше.

— Да, — рассеянно кивнула я. — Позовите-позовите.

— Может быть, — осуществила последнюю попытку девушка, — вы хотя бы примерите платье? Оно очень...

— Нет, — Рене отобрал платье. — Мы пока что ничего мерить не будем, — он повесил его обратно, и я ощутила острый укол обиды.

Жадничает? Да, оно дорогое, но такое красивое! Такое...

Я же могу купить его за свои деньги, которые выручу за платья Милли...

Мысль о делах швейного цеха внезапно отрезвила меня. Я почти безропотно отдала Рене платье, уже даже не пытаясь вернуть его обратно в свои загребущие руки, а сама попыталась немного привести себя в чувство. Платья... Какие платья! О чем вообще речь? Почему меня так потянуло на глупости?

Консультантша наконец-то поняла, что просто так сладить с нами не получится, и нерешительно двинулась в сторону прятанной в уголке двери, что вела на склад и в кабинет госпожи Сандры. Я попыталась вдохнуть воздух полной грудью, чтобы окончательно успокоиться, и перед глазами вновь зарябило. Дурацкие мысли о покупках

вновь запрыгали на задворках моего сознания, и только горячая ладонь Рене, покоившаяся у меня на плече, позволяла одуматься.

— Мне как-то... Что-то тут не так, — наконец-то опасливо выдохнула я. — Я никогда прежде себя таким образом не вела.

— В том и проблема, — серьезно кивнул Рене. — В том и проблема... Тебе уже лучше?

— Не совсем, — я скосила взгляд на платье. — Оно правда обычное?

— Правда. Ты заслуживаешь в десять раз лучшего. Думаю, если обратиться к Милли, она может сотворить из ткани истинное чудо.

— Да, логично...

И стоять это чудо будет не как половина швейного цеха.

— Добрый день! — раздался голос госпожи Сандры. — Рада приветствовать вас в моём модном бутике. Ирэн сказала, что вам необходима моя консультация... Чем могу помочь?

— Чем можете? — переспросил Хранитель Времени. — Ну, для начала, госпожа Сандра, расскажите мне, что за психотропное вещество вы распыляете в этом бутике, что оно приводит клиенток в неадекватное состояние и заставляет их платить огромные суммы за вещи, которые явно относятся к масс-маркету?

У Сандры на лице не дрогнул ни один мускул. Она так спокойно воззрилась на Рене, словно Хранители Времени ежедневно приходили к ней с подобными обвинениями. Однако, и мужчина чудесно держал себя в руках. Спокойствие, отражавшееся в его глазах, было несвойственным даже для него, и я невольно залюбовалась мужчиной.

— Не понимаю, о чем вы говорите, — отметила она. — Для таких обвинений нужны серьезные основания, молодой человек, и если вы позволяете себе подобные голословные заявления, то не должны удивляться, что вас выставят за дверь.

— Меня не выставят за дверь, — отозвался Рене. — Просто не посмеют.

— Вот как. И чем же вы столь особенны, молодой человек?

Вместо ответа Рене спокойно потянул за цепочку. Песочные часы легли сверху на рубашку.

Когда-то он упоминал, что большинство обычных людей понятия не имеют, что это означает. Для них статус Хранителя Времени — не более чем должность какого-то человека, с которым они не сталкивались никогда в жизни. Но во взгляде Сандры мелькнул испуг вперемешку с узнаванием; она сплотнула и стала ещё ровнее, вытянулась так, словно за ссутуленные плечи её бы сейчас ударили.

— Не ожидала увидеть вас в моём бутике, — её голос дрогнул. — Однако, даже ваш высокий статус не даёт права обвинять в подобном голословно.

— Мы можем всё проверить, — пожал плечами Рене. — Мне не составит труда взять пробы воздуха, поискать источник этого удушающего аромата... Может быть, обнаружить ещё несколько артефактов, эманации которых вызывают у ваших клиентов неконтролируемое желание приобрести что-нибудь. Но, может быть, в этом нет смысла? Достаточно просто отправить сюда государственную службу по регуляции цен или связаться с вашими поставщиками и поинтересоваться, оговаривали ли вы подобные цены на продукцию. И всё.

Его тяжелый, внимательный взгляд Сандра выдержать не смогла — отвернулась уже через несколько секунд. Мне показалось, что на мгновение удушающий запах стал ещё сильнее, а потом немного ослабел. Наверное, женщина деактивировала какой-то артефакт.

— Что вам нужно? — прямо спросила она.

— Мне много чего нужно, — усмехнулся Рене. — И, думаю, это не те темы, которые вы захотите обсуждать при свидетелях.

Сейчас других покупателей в бутике не было, но вот продавец-консультант уже наострила уши, пытаясь уловить какую-то часть разговора. Не желая допускать этого, Сандра жестом велела следовать за нею.

Мы с Рене, не собираясь с этим спорить, зашагали следом за нею. Рене явно не понравилось тёмное помещение склада, да и кабинет не вызвал ни малейшего доверия. Но свои чувства проявлять он не спешил. Вместо того, чтобы что-либо прокомментировать, он легко устроился на стуле, предназначенном для посетителей, и властно протянул руку, что-то требуя у меня.

Я понимала, что Рене играет роль, потому спокойно отдала ему документы госпожи Сандры, тот самый договор, который она предлагала мне подписать. Владелица бутика едва заметно нахмурилась, но, повинувшись властному жесту Рене, тоже села.

— Взгляните-ка на это, — протянул Хранитель Времени. — Ничего не хотите объяснить?

— А я должна что-то объяснять?

— Кажется, мы с вами уже пришли к выводу, что вы всё-таки должны, — твердо кивнул Рене. — Потому, будьте добры, приступайте. Можете начать с объяснения того, по какому праву вы создаете такие драконовские условия для своего поставщика.

— Это не запрещено законом.

— Если не считать закона совести, разумеется, — покачал головой Рене. — Но он вам, вероятно, неведом.

— Я никого не заставляю подписывать это. Если госпожа Анна решила ответить мне отказом, то она вполне могла бы сообщить об этом и вернуть документы, а не приводить вас. Мне кажется, у Хранителя Времени есть куда более важные дела, чем выявление несправедливых договоров.

— Это верно, — утвердительно кивнул Рене. — Несправедливый договор, впрочем, не самый большой ваш грех... Может быть, вы хотите прокомментировать бумагу, на которой его напечатали?

— Обыкновенная бумага.

Однако, госпожа Сандра побледнела. Её ответу это отнюдь не соответствовало. Женщина вмиг растеряла своё хладнокровие, и я боялась себе представить, что же такого она натворила, что настолько опасалась возможной реакции Рене и не смогла держать себя в руках.

— Нет, это не обыкновенная бумага. Вы пытались получить переносимую подпись госпожи Анны. Зачем?

Сандра молчала.

— Не желаете отвечать, нет? — лениво протянул Рене. — Что ж... Право ваше. Тогда я могу задать вам последний интересующий меня вопрос?

— Задавайте, — тихо ответила Сандра. — Хотя я не понимаю, что вам от меня нужно.

— Что ж... Почему моя предшественница, Матильда, отдала вам эти куклы и как они связаны с перемещенными между мирами людьми?

Сандра замерла.

— Я не понимаю...

— Нет, — возразил Рене. — Вы понимаете. Допустим, вы пользуетесь своими

средствами, чтобы продавать платья слишком дорого, и клиенты на это ведутся. Простим вам это. Предположим, вы хотели получить подпись госпожи Анны исключительно для своей пользы — хотя я не слишком в это верю. Однако, вы не можете утверждать, что эту бумагу получили от кого-нибудь иного, а не от Истинных, а значит, не можете отрицать свою связь. И куклы вы не продаете. Они там просто стоят. Рассказывайте, Сандра. Рассказывайте.

Она помолчала ещё с минуту, не желая выдавать какие-либо свои секреты, но после сдалась. Очевидно, у Рене было слишком большое влияние, чтобы так просто игнорировать его требование. И госпожа Сандра нехотя, буквально выдавливая из себя слова, промолвила:

— Бумага была платой за мои услуги.

— За какие услуги?

— За хранение кукол в правильных условиях.

— Вот как.

— Да, — кивнула женщина. — Они не должны были испортиться... Следовало периодически пускать к ним госпожу Матильду, чтобы она могла обновить какие-то заклинания, не знаю, о каких речь. Я всё делала. После того, как госпожа Матильда погибла, я просто выставила куклы на витрину. Никто не был против. Бумага сохранилась с тех времен, как и диффузор...

— Это он даёт такой запах?

— Да, он.

— В каком виде вам приходили куклы?

Губы Сандры сжались в одну тонкую линию.

— Куклы как куклы.

— В коробках?

— Нет, — покачала головой женщина. — Их привозили поштучно.

— В этих нарядах?

— Наряды подбирала я.

— Они имеют какие-то особенности?

— Я шила их сама, — ответила Сандра. — Это обыкновенная ткань. Это было моё хобби, не более того...

— Много у вас кукол?

— Те, которые на витринах.

Рене серьезно кивнул. Он явно сделал для себя какие-то выводы.

— Я заберу их, — наконец-то промолвил он. — Все до единой. На исследования. Вам придется украсить витрину чем-нибудь другим. Впрочем... — он усмехнулся. — Можете не тратить на это время. Думаю, совсем скоро ваш бутик будет закрыт. После первой же проверки.

Госпожа Сандра была бела, как мел. Я сама поразились тому, как легко угрожал ей Рене, явно не испытывая ни капли жалости по отношению к женщине. Я вроде тоже не питала к ней тёплых чувств, но поймала себя на мысли, что, возможно, Рене действует слишком радикально. Ведь, по сути, госпожа Сандра явно не самостоятельно причиняла вред тем людям, к которым какое-либо отношение имели куклы. Если б она что-то знала...

Если б это было ей под силу, если б она понимала, что тут происходило, стала бы она так легко подставляться, выставляя куклы на витрину?

— Однако, у вас есть возможность уберечь собственное дело, — промолвил Рене. —

Если вы пожелаете послушаться меня.

— Как минимум скажите, что нужно, — пожав плечами, проговорила она.

— Вы избавитесь от диффузоров. Отдадите их мне.

Госпожа Сандра, не сомневаясь, кивнула. Должно быть, она понимала, что это не столь большая плата за возможность продолжать работать.

— И все запасы этой бумаги. Использованное тоже.

— Там есть актуальные договора...

— Снимете с них копии на обыкновенную бумагу. У меня на глазах, — безжалостно припечатал Рене. — Или вы желаете отказаться и дожидаться более радикальных действий с моей стороны?..

Она мотнула головой.

— Нет, не желаю. Я отдам вам все запасы бумаги.

— Хорошо. Ну, и последнее... Вы дадите контакты человека, который привозил вам этих кукол. Скажите, откуда они брались.

— Госпожа Матильда...

— Я не сомневаюсь, что она не делала этого лично. Это на неё не похоже, — отрезал Рене.

Сандра вздохнула.

— Несколько кукол передал мне мастер-кукольник, — промолвила она, явно через силу выдавливая из себя слова. — Если пожелаете, я могу дать вам его контакты. Однако, я не знаю, насколько они актуальные. Этого будет достаточно?

— Да, — усмехнулся Рене. — Этого будет достаточно.

Сандра назвала адрес в самом захолустье города, и я, признаться, не верил, что там можно будет застать кого-нибудь живого. Однако, заметно покосившийся домик, каким-то чудом вместившийся между двумя обшарпанными многоэтажками, явно не пустовал. В окнах светился свет, можно было рассмотреть тень ходившего туда-сюда мужчины. Судя по всему, он что-то готовил на кухне, если я правильно определил предназначение этого помещения, и совершенно не ждал гостей.

Анна неуверенно переступила с ноги на ногу и поинтересовалась:

— Думаешь, это правда может быть тот самый кукольник? Здесь как-то так... Бедненько слишком, если честно.

— Не богато, да, — рассеянно кивнул я — Но уж как есть... Вряд ли Сандра в той ситуации была настроена лгать.

— Ты так думаешь?

— Я бы почувствовал, и она об этом прекрасно знает, — нехотя ответил я.

На самом деле, я был отнюдь не так проницателен и по косому взгляду ложь распознать не мог, но всё-таки кое-что понимал в людях. В душном бутике госпожи Сандры было место обману и мошенничеству, но ещё там оказалось слишком много страха. И остаточных эманаций. Все куклы уже давно были просто куклами, кроме той одной, лицо которой показалось мне незнакомым.

И веяло от неё той самой энергией, что и от энегони в подвале швейного цеха.

Это вызывало настороженность. Госпожа Сандра говорила, что шила платья сама, но я не был склонен верить в это. Мне показалось, что между кукольником, его произведениями искусства и самим швейным цехом протянулась какая-то невидимая связующая нить, и чтобы разобраться, что к чему, надо было пройти по ней и всё отследить, до последней магической капли.

Витрина бутика — странное место для хранения, но для чего-то же эта Сандра нужна была Истинным? Что она такого делала?

Впрочем... Сами по себе куклы мало у кого вызвали бы вопросы. Красивые. Похожие на кого-то. Какая разница? Тысячи людей проходили мимо этого бутика, не обращая на него ровным счетом никакого внимания, и большинству из них, кажется, было плевать на то, что там стояло на витрине?

Я и сам не обращал внимания, хотя знал это место. Если б Анна не указала, я б, наверное, никогда не посмотрел на эти витрины такими глазами, не стал бы выискивать общее между ними и людьми, которых вытаскивал из других миров...

Если б я обнаружил это на каком-нибудь складе или просто хорошо спрятанным, наверняка бы возникли лишние вопросы. В конце концов, на простые игрушки мало похожи! А вот на витрине всё вполне привлекательно и уместно...

Хочешь спрятать что-то, спрячь на видном месте.

Допустим, Сандра просто их хранила, может быть, добывала подписи необходимых людей, а взамен получала магическое подспорье для того, чтобы повышать себе продажи. Это показалось мне логичным, и я, тяжело вздохнув, велел себе не спрашивать, зачем делать схему настолько сложной. Матильду потом спрошу. Вопрос в другом.

Почему куклы? Что с ними не так? Да, похожи на перемещенцев, живших в другом мире, но этого мало, чтобы иметь какое-то магическое влияние. А оно было!

Матильда всегда была практична. Совсем не из тех, кто создавал бы куклы просто развлечения ради. Тогда она могла бы держать их где угодно, да и не давала бы такие щедрые дары за их хранение.

— Рене, — Анна потянула меня за руку. — Наверное, нам нужно зайти. Если мы так и будем стоять и гипнотизировать дверь, она от этого перед нами не откроется.

— А жаль, — я усмехнулся. — Но ты права, да. Пойдем. Сандра сказала нам его имя?

— Нет, — покачала головой Анна. — Ни слова. Как будто его как человека даже не существует. Кукольник. Даже не знаю, как спросить, он это или нет...

— Так и спросить, — вздохнул я. — Не переживай. Сам спрошу.

— Да я... Не нравится мне всё это, — призналась Анна. — У меня была спокойная жизнь. Нормальная работа. Как я в это вляпалась?..

— Скажи спасибо Матильде. Может, она хоть в ответ на искреннюю благодарность изволит ответить, зачем всё это сделала.

— Ты же говорил, для того, чтобы пополнить собственный энергетический запас?

— Оно-то так, но его можно было пополнять каким-нибудь не столь отвратительным путём. Впрочем, чему я удивляюсь? Это ж Матильда! Зачем поступать порядочно, если можно что-то испортить.

Анна не стала комментировать. Любое упоминание Матильды могло уничтожить остатки её хорошего настроения, и я, в целом, нисколечко этому не удивлялся. Приятного мало.

Удивительно, что Анна до сих пор не спросила, чувствую ли я что-то к Матильде. О да, чувствую! Ненависть, раздражение, отвращение — какой чудесный спектр эмоций! Поразит кого угодно своим потрясающим разнообразием.

Идиот малолетний, как только мог влюбиться в такое чудовище, как Матильда? Впрочем, грех жаловаться. Если б не отношения с ней, какими б они ни были, я б никогда не стал таким, как сейчас. Не научился бы обуздывать собственную силу. Остался бы очкастым мальчишкой, который всего боится и не умеет контактировать со сверстниками, занудствует по любому поводу и раздражает всех без исключения...

Я моргнул, одним движением ресниц смахивая остатки воспоминаний о Матильде, и подошел к двери в дом. Анна остановилась чуть поодаль, в метре от меня, словно всё ещё чего-то опасалась, хотя интуиция подсказывала мне, что ничего страшного здесь не случится.

Прежде чем мне открыли, постучать пришлось трижды. Наконец-то на пороге показался мрачный пожилой мужчина. Он поднял на меня грустный взгляд выцветших глаз и зло поинтересовался:

— Вам кого?

— Мне нужен кукольник, — промолвил я и заметил, как он стремительно изменился в лице.

Признаться, я ожидал, что мужчина будет отпираться, но он вместо этого спокойно отступил в сторону, жестом предлагая войти.

— Я не один, — промолвил я, кивнув на Анну. — Она тоже может зайти?

— Да, — кивнул он. — Я кукольник. Да. Пусть заходит.

Анна замаялась на секунду, но всё-таки последовала за мной. Взгляд у неё был немного

растерянный, но за два шага, что разделяли её и вход в дом кукольника, девушка успела собраться.

Потрясающая. Я на мгновение залюбовался ею, прежде чем первым зайти внутрь — мало ли, что может ждать в доме?

Впрочем, ничего страшнее грязи там не оказалось. Кукольник жестом велел следовать за ним, а сам вернулся на всё ту же засаленную, давно уже не мытую кухню.

Когда-то обстановка здесь была достаточно богатой, просторной, но от роскоши и чистоты не осталось ровным счетом ничего. Несколько стульев, выглядящих так, словно они вот-вот рассыплются на куски, широкий стол, застеленный серой от грязи скатертью с ободранными кружевами...

— Располагайтесь, — бросил кукольник, но мы так и остались топтаться у входа на кухню. Присаживаться, как и прикасаться к чему-либо, не возникало ни малейшего желания.

— Ваши контакты нам дала госпожа Сандра, владелица бутика в столице. Она сказала, что куклы, которые стоят у неё на витринах, изготовлены вами.

Мужчина легко пожал плечами.

— Может быть. Я был довольно известен... В узких кругах.

На мгновение он выкатил грудь колесом, явно бахвалясь, выдавил из себя горделивую улыбку, но практически сразу сник и отвел взгляд. Было видно, что на самом деле от былой бравады не осталось и следа. Известен!..

Сейчас он мог быть известен разве что местным властям и социальным службам. Дом находился в диком запустении, но кукольник этого практически не замечал.

Впрочем, алкоголя внутри не было. Да, грязно, да, мрачно, да, такое впечатление, что дом давно забросили, но, по крайней мере, из каждого угла не торчало по десятку бутылок и не было мерзкого запаха, свойственного жилищам алкоголиков.

— Госпожа Сандра сказала, что вам может быть известно что-то о причинах изготовления этих кукол и о том, почему они так похожи на живых людей.

— Потому что я мастер своего дела, вот почему, — хмыкнул кукольник. — Я делал их потому, что это красиво. Это творчество... Вы знаете, что такое творчество?

Я вздохнул.

— Не уходите от ответа, будьте добры. Кто у вас заказывал их? Для кого вы изготавливали кукол?

Мужчина только неопределенно дернул головой, как будто кивнул, хотя вопросы, задаваемые ему, требовали гораздо более развернутого ответа. Потом растянул губы в неприятной улыбке и промолвил:

— Я всего лишь творческий человек.

— Ваши творения как две капли воды похожи на людей, силой переселенных в другой мир. Вы знаете об этом?

— Другой мир? — переспросил кукольник.

На несколько секунд в его глазах загорелось что-то подобное интересу или пониманию, но очень скоро погасло. Он отвернулся, возвращаясь к рассматриванию грязной, ободранной скатерти, лежавшей на столе.

— Других миров не существует, — ответил он таким голосом, что его слова не вызвали ни капли доверия. — Я не понимаю, о чем вообще идет речь.

— Нет, вы понимаете, — я почувствовал, что горячусь, но спокойствие покинуло меня окончательно, сдержаться уже не удавалось. — И вы должны объяснить, что вы делали.

Разве неясно, что это может повлечь за собой ужасные последствия?!

— Я всего лишь изготавливал кукол, — пожал плечами мужчина. — К сожалению, ничем не могу помочь вам, молодой человек. Я не знаю, почему они похожи на людей, о которых вы говорите...

Мне пришлось приложить немалые усилия, чтобы не наброситься на него сию же секунду с кулаками. Хотелось просто стиснуть горло кукольника и вытрусить из него всю правду. Впрочем, не слишком сдерживаясь, я уже потянулся к его энергетическим нитям, но не успел.

— Вы жаловались, что у вас нет работы, — Анна подалась вперед, уперлась руками в стол и добавила в голос тех самых магических ноток, которые так поразили меня при первом знакомстве. — Я решу эту проблем. Вы опять станете изготавливать куклы, опять будете уважаемым мастером и сможете вернуться в любимое дело. Вы больше не будете прозябать в этой дыре. Но для начала вам придется сказать правду о тех, старых куклах. Без утайки. Иначе вы останетесь навсегда здесь, и да видят боги, это будет исключительно ваша вина.

Кукольник сжался. Голос Анны подействовал на него в разы лучше, чем все мои угрозы, и во взгляде мужчины я увидел какую-то совсем уж внезапную покорность. Он смотрел на девушку так, словно она пообещала открыть перед ним целый огромный новый мир в обмен на несколько откровенностей, и кукольнику в этот мир попасть очень хотелось.

— Садитесь, — наконец-то промолвил он, быстрым, нервным жестом указывая на стулья. — Опять изготавливать, надо же, надо же... Чаю?

— Спасибо, не нужно, — отказался я прежде, чем Анна успела произнести хоть слово. Есть и пить здесь точно не стоит, кто знает, что он может туда подсыпать. Мне совершенно не хотелось случайно оказаться подопытным кроликом и узнать, как на человеческий организм могут повлиять различные яды. Кукольник на первый взгляд выдавался безопасным, конечно...

Но на самом деле безопасные люди не имеют никакого отношения к махинациям Истинных и не создают кукольных двойников перемещенцев.

— Ну, не нужно так не нужно, а я выпью, — под моим пристальным взглядом кукольник наполнил свою чашку горячей водой и, не боясь обжечься, даже отпил несколько глотков. — Мастерство создания кукол было нашим семейным делом.

Я ощутил резкий прилив недовольства. Слушать очередную задушевную историю об истории чужой семьи не хотелось совершенно. Однако, Анна придержала меня за руку, словно намекая на то, что стоит выслушать мужчину максимально спокойно, и я остался на месте, не слишком-то сопротивляясь.

— Но куклы — это больше детские игрушки, а мне хотелось создавать что-то более красивое. Здесь не слишком склонны к коллекционированию, а я удивлялся, что люди не хотят поставить одну из моих красавиц на полки. Иногда я делал портретные куклы, но забирали их далеко не всегда. Кто-то фыркал... Однажды я сделал портретную куклу ей. Она осталась у меня, кстати.

Он подошел к одному из шкафчиков, открыл его и достал оттуда куклу.

Как две капли воды похожую на Матильду.

Я непроизвольно сжал руки в кулаки. Надо же, какая фотографическая точность! На меня смотрела уменьшенная копия Матильды, действительно очень узнаваемая, хотя выглядевшая куда более мило. Наряжена кукла была не в парадное платье, а в простую, сшитую не слишком умелыми руками одежду.

— Это я всё сам, — поспешил пояснить кукольник. — В швейных делах я не слишком силен... Я попытался подарить ей эту куклу, и она сказала, что моё мастерство потрясающее и должно служить куда более высокой цели. Я... Я был влюблен. Разумеется, я поверил! Вы представляете себе, что значит любить такую, как она? А быть простым... Простым парнем? Простым кукольником?

— Да, — нехотя ответил я. — Представляю.

Когда мы с Матильдой только познакомились, я был уверен, что отношения меня не интересуют вообще. Никакие, ни с кем. Матильда сумела меня переубедить. Ей понадобилось несколько дней, чтобы очередной мальчишка просто пал к её ногам; у меня не было ни сил, ни желания сопротивляться влечению и тому влиянию, которое она оказывала на меня. Всё закрутилось как-то само по себе, и я даже обернуться не успел, как был уже без памяти влюбленным в самую жестокую и самую опасную женщину этого мира.

Но иллюзии, даже самые стойкие, имеют свойство рассыпаться.

Не удержавшись, я накрыл своей рукой ладонь Анны. Она вздрогнула и, повернувшись ко мне, едва заметно улыбнулась, а потом вновь перевела взгляд на кукольника, делая вид, будто не придавала разговору о Матильде ни малейшего значения.

— Она сказала, что будет приносить мне проекции, а мне следует изготовить по ним кукол. И приносила. Я делал... Мне хорошо платили, а ещё мой труд уходил в чью-то частную коллекцию. Матильда говорила, что я стану знаменитым мастером! Но я старел, а знаменитости не прибавлялось. Мои куклы уходили одна за другой, и я спросил, кому они нужны в таком количестве. Она сказала, что меня не должны волновать эти вопросы. Я сыт, одет. Что мне ещё может быть нужно? Давно пора завести семью, да и наследник, который получил бы мою мастерскую, тоже не помешает... Но я хотел семью с ней! Хотел!.. Вы, — он подался вперед и впери в меня взгляд, — тоже хотели, чтобы она родила вам ребенка?

Судя по всему, Анне пришлось совершить огромное усилие, чтобы остаться сидеть на месте и быть хотя бы сравнительно спокойной. Мой ответ, однако, немного её успокоил.

— Нет. Я реалистично смотрю на вещи. Если женщине за много тысяч лет не понадобились дети, с чего б это вдруг она должна менять свои предпочтения?

— Я любил её! Разве в любви реально оставаться разумным?! — воскликнул кукольник. — У меня было всё... А не осталось даже самого простого. Она пропала. Забрала у меня последнюю партию кукол и просто пропала. У меня осталось только это. А потом... Потом я остался без заказов, без ничего. Оказалось, что мои куклы никому не нужны. Я пришел в тот цех, в который раньше доставлял свои куклы, и спросил, где она. Я всё ещё её любил, вопреки тому, что мы давно не были вместе. Я стал стар, а она не менялась... И мне сказали, — кукольник сжал зубы. — Мне сказали...

Он поднял на Рене взгляд.

— Сказали, что её убил её последний любовник. Что он занял вместо неё пост Хранительницы Времени, и что делать дальше, никто не знает. Им тоже перестали поступать заказы на то, что они делали раньше. Меня прогнали. Но ведь они делали простые вещи, у них ещё был какой-то заказчик, они многим занимались. А я? Я просто кукольник. И мои куклы больше никому не были нужны.

Мужчина опустил голову.

— И рассказать мне больше нечего...

В комнате воцарилась тишина. Я смотрел на кукольника, не зная, что испытываю на самом деле — ненависть, отвращение, жалость? Наверное, смесь всех этих эмоций, которая

никак не хотела формироваться во что-нибудь четкое. Ведь он слабый, безгранично слабый; позволил пустить себя под ноги, разрушил собственную жизнь и ждет, что кто-то его пожалеет, но сам даже не задумывался, какое зло мог творить.

Я сжал зубы. Вспомнилось, как поначалу Матильда пыталась подsunуть мне какие-то расчеты. Но потом я стал задавать неудобные вопросы, и она радикально разочаровалась в моей помощи. Сказала, что лучше обратится к кому-то другому, а мы...

Мы потратим время на более приятные занятия.

Что ж, очевидно, кукольник ничего не спрашивал. Он любил — причём не так Матильду, как её умение расхваливать его талант. О, она всегда была очень чутка к таким вещам. Подбирала правильные слова, оплетала своей паутиной всех, кто только позволял это делать. Будто под кожу проникала.

Мне стало противно. Но Анна, кажется, не растерялась, вместо этого спросила:

— Делали ли вы что-то особенное, когда изготавливали этих кукол? Может быть, какая-то процедура, которая на самом деле не требовалась прежде? Вспоминайте. Это может быть очень важно.

— Матильда просто приносила мне портреты людей, которые я должен был перенести на куклы, — покачал головой мужчина. — Ничего необычного. Это была работа на заказ, тонкая, почти ювелирная работа... Потом я отдавал сделанное — и ждал, пока ко мне обратятся ещё раз

— И всё?

— И всё, — кивнул он.

Анна забарабанила пальцами по поверхности стола. Она, как и я, сейчас испытывала острое разочарование. Мы искренне верили, что кукольник может знать что-то особенное, и теперь сталкиваться с полным непониманием ситуации было до боли обидно.

Однако, Анна сдаваться не собиралась.

— Хорошо, — решительно промолвила она. — Значит, вы утверждаете, что изготавливали своих кукол точно также, как сделали бы для любого другого заказчика, если б он попросил портретную?

— Именно, — кивнул кукольник.

— Вы помните технологию? Можете её воссоздать?

— Материалы...

— Если мы предоставим материалы и нужное оборудование?

— Конечно, — кивнул он. — Смогу... Но...

— Как вас зовут?

Мужчина замер. Он, кажется, не понимал, с чего б это Анне так внезапно спрашивать его имя. Однако, она смотрела ему в глаза, так легко и неотрывно, словно это не было для неё ни испытанием, ни хоть сколько-нибудь трудной задачей.

— Меня? — удивленно переспросил он. — А разве это важно?

— Конечно важно, — кивнула Анна. — Я же должна понимать, как зовут человека, которого я беру на работу.

— Берете? На работу?

— Да, — легко ответила она. — Я беру вас на работу. Я же сказала, что если вы ответите на вопрос о куклах честно, то получите возможность делать их вновь за умеренную плату. Я предлагаю вам присоединиться к моей команде. Может быть, в процессе заодно вспомните что-то.

— Но...

— Так как вас зовут?

Кажется, мужчина совсем растерялся. А потом тихо промолвил:

— Ивар.

— Ивар. Отлично, — кивнула она. — Собирайтесь, Ивар. Берите самое необходимое.

Сегодня мы с вами поедем в швейный цех. Посмотрите, что надо для нового места работы.

Он как-то рассеянно кивнул, потом встал, позабыв о своём чае, и поплелся в другую комнату. Кажется, отправился собирать вещи.

— Ты всерьез планируешь с ним работать? — спросил я, глядя на девушку.

Она кивнула.

— Мне надо цех вытаскивать, — ответила со всей серьезностью. — А сделать это отнюдь не так просто, как может показаться. В общем-то... Я надеюсь, что куклы эти можно будет хорошо продать. А тебе будет польза — посмотришь, как он это делал, узнаешь заодно, знакомы ли с ним мои работницы из швейного цеха, все дела...

— Хм.

— Да. Сплошная выгода, — легко улыбнулась Анна. — Я надеюсь, ты не против моего маленького самоуправства? Он ведь ничего не знает. Его память в другом. В куклах. Может, вернется к работе, оживет и заговорит. Или Матильда твоя...

— Не моя она, — скривился я. — Нет, не против. Ты замечательно придумала, Анна, — я потянулся к ней за поцелуем, но вовремя остановил себя, вспомнив, что сейчас нам точно не до нежностей. — Вряд ли мне бы удалось его разговорить.

Анна только легко пожала плечами, словно не принимая похвалу на свой счет. И подмигнула мне, перехватив внимательный взгляд.

...Потрясающая.

Был бы ещё я нормальным — женился бы сразу.

То, что Анна нравилась кукольнику куда больше, чем я, было понятно с самого начала. Меня он опасался, косился так, словно я обещал его убить, хотя на самом деле до серьезных угроз мы так и не дошли. Я попробовал возражать, когда Анна решила выделить ему место в общежитии и планировала наладить производство кукол, но, напорвшись на её решительный взгляд, сдался.

— Хорошо, — вздохнув, промолвил я. — Если ты действительно уверена в том, что делаешь...

Анна была уверена. Посетившая её идея попробовать восстановить производство кукол не сказать что очень меня вдохновляла, но ни одного разумного аргумента, не считая не слишком-то действенной фразы «мне всё это не нравится» у меня не было, потому пришлось просто смириться. Тем более, Анна действительно не сомневалась ни минуты в принятом решении и собиралась его отвоёвывать.

Для сражения ни у кого из нас явно не осталось сил.

В результате кукольника в общежитие она повела одна. Я понимал, что как только переступлю порог комнаты, как Матильда сразу же вырвется из контура и устроит очередное цирковое представление, потому, пытаясь выкроить себе ещё несколько секунд спокойствия, направился в сам швейный цех.

Там было темно и пусто. Наверное, все уже разошлись, да и работы для большинства сотрудниц пока не находилось — ведь не осталось ни тканей, ни денег, чтобы эти самые ткани приобрести. Я медленно пересек коридор и хотел было повернуть обратно, но услышал тихий шорох, доносившийся откуда-то из подвальных перемещений.

Я вспомнил о странной энергии, которую передал на лабораторное исследование. По словам Томаса, который, собственно, и связывался с лабораторией, там ничего толкового узнать так и не смогли, а потом образцы просто развеялись, смешались с воздухом. Неудивительно, что это произошло, учитывая, как старательно трудятся наши лаборанты...

Разогнать бы их всех. Как там говорят в мире Анны? К чёрту. Вот к чёрту и отправить всех, кем бы этот чёрт ни был.

Втянув воздух сквозь плотно стиснутые зубы, я медленно направился в сторону подвалов. Впереди простиралась тёмная лестница с побитыми ступеньками, но меня что-то удержало от включения магического света. Почему-то пользоваться даром не хотелось.

В подвале воздух и так буквально трещал от магии. Энергетический источник, служивший вместо электричества, конечно, хорошая штука, но быть с ним надо предельно осторожным, чтобы случайно не нарушить какие-то невидимые нити баланса.

Каждое изменение может быть фатальным, и как бы я ни хотел это отрицать, смысла отказываться от очевидного нет.

Спустившись вниз, я почти сразу почувствовал странный горьковатый привкус воздуха. Утечка энергии? Но я старался закрыть всё довольно тщательно.

Значит, сюда кто-то лазил в моё отсутствие.

Кто-то из сотрудниц Анны? Но зачем? Делали же вид, что совершенно ничего не знали о деяниях Матильды в прошлом. Стало быть, лгали?

Не то чтобы меня это удивляло. Скорее нет, чем да. Но горькое осознание того, что и

тут соврали, ухудшало и так отвратительное настроение. Я, словно ослепленный, шел, пытаясь рукой держаться за невидимые связующие нити, но не получал желаемого результата. Постоянно упирался в пустоту. Бесконечная череда разочарования могла довести до иступления кого угодно, и порой я ждал, что на следующий шаг мне тоже не хватит упорства.

Хватало.

Надолго ли?

Шум усилился. Дверь в то самое складское помещение, где мы с Анной обнаружили люк и энергонить под ним, была приоткрыта, и в коридор попадало яркое зелёное свечение.

Вне всяких сомнений, для разгерметизации этого слишком много. Свечение было ярким, достаточно, чтобы я вполне различал силуэты предметов в коридоре. Наверняка там, внутри, вообще светло, даже читать можно, если зелёный свет не мешает.

Я, крадучись, подошел к двери и не сумел удержаться от злой усмешки, когда увидел то, что происходило внутри. Сила, которую я упорно запихивал куда-то далеко, в подсознание, всколыхнулась, отзываясь. Всё-таки, дар Истинных, к которым я нынче, к сожалению, вполне мог себя причислить, слишком реагировал на энергонити и всё подобное. Вот и сейчас сила вместе с волной напряжения растеклась по телу, прочно обосновываясь в нём.

Усмешка, искажившая моё лицо, тоже как будто не мне принадлежала. Но смотрел-то я на мир своими глазами.

И то, что видел, совершенно меня не радовало.

Люк, скрывавший энергонить, был откинут в сторону. Для того, чтобы сделать это, пришлось, вероятно, приложить немало сил, но некоторым людям не отказать в упрямстве.

Воздух буквально потрескивал от магической энергии, выплескивающейся в него. Зеленые блики раскрасили все стены помещения, и я отметил про себя, что это даже выглядело красиво, если не обращать внимание на душный запах плесени. Энергонить явно застоялась, её давно не использовали, но оставили там какие-то чужеродные частички. Купались они в ней, что ли?

А у люка, заглядывая внутрь, на коленях стояла Тамила. Она покраснелась — это было видно даже в окружении зеленых бликов, — и тяжело дышала, вглядываясь в пространство. Ни радости, ни каких-либо ещё положительных чувств у неё на лице не отображалось, наоборот, было видно, что женщина злится, пытаясь что-то найти. Но, очевидно, удовлетворить её запросы энергонить не могла.

— Интересно, да? — мрачно поинтересовался я. — Мне тоже.

Она обернулась и, взвизгнув, завалилась на бок, едва не проваливаясь в распахнутый настежь люк.

Моя магия отозвалась раньше. Плотные энергетические потоки легли поверх энергонити прежде, чем в неё успела упасть Тамила, и она, отпружинив от них, повалилась на пол. Энергонить затрещала, реагируя на приближение магии, а потом поглотила без остатка следы моего заклинания.

Интересный, однако, эффект. Я мысленно поставил себе пометку подумать об этом немного позже, когда кровь немного успокоится и перестанет, как бешеная, кипеть в жилах. Сейчас сила так и просилась на свободу. Её тянуло обратно в энергонить.

Я задался вопросом, помогло ли бы это восстановить баланс... Наверное, только мои силы — нет. А вот всех остальных?

Близость энергонити вытаскивала наружу всё, что было во мне от Истинного. Всё то,

что я долгое время пытался подавить. И если честно, Тамиле я сейчас не завидовал.

Она попыталась встать. Получилось это не с первого раза, но когда женщина наконец-то смогла крепко стоять на ногах, то запоздало осознала: бежать ей некуда. Единственный выход был перекрыт. Понимая это, она отступила подальше от раскрытого люка энергонити. Я же, напротив, подошел к нему ближе, впитывая энергию.

Так вот как ощущали себя Истинные, воруя силу этого мира. Тело наливалось магией. То, что я прежде считал проявлением могущества, не имело ничего общего с невероятным энергетическим потоком, который вливался в меня сейчас. Одно решительно движение, и можно было развалить половину этого швейного цеха. Или выпить Тамилу до дна, словно она была не человеком, а всего лишь сосудом, содержащим магию.

— И что ты тут делала? — поинтересовался я.

Голос звучал спокойно, но в нём звенели гипнотические нотки. Магия выходила из-под контроля.

Плохо.

Чем скорее я уйду отсюда, тем лучше будет, причем и для меня, и для Тамилы.

Но она этого явно не понимала.

— Я просто слышала шум.

— И?

— И пришла посмотреть, — сглотнув, промолвила она.

— Как впечатления? — холодно поинтересовался я. — Понравилось? Интересно? А откуда узнала, что тут люк есть?

— Да я случайно...

— Случайно, говоришь?

Я сделал шаг вперед. По позвоночнику будто пробежал ток. Теперь я остановился у самого края, и оставалось ступить вперед, чтобы слиться с энергонитью. Она притягивала, но я заставил себя даже не смотреть туда. Сейчас у меня была совершенно иная цель — Тамиле. В первую очередь надо разобраться именно с ней.

— Конечно, случайно, — утвердительно кивнула она. — Я и понятия не имела, что тут что-то есть. Но оно шумело и...

— Оно не шумело, Тамиле. Это не генератор, чтобы он издавал странные звуки. Ты знала, что тут находилось. И прекрасно понимала, что это такое. На энергонить ты пришла посмотреть не просто так, а нарочно. И не надо это отрицать.

Она всё ещё пыталась сохранить лицо. Смотрела на меня с плохо скрываемой ненавистью. Всегда терпеть меня не могла, да, ещё и Анне нашептывала, чтобы та не имела со мной дела. Может, оно и правильно, Истинные — не лучшая компания для общения, но какое право посторонняя женщина имела влезать в наши отношения, слишком хрупкие, чтобы легко пережить такого рода вмешательство?

— Тамиле, — я не сводил с неё взгляда. — Может быть, ты наконец-то пожелаешь пояснить мне, что здесь столько времени происходило?

Женщина попятилась и уперлась спиной в стену. Она оглянулась в поисках подмоги, но, разумеется, никого не увидела — потому что тут никого больше и не было.

— Госпожа Анна никогда б не позволила так со мной возвращаться, — прошептала женщина, сжимая руки в кулаки. В её слепом гневе чувствовался оттенок невероятной беспомощности.

Я вскинул руку, пальцами сжимая пустое свободное пространство. Тамиле всхлипнула.

Она пока что не чувствовала боли, только духоту, но знала, что будет дальше. Вне всяких сомнений, Матильда неоднократно практиковалась на собственных подчиненных.

Я никогда не заходил так далеко. И сейчас, чувствуя странное желание причинить Тамиле вред, оттолкнул его, вытеснил на задний план. Это не моё желание, это магия, протестуя, рвется на свободу. И нечего позволять ей лишнее.

Но Тамила уже и так достаточно испугалась.

— Госпожи Анны тут нет, — припечатал я, искренне надеясь, что она сейчас занята чем-то другим и не застанет меня в таком состоянии. — Потому в твоих интересах сейчас сказать правду. Что ты делала для Матильды? Что ты делала с энергонитью?

— Я...

Тамила зажмурилась, а потом выдохнула:

— Я купала в ней кукол.

Мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы не рвануться к ней и не стиснуть пальцами её горло. А хотелось. Боги, как же мне невероятно хотелось это сделать. Или просто зашвырнуть в эту энергонить, так мечтающую о пополнении. Наверное, человеческие жертвы могли бы немного исправить ситуацию...

Вместо этого я только пнул ногой люк, придвигая его ближе к энергонити. Зеленоватая субстанция внизу закачалась, будто выражая свой негласный протест, и мне пришлось, придерживая Тамилу магией, руками хвататься за люк и прикрывать дыру в полу.

Зеленоватое свечение в воздухе, разумеется, моментально пропало, его излучала именно бьющая из-под пола энергия. Магия потянула меня вперед, указывая невидимое направление, но я пока что проигнорировал его. Нет, центральный узел не здесь...

Сила утаскивала вперёд, указывая на ещё более страшный узел. Я мог бы сейчас пойти вдоль него и всё-таки добраться до какого-то результата, но вместо этого сдержался и остался стоять на месте. Меня больше всего волновала именно Тамила.

— Зачем ты этого делала? — спросил я у женщины.

— Госпожа Матильда не делилась с нами своими мотивами. Просто говорила, что надо делать, и я это делала.

— Слепо? Не задавая вопросов.

— Да.

— Не верю.

Тамила сжалась. Ненависть, очень откровенная и плохо скрываемая, прорывалась наружу, но она всё ещё верила в то, что отлично собой владеет.

— Она бы всё равно ничего не ответила, — мрачно промолвила Тамила. — Потому никто не задавал лишних вопросов. Мы получали партию кукол. Каждую я окунала в эту зелёную жижу, стараясь не прикасаться к ней самой руками. Держала несколько секунд, потом вынимала. Куклы от этого практически не менялись, с ними ничего не случилось. Даже просушивать их и не приходилось.

— И много было кукол?

— Достаточно, — кивнула Тамила. — После этого мы изготавливали для них стандартную одежду и упаковывали их. Потом рассылали по заказам.

— Вам платили деньги?

— Заказчики платили за партии кукол.

Отлично. Заказчики. Я не сомневался, что была не одна Сандра, но сейчас понял, что боюсь даже представить масштабы бедствия. А судя по тому, как на меня пристально

смотрела Тамила, явно чего-то дожидаясь, были они немаленькими.

— Сколько это длилось?

— Долго. Несколько лет, — мрачно промолвила Тамила.

Она уже поняла, что уйти от ответа не сможет, и теперь просто сверлила меня своими маленькими глазами. Отвращение, испытываемое к этой женщине, только возрастало, но я велел себе никоим образом его не проявлять. Явно же ничем себе не помогу и ничего нового не узнаю.

— Сколько всего было кукол?

— Я их не считала, — дернула плечом Тамила. — Мы всё оформляли официально. Это же просто игрушки! Мы не делали ничего плохого!

— Да что ты говоришь, — ухмыльнулся я. — Действительно, это же такая стандартная процедура — макать кукол в какую-то зелёную жижу, которую можно найти в подвале. Много людей знали об этом?

— Большинство просто отвечали за упаковку, — промолвила Тамила. — Сюда ходили только я и Элени.

— И где сейчас Элени?

Тамила отвела взгляд.

— Умерла, — пробормотала она. — Заляпалась этой зелёной дрянью и сгорела. Но со мной-то ничего не случилось. Я всегда была осторожна. Матильда предупреждала.

Я тяжело вздохнул. Выходит, всё даже хуже, чем я мог предположить? Но Тамила стояла живая, а сама по себе энергия не настолько опасна. Скорее всего, незнакомая мне Элени озвучивала лишние неудобные вопросы и пострадала из-за этого.

— Ладно. Лицензия у вас была?

Тамила опешила, с ужасом глядя на меня. Кажется, она явно не понимала, о чём вообще идёт речь и с чего б это я заговорил про какую-то лицензию. Можно подумать, заняться мне нечем. В её подозрительном взгляде можно было прочесть многое, от недоверия до страха. Какой чудный спектр эмоций.

— Какая лицензия? — переспросила ошеломленно она.

— На изготовление кукол, разумеется, — мрачно промолвил я. — Лицензия, спрашиваю, была? Я ведь понимаю, что кукольник не лично свой труд оформлял. Это ваше купание тоже каким-то образом в техкарту вписали. Или не существовало техкарт?

Тамила дернула плечом.

— Может, не стоит поднимать старое?..

— Стоит, стоит, — твердо промолвил я. — Так была или нет?

— Была техкарта, — наконец-то мрачно промолвила она. — Всё было. И лицензия старого образца была. Да только оно вам зачем?

— Надо, — твердо промолвил я. — Показывай, где вы её засунули. Посмотрим на ту вашу лицензию.

Тамила дрожала. Искать лицензию она явно не хотела, но, отлично понимая, что я не предлагаю альтернатив, не решилась спорить. Взгляд её метался из угла в угол, и она явно с трудом держала себя в руках, чтобы внезапно не разрыдаться, признаваясь во всём, что когда-либо совершала в своей жизни. Жалости к женщине я не испытывал ни капельки; Тамила вызывала у меня только стойкое отвращение и раздражение. Однако, на лицензию всё-таки было бы интересно взглянуть.

— Я не показывала госпоже Анне, — промолвила она. — Но только потому, что хотела

её уберечь. Нечего девочке лезть в былое. А она бы заинтересовалась. А потом... Кому они нужны, те проблемы?

— Действительно, кому надо узнавать, как Матильда упорно чужими руками творила зло.

Тамила прошла мимо меня. На сей раз пришлось посторониться, и она потянулась было к двери, собираясь хлопнуть меня в подвале, но в последнее мгновение под моим тяжелым взглядом передумала. Грузная, полная, она медленно побрела вперед, с трудом преодолевая коридор и полуразрушенные ступеньки. Сгорбилась, втягивая голову в плечи, и вообще всем своим видом демонстрировала смесь недовольства и страха. Наверное, если б Анна увидела её в таком состоянии, то ничего б хорошего обо мне не подумала. Сказал бы, что запугиваю несчастную женщину.

Да по этой несчастной женщине энергонить плачет!

Я сжал зубы, стараясь подавить внезапно вспыхнувший в душе гнев. Чем дальше мы отходили от подвала, тем легче становилось. И свет был не зелёным: моя магия всё-таки смогла произвести обыкновенный, напоминающий стандартную лампочку желтоватый пульсар. Он висел прямо над головой Тамилы, чтобы, если она вдруг вздумает рвануться в сторону или попытается творить глупости, я мог отреагировать незамедлительно, не пришлось бы даже пользоваться дополнительным плетением чар. Вот только эта мера безопасности почему-то совершенно не внушала мне доверия. И во рту был неприятный привкус.

Тамила медленно дошла до кабинета. Тот выглядел всё также бедно, как и прежде, но уже хотя бы опрятно. Однако, женщина не собиралась искать на столе. Она дошла до самого угла и, опустившись на колени, возилась с половицей.

Та поддалась не с первого раза. Минут через пять Тамила всё-таки сумела добыть из-под пола папку с документами, с трудом встала и протянула её мне. Неодобрение во взгляде усилилось; очевидно, я, как мужчина, должен был помочь пожилой и полной женщиной.

Жалости не было. Я вообще сейчас не рискнул бы к кому-то прикасаться, потому что магия бессмертных растекалась волнами по всему телу и будила мысли, далёкие от позитивных. И я даже не мог себя за них корить — не получалось. Здравый смысл — единственное, что удерживало от злодейств, а Тамила не была ни полезной, ни доброй, чтобы по отношению к ней у меня появилась здравая положительная мысль. Вот негативных — сколько угодно.

Приняв документы из её рук, я опустился в рабочее кресло Анны, разложил документы по столу и присвистнул. Ничего себе...

Если верить документации, права на продажу кукол, разумеется, у швейного цеха были. Была лицензия, закрепленная за ним, причём достаточно долгосрочная. Были и заказчики, среди которых я обнаружил и госпожу Сандру.

Сотни, если не тысячи кукол. И перемещенцев столько же? Мне удалось отыскать не так и много; может, кто-то из этих людей уже и жив не был... Потому что я не видел их энергетических следов. И теперь, кажется, начинал понимать, почему.

Документы не помогли мне понять, что именно Матильда делала с этими куклами, хотя натолкнули на определенные полезные мысли. К тому же, у меня зародилась идея. Анна ведь говорила о том, что производство кукол может быть полезным...

Вполне. Может, кто-то согласится приобретать их не только ради того, чтобы спрятать злодейства Матильды.

В любом случае, разберемся.

Я сгреб всё бумаги, сложил их в папку. Что ж... На самом деле, у Хранителя Времени были определенные рычаги давления, и давно пора уже их задействовать. А то так с меня большой начальник, как с Томаса балерина — никакой, в общем-то говоря.

— Передашь Анне, что сегодня на ночь не вернусь, — мрачно промолвил я, обращаясь к Тамиле. Та, не слишком радостная, стояла, спиной упершись в стенку, и сверлила меня взглядом.

— Так, может, сами скажете? — ей хватило совести не обрывать меня, зло напоминая, что я ей не начальство, но вот покорности, чтобы сказать, что всё выполнить, разумеется, ждать не следовало.

Я усмехнулся, с трудом затаптывая в глубине души всколыхнувшееся было раздражение.

— Я могу и сам сказать, но потом не удивляйся, что вам штат сократили. Как раз где-то в зоне секретарского состава.

Тамила неодобрительно скривилась. У неё в голове сейчас явно крутилась тысяча заявлений типа «шантаж ещё никого до добра не доводил», но явить мне хотя бы одну из версий своего неодобрения женщина так и не решилась. Вместо этого вздохнула и сказала:

— Передам.

Я уже не сомневался в том, что новость эта будет представлена не в самом лучшем свете, но знал, что мне придется поспешить. Зато потом сюрприз будет...

Если всё получится, разумеется.

А в последнем я очень сильно сомневался.

Глава двадцать вторая

Вечером Рене так и не вернулся. Тамила сказала, что ушел по делам, хотя высказала она это с таким видом, словно по делам Рене отправился в бордель или как минимум прошел мимо неё с барышней легкого поведения в обнимку.

Впрочем, то, что она терпеть его не могла, я и так знала и нисколечко не сомневалась в том, что Тамила воспользуется любой возможностью, чтобы дополнительно указать мне, насколько Рене плохая партия для простой девушки. Оно-то, конечно, так... Простым девушкам нечего делать рядом с Хранителями Времени.

Но я, затоптав своё беспокойство, предпочла уделить внимание другим деталям. Десяток споров касательно размещения кукольника Ивара утомили меня настолько, что я хотела только поскорее упасть в кровать.

Спорили мы рядом со скатертью-самобранкой, и та, благодарная за такой роскошный пир в виде гнева и прочих эмоций, выдала приличную порцию еды. Хотя что-то хорошее, хотя сытость никакого облегчения мне не принесла. Я с трудом добралась в свою комнату и вырубилась, стоило только оказаться в кровати.

Удивительно, но Матильда так и не попыталась меня разбудить или помешать как-нибудь. Утром, когда я проснулась, она сидела в своём защитном кругу и писала что-то пальцами в воздухе. Улыбнулась, когда увидела меня, пожелала хорошего дня и вернулась к своему привычному занятию. Казалось, сошла с ума. Но у меня было слишком много дел, чтобы обеспокоиться по этому поводу.

...Весь день я провела за работой. Для начала пришлось пересказать в очередной раз своим сотрудницам идею касательно кукол, потом — выслушать массу претензий и попытаться убедить их в том, что это действительно может оказаться интересным. Единственной, кто не пытался возразить, была Милли. Она же, к счастью, и сообщила, что изготовление кукол может быть куда более доступным для нас, чем пошив платьев на людей — хотя бы потому, что материалов понадобится куда меньше.

Я не знала, насколько удачна моя идея, но всё равно рассчитывала на неё. Ничего другого мне всё равно не придумать.

Ивар неоднократно подчеркнул: у него не осталось ничего, кроме знаний. Ни нужных материалов, ни инструментов. Всё это существовало у него в памяти, и мне пришлось уговаривать его изобразить всё то, что необходимо для изготовления кукол.

Неизвестно пока, удастся ли мне реализовать мою идею, но могла хотя бы попробовать! К тому же, многие сотрудницы швейного цеха действительно загорелись идеей попробовать, обещали помочь мне, если это будет в их силах. Одна только Тамила молчала. Она в тот день, когда я привела в дом Ивара, вернулась очень поздно, расстроенная, только сказала мне о Рене и отправилась спать. Следующим утром сказалась больной, и пока мы все вместе расчищали помещение, которое потом должны были отдать кукольнику, даже носа из общезития не показывала.

Этим утром я проснулась очень рано и просто лежала, глядя в потолок. Надо было вставать и что-то делать, но я не могла найти в себе достаточно сил, чтобы выбраться из постели и победить то гадкое волнение, что буквально приковывало меня к кровати.

— Эй, — вдруг отозвалась Матильда. — Не приходит, да? Скучаешь? Рене не тот

мужчина, по которому стоит грустить, деточка, — она подобралась к самому краю своей границы и смотрела на меня, полупрозрачная, но от того не менее сильно действующая на нервы. — Не грусти, красавица. Рано или поздно всё равно разбежитесь, так лучше рано, пока ты окончательно голову не потеряла... Не молчи. Поговори со мной, — она растянула губы в улыбке. — Может, расскажу что интересное.

Она вновь стала материальной и прижималась к краю своего ограничительного круга. Тот истончился, давая женщине возможности идти на контакт, и я задалась вопросом, почему Рене так и оставил её со мной наедине, а не забрал с собой или не развеял.

Жалеет до сих пор? Казалось бы, не должен, но кто знает, что у него в голове... Может, не хочет признавать этого, но любит до сих пор. Я не могла гарантировать, что это не так.

— Нам не о чем разговаривать, — мрачно промолвила я.

— Нынешняя любовница и бывшая. Действительно, нам совершенно не о чем разговаривать.

Матильда устроилась на полу в позе лотоса. Если присмотреться, можно было увидеть, что она витала в нескольких сантиметрах от пола. На губах женщины расцвела довольная улыбка, она, очевидно, понимала, что всё-таки сумела меня задеть, вывести из себя.

— Не смущайся, — протянула она, не сводя с меня внимательного взгляда. — Он не плохой. Если б я дурасть не сделала, я б до сих пор жива была, наверное. А он — нет. Но Рене из тех людей, ради которых творят безрассудства. Смотри, не клюнь на ту же удочку.

— Рене говорил мне, что пытался закрыть сестру от стрел, — нехотя промолвила я, садясь на кровати.

Матильда вздохнула.

— Да, правду сказал. А я его обняла, и стрелы пронзили нас двоих. Знаешь, что случается, когда смертный и бессмертный оказываются связаны одной стрелой?.. Обычно бессмертный выживает. А у нас вышло так, что я ему всё отдала.

— Но ведь он этого не просил, — отметила я.

— Больше тебе скажу, — хмыкнула Матильда, — он терпеть меня за это не может. Ему даром не сдалось это бессмертие, он считает это обузой. И Истинным быть ему не нравится. Он ненавидит тех, кто остался после меня. Рано или поздно он догадается, что сделать, чтобы от них избавиться, и выровняет этот баланс, но только это может случиться завтра, а может через тысячу лет. Так что ты бы его не ждала... Впрочем, можешь ждать. Он и так от тебя уже сбежал, а потом сбежит ещё дальше.

Мне понадобилась вся моя сила воли, чтобы ответить Матильде предельно спокойно:

— Уверена, сейчас Рене ушел по делам. Потом вернется.

— Конечно. Но у бессмертных дела бывают очень длительные. Некоторые длятся по несколько лет. Я как-то тоже по делам ушла. Оставила такого очкастого, неуверенного мальчишку. Сказала ему, мол, приведи себя в порядок. Лучше б не говорила.

— Мне это не интересно.

— Да не слушай, — махнула рукой Матильда. — Это ж ты хочешь Ивара к работе вернуть, правда? Это верно. Только где ты инструменты найдешь? Думаешь, получится материализовать?

— Я разберусь.

Матильда тихо рассмеялась. В мои силы она, очевидно, не верила, а я не считала нужным что-то доказывать.

— Выпусти меня отсюда, — попросила Матильда. — А я тебе расскажу, как

пользоваться твоим даром так, чтобы тебе удалось это сделать.

— Я не нуждаюсь в советах.

— Нуждаешься, — покачала головой она. — Ещё как нуждаешься. Рене многого не знает. Он ещё молод. Да, он силён, но он мальчишка. Я прожила в разы больше, чем он. В сотни раз, моя дорогая.

Мне хотелось зажать уши руками, но Матильда не отставала. Я выбралась из кровати, принялась переодеваться, стараясь не обращать внимание на пристальный взгляд женщины. Она будто оценивала меня. Логично, конечно, пыталась понять, кем сейчас увлечен её бывший любовник, но мне от её интереса не холодно и не жарко. И подогреть его совершенно не хотелось, наоборот, трудно было избавиться от стойкого желания спрятаться от неё за стенами и никогда не заговаривать даже.

— Ты симпатичная, — прокомментировала Матильда. — Хотя назвать тебя красавицей нельзя.

Я сверилась с отражением в зеркале. Ну... Обычная. Мягкие черты лица, глаза красивые, да, зелёные. Есть несколько лишних килограммов, хотя Рене говорил, что ему нравится, когда женщина не костлявая, и формы мои его тоже устраивали. Хорошо, конечно, любить чужие формы, когда у самого кубики пресса и ни грамма лишнего жира.

А ещё он волосы мои расчёсывал. Говорил, ему по душе мой насыщенный каштановый и лёгкие волны... Интересно, с Матильдой он тоже так себя вёл?

— Тебя, знаешь ли, тоже красавицей назвать нельзя, — отметила я.

Матильда вздохнула.

— У меня другие достоинства.

— Это ж какие?

Она ухмыльнулась.

— Я была бессмертная, а ещё обладала безграничной властью. Спросишь, какие у меня были достоинства, или, может быть, и так поймешь?

Я только повела плечом, показывая, что плевать хотела на её достижения. Матильда прижала ладони к прозрачным магическим стенам, пытаясь каким-то образом раздвинуть их и выбраться наружу, но тщетно. На губах её играла вредная полуулыбка.

— Ты думаешь, Истинному семья нужна? Дети? Что ты там ещё можешь дать, деточка? Не тешь себя пустыми надеждами. Рене теперь навеки связан со своим даром, нравится ему это или нет. А ты — такое себе напоминание о том, что у него могла быть другая жизнь, но он от неё самолично отказался. Знаешь, это не самое приятное, что может быть у человека... Я ему даже сочувствую немного, если честно. Потому что я бы так не хотела.

— Ты же сама с ним в отношениях была, — хмыкнула я. — Не мешало ничего, нет?

— Это другое, — скривилась Матильда. — У нас с ним были свободные отношения.

— А обнимать его и стрелы на себя принимать ты от большой свободы побежала?

Матильда на это не сказала ни слова. Она отступила от магической стены, бросила на меня полный ненависти взгляд и тенью растворилась в воздухе. Вновь пыталась сделать вид, что её здесь не существует. Конечно, больше ни про какую помощь с её стороны и речи не шло, и я невольно усмехнулась.

Что ж, могу сказать ей спасибо за то, что она оставила меня в покое. Это не будет лишним. Мне сейчас предстоит сосредоточиться на деле, а сделать это, пока Матильда, несносная женщина, продолжает смотреть на меня и поддевать своими колкими фразами, невозможно.

Я наконец-то привела себя в порядок и вышла из комнаты, почти преисполнившись уверенности, что всё у меня получится. Не просто так же от меня никак не отстанет Матильда, правда? Она что-то чувствует. Наверное, опасность, которую я толком словами объяснить не могу.

Собравшись с силами, я вышла из комнаты. Захлопнула за дверь прежде, чем успела услышать презрительное хмыканье Матильды.

И у входа едва не столкнулась с Селеной.

— У вас там ещё кто-то живёт, госпожа Анна? Любовь на троих? Я слышала женский голос, — она скрестила руки на груди. — Сначала вы притаскиваете в приличное общежитие одного мужчину, потом второго, теперь живёте втроем с Хранителем Времени и какой-то женщиной, а потом что?..

— Я разговариваю с самой собой, — подмигнула я Селене. — Можете не волноваться. Ваша руководительница не развратница, просто немного сумасшедшая... Где Ивар? Я надеюсь, вам хватило совести не выселять его посреди ночи?

Селена бы с удовольствием выселила, но мой прямой указ, видимо, помешал. Она смерила меня очередным полным неодобрения взглядом и сквозь зубы процедила:

— На месте ваш Ивар. Внизу. Рисует там что-то.

— Ну и замечательно, — усмехнулась я. — И не смотрите на меня так. Если не хотите вылететь на улицу, вам придется рано или поздно принять мои методы работы.

Селена так и не ответила мне ничего, оставила свой яд при себе. Я же спустилась вниз, на первый этаж, и, увидев там Ивара, жестом велела ему следовать за мной. Мужчина прихватил бумаги, на которых всю ночь упорно рисовал нужные ему инструменты с сохранением пропорций и поплелся за мной. Выглядел он всё также безжизненно, как и вчера, но, когда заметил мою уверенность, заметно приободрился.

Следовал шаг в шаг, неотрывно. Я вздохнула, заметив какие-то почти маниакальные огоньки у него во взгляде, но ничего говорить не стала.

Швейный цех не вызывал у Ивара ни малейшего интереса. Он практически сразу направился в выделенное ему помещение и принялся раскладывать по углам листки бумаги. Потом сел на оставленный в углу стул и воззрился на меня с надеждой.

— Я не уверена, что получится, — напомнила я, хотя на самом деле понимала, что слова не достигнут цели. Ивар всё равно будет надеяться до последнего, что б я ни сделала. Для него это очень важно.

Слишком важно.

Я подошла к углу, в котором лежал рисунок какого-то странного чана. Спрашивать, зачем Ивару понадобился именно такой, не стала, но, подумав, что он достаточно простой по форме, решила начать именно с него.

В прошлый раз по объёмной модели мне удалось исправить повреждения в здании настоящего швейного цеха, хотя это стоило мне огромного количества сил. Сейчас я попыталась выполнить все этапы самостоятельно. Был бы здесь Рене, конечно, было бы намного легче, но он так и не вернулся, а значит, мне следовало самостоятельно решать свою проблему. И чем скорее я это сделаю, тем лучше.

Магия заискрилась под пальцами, и я широким жестом обрисовала примерные очертания чана. Воздух уплотнился, и я, вспомнив, как воздействовала на швейный цех, попыталась вытолкнуть из себя магию и одновременно притянуть то, что реально сошло бы за чан.

На мгновение перед глазами всё поплыло, а потом буквально из пустоты начали вырисовываться реальные стенки огромного чана. Пальцы обожгло внезапным холодом металла. Я через рисунок скорее перетягивала в швейный цех реальный прототип чана, чем создавала новый. Однако, откуда я его вытягивала, не понимала даже сама.

Наконец-то, попытавшись ещё что-то изменить, я ощутила сопротивление. Вытащенный из чужой головы мыслеобраз превратился в бытность, а вот продолжить творить, воссоздавая что-то своё, я уже не могла. То ли сила не позволяла, то ли мне действительно не хватало знаний.

— Это чудо, — прошептал Ивар из своего угла.

— А то, — улыбнулась я.

На самом деле, мне было не слишком хорошо, но сознаваться в этом я не собиралась. Вместо этого перешла к следующему рисунку.

Это отбирало немало сил, но я, поняв, как именно надо работать, ощутила какое-то странное вдохновение и уверенность в том, что действительно смогу достичь хоть какого-нибудь успеха. Конечно, был шанс, что на середине пути упаду без сознания, но радость, сверкавшая в глазах Ивара, меня вдохновляла и подталкивала, так сказать, к дальнейшим свершениям.

Один за другим, появлялись необходимые кукольнику инструменты. Я подозревала, что сделать то же самое с материалами не сумею, но велела себе об этом не думать. Ивар сказал, что его инструменты остались непонятно где у Матильды, и она, может, уничтожила их и вовсе, растоптав так, как растоптала его сердце...

А вторых таких нигде нет. Впрочем, есть, конечно же, только стоят они...

Я пошатнулась и поняла, что мне придётся остановиться.

— Сделаем паузу, — обратилась я к Ивару.

— Уже с этим можно начинать работать, — твердо промолвил он. — Это... Потрясающе. Я и не думал, что такое возможно.

Вместо ответа я опустила на стул и закрыла глаза. Наслаждалась тишиной и временной передышкой, понимая, что не факт, что мне будет легко встать на ноги.

— Так-так-так, — услышала я мерзкий знакомый голос. — И что это тут вы делаете? Кажется, занимаетесь нелегальной деятельностью, госпожа Анна? Ничего не хотите объяснить?

Объяснять я ничего не хотела, однако, обернуться всё-таки была вынуждена.

Господин Войчик, как всегда, вооруженный какой-то папочкой, ручкой и цепким взглядом, приученным выхватывать из окружения мельчайшие ошибки, внимательно смотрел на меня и явно чего-то ждал. Я подозревала, что он рассчитывал на мой страх, потому улыбнулась максимально спокойно.

— Добрый день, во-первых, — промолвила я максимально холодно. — А во-вторых, уважаемый, не желаете для начала продемонстрировать мне какой-нибудь документ, позволяющий вам проводить здесь проверку?

— Может быть, я так, по-дружески.

Войчик, игнорируя мой тяжелый взгляд, всё-таки позволил себе зайти внутрь. Я смерила его раздраженным взглядом и с трудом подавила желание подойти к мужчине и врезать ему по сильнее, чтобы не повадно было и больше сюда он не потыкался. Увы, но подобное самоуправство вряд ли приведёт к чему-то хорошему, и я призвала себя к максимальному спокойствию.

Нельзя позволить ему одержать надо мной верх только на основании внезапности.

— Мы с вами очень далеки от понятия друзей, господин Войчик, — мой голос нынче был абсолютно ледяным. — Потому ни малейшего повода для дружеских визитов я не вижу.

— Вы очень негативно настроены, госпожа Анна.

— Скорее, стараюсь смотреть на вещи реалистично.

Войчик скривился. Он сделал ещё несколько шагов вперёд и взглянул на инструменты кукольника. Ивар, испуганный, вжался в угол. Мужчина явно не был готов к тому, что сейчас ему придётся столкнуться с проверяющим, потому выглядел очень растерянно. Я понимала: если позволю им вести диалог, то добром всё это точно не закончится. Надо было как можно скорее увести Войчика отсюда.

— Так что насчет документов? — вновь нарушила тишину я. — Вы собираетесь мне продемонстрировать какой-нибудь ордер или продолжите уповать на наши дружеские отношения?

Если б он опять упомянул о какой-то абстрактной дружбе и о том, что просто хочет всё здесь посмотреть, я бы без зазрения совести выставила его за дверь. Но, к сожалению, у проверяющего были в запасе козыри в рукавах.

— Раз уж вы так настаиваете на том, чтобы формализовать наши отношения, то вот, — он открыл папочку, которую сжимал в руках, и добыл оттуда тонкий лист бумаги. — На вас поступило заявление.

— И кто же заявитель?

— Он пожелал остаться анонимным. Однако, проигнорировать требование мы не можем.

Я отказывалась верить в то, что в моём швейном цеху завелась какая-то анонимная крыса. Скорее уж Войчик лично сотворил это анонимное заявление, чтобы дать себе лишний повод заглянуть ко мне в гости.

— Вот если бы мы с вами были друзьями, — вкрадчиво промолвил он, — тогда, может быть, я и подумал бы над тем, чтобы сначала проверить заявителя, а потом только сам швейный цех. Однако, вы упорно отрицаете возможность более тесного контакта. Так что у вас тут происходит? Уважаемый, вы кто?

— Я? — вскинулся Ивар. — Я кукольник...

— Кукольник... Стало быть, куклы делаете?

— Да, — кивнул он и тут же посерел, поняв, что, возможно, его утверждение только что вбило последний гвоздь в крышку гроба для нашего успеха.

— Как интересно, — проскрипел Войчик.

Мне хотелось зарычать от раздражения. Самое отвратительное, я понимала, что Войчик прав. Если б я сама была проверяющей, то наверняка уцепилась бы за то, о чём на таком этапе производства даже не задумываются. О лицензиях и прочем.

Но никакой документации у меня и близко не было. И Рене, у которого я могла бы спросить о местных законах, тоже рядом не оказалось, хотя сейчас он был мне очень нужен. И где его носит? Неужели нельзя было хоть лично предупредить, где пропадает вторые сутки? Нет же, передал через Тамилу...

— Так что насчет лицензии, госпожа Анна? — мерзким голосом напомнил о существовании своей персоны Войчик.

Я вновь подавила раздражение и ответила ему почти спокойной улыбкой.

— Вы считаете, что я держу её зажатой где-то между чаном и швейной машинкой? А

остальные документы замотаны в ткань? — вопросительно изогнула брови я.

— Так давайте поднимемся в ваш кабинет.

— У меня нет на это времени.

— О, — Войчик ухмыльнулся, — вам придётся его найти, если вы не хотите, чтобы цех был закрыт до выяснения обстоятельств.

Я с трудом сдержалась, чтобы не зарычать от раздражения, но кивнула, принимая условия игры. Жестом велела Войчику идти следом за мной и перехватила испуганный взгляд Ивара. Он явно переживал, если не за общий успех, то как минимум за то, что у него могут вновь отобрать возможность делать куклы.

Что греха таить, я сама сильно волновалась. Никакой лицензии у меня не было, а вариант стукнуть Войчика чем-нибудь тяжелым по голове, когда он отвлечётся, вряд ли достаточно хороший, чтобы действительно к нему прибегнуть.

Я велела себе успокоиться. Сейчас что-то придумаю. Однако, когда зашла в кабинет, ощутила полную растерянность. Войчик демонстративно подошел к столу, открыл те несколько папок, которые там были, и демонстративно изогнул губы в издевательской улыбке. Хотел сказать что-то колкое, но просто не успел.

— Это ищете, господин Войчик? Анна забыла документы дома.

Мы с Войчиком стремительно обернулись. В дверном проёме застыл Рене, и в его руках была какая-то совершенно незнакомая мне папка. Я вопросительно изогнула брови, Владлен же, не стесняясь своего любопытства, прямо поинтересовался:

— Что это?

— Это? — усмехнулся Рене. — Это лицензия на изготовление кукол, разумеется. Вы же на основании её отсутствия собираетесь производство закрыть. Так вот, смею донести до вашего ведома, что с документами всё в порядке. А что вы так смотрите? Почему не пытаетесь подойти, ознакомиться? Неужто вам совершенно неинтересно?

Войчик только зубами клацнул. А я почувствовала, как по всему моему телу разливается жар благодарности вперемешку с плохо осознаваемой, но уже любовью.

Я не был уверен в том, что поступаю правильно, когда вместо того, чтобы проехаться по всем адресам, найденным в документах, оставленных Тамиллой, первым делом обратился к знакомым в министерстве и попросил удостовериться в действительности лицензии и обсудить вопрос её продления, но, увидев Войчика, убедился, что не зря поставил именно это в приоритет.

Конечно, можно было сказать, что я так спешил, потому что не хотел потерять ценный для меня швейный цех. Понимал же, насколько важной может быть энергонить, таившаяся здесь.

В нашей лаборатории ничего толкового сказать об этом так и не смогли. Я подозревал, что работа с такой нестабильной субстанцией доступна далеко не всем, и мне, возможно, придётся вмешаться лично, чтобы достичь какого-то успеха.

И хотя эта причина была правдивой, я б солгал, если б сказал, что действовал, руководствуясь именно ею. Потому что сейчас, глядя на Анну, твёрдо понимал, что лицензию выбивал именно для того, чтобы ей не грозила никакая опасность, а мерзкий Войчик не попытался каким-либо образом причинить ей неудобство.

— Удивительно, — мужчина принял из моих рук папку с документами, открыл её и скривился так, словно я только что вложил в руки ему бомбу. — Я даже предположить не мог, что швейный цех так давно занимается изготовлением кукол. Мне казалось, здесь нет соответствующего оборудования.

— Милый Владлен, вам слишком часто что-то кажется, — с улыбкой ответил я, стараясь не смотреть на шокированную Анну — не хотел сбиться и каким-нибудь образом себя выдать. — Но, как видите, все документы в порядке. Госпожа Анна в этом швейном цеху ратует за законность.

— И всё же, — отметил Войчик, — мне придется детальнее проверить эти документы... Сделать дополнительные запросы...

— Конечно. Проверяйте, если вам охота тратить время на это, — я действительно не мог запретить ему заниматься проверками, хотя единственное желание, которое испытывал сейчас — это ударить Войчика посильнее, выбивая из него вечное желание совать свой длинный нос туда, куда не следует. — Но я вам гарантирую, что никаких компрометирующих сведений вы не обнаружите.

— Я даже не сомневаюсь в этом.

Тонкая цепочка, на которой висели песочные часы, символ моего бессмертия, неприятно жгла кожу. В последнее время, особенно после контакта с энергонитью, я всё чаще ощущал рвущиеся на свободу желания. Хотелось воспользоваться своей силой в полной мере, показывая таким, как Войчик, что они зря верят в безнаказанность и считают, будто могут говорить и делать всё, что взбредёт им в голову.

Однако, разумеется, пришлось в очередной раз сдержаться. Если я направлю свою силу во вред другим, то стану таким же, как Матильда и её приспешники.

Стоит ли говорить, что мне бы очень не хотелось уподобляться им?

— Как видите, господин Войчик, — Анна нарушила затянувшуюся тишину первой, заметив моё странное замешательство и длительную паузу, — всё в порядке. Документация в

приличном состоянии, и я не вижу ни единой причины, по которой вы имеете право и дальше проводить какие-либо проверки в моём швейном цеху. Вы хотели убедиться в том, имеем ли мы право заниматься изготовлением кукол? Имеем, как видите.

Владлен сжал тонкие губы. Сейчас он напоминал какое-то насекомое, разве что тараканьих усов не хватало для полного сходства. Взгляд тёмных глаз бегал из стороны в сторону, словно Войчик пытался выцепить ещё какие-то детали, но не мог.

— Мне очень интересно, — проронил он, — как будет и дальше развиваться ваш швейный цех под таким покровительством, госпожа Анна. Я обязательно загляну, чтобы удостовериться в том, что у вас всё в порядке.

— Как только у вас будет ордер, так сразу, — кивнула Анна.

Её улыбка могла обмануть кого угодно, может, даже Войчика, но только не меня. Я ни на минуту не засомневался в том, что Анна отнюдь не рада видеть этого мужчину и с удовольствием выставила бы его прочь за дверь, если б ей предоставили такую возможность.

Одна беда, что с представителями власти так обращаться ну никак нельзя.

— В таком случае, я постараюсь совсем скоро порадовать вас своим возвращением, — не остался в долгу Войчик.

Должно быть, тоже понимал, что ему здесь будут не рады, но желание напакостить его стало от этого только сильнее. Да и явно же он не по собственной воле сюда ходит.

Слишком много внимания не слишком преуспевающему швейному цеху.

Нет... Скорее всего, мои дорогие Истинные знают, что именно здесь — ключ к разгадке. Из-за энергонити? Да, она мощная, но не настолько, чтобы привлекать такое огромное внимание. Я б скорее сказал, что дело в куклах...

Что делала такого Матильда и что пытаются сокрыть Истинные?

Узнаю.

— Вас проводить, господин Войчик? — поинтересовался я. — Или, может быть, вы отыщите дорогу самостоятельно?

— Я надеялся ещё немного побыть здесь, осмотреться... Мне очень интересно, как нынче функционирует швейный цех. Я ведь вижу, что и трещина на стене куда-то исчезла, и строение уже не в том аварийном состоянии, что прежде... Знаете ли, это несколько удивляет, — протянул проверяющий. — Откуда были взяты средства на ремонт?

— Вы можете сделать соответствующие запросы, — пожал плечами я. — И узнаете в деталях, что именно здесь происходило и какой имело эффект. А теперь, будьте добры, покиньте помещение. Мне бы очень не хотелось напоминать вам в который раз, что вы здесь всего лишь гость, но вы вынуждаете меня это сделать.

Войчик не стал спорить. Он отвесил нечто напоминающее короткий поклон, коротко фыркнул, выражая собственное неодобрение, а потом спокойно прошел мимо меня. Наверное, собирался свернуть где-то внизу не туда, но потянувшаяся за ним магия, кажется, отбила у Владлена это желание напрочь.

...Как только дверь кабинета за ним захлопнулась, Анна ещё раз взглянула на меня, тихо охнула, а потом, не заботясь о том, что Войчик может вернуться, бросилась мне на шею.

Я только и успел, что крепко обхватить её руками, прижимая к себе, и втянул носом мягкий цветочный аромат её волос. Впрочем, с ним смешался ещё какой-то едва уловимый запах, смутно знакомый мне по прошлому опыту общения с Анной.

Она опять пользовалась силой, кажется, зайдя в этом куда дальше, чем нам удавалось

прежде. И волновалась.

От волнения воздух вокруг нас едва ощутимо потрескивал, и мне почудилось, что мир вновь наполняется числами. Они витали вокруг, недостижимые, описывая какие-то едва заметные связи между элементами. Весь швейный цех напоминал огромную математическую модель, как и люди в нём, и единственной, кого я не мог просчитать и не мог описать с помощью чисел, оставалась Анна.

Проклятье!

Если так будет продолжаться и дальше, это плохо закончится. Моя магия и так уже со скрипом поддавалась контролю, а дальше станет только хуже.

Усилием воли подавив две силы, вступающие в конфликт друг с другом, я крепче прижал к себе Анну.

— Мог бы сказать, что собираешься делать, — прошептала она. — Откуда ты взял эти документы вообще? Не было их здесь!

— Были, — покачал головой я. — Были, просто мы о них не знали. Тамила твоя показала, припрятала в тайнике. Прежде куклы изготавливались здесь и рассылались по поставщикам, разумеется, это регулировалось с точки зрения закона и даже прикрывалось кое-как, чтобы в случае независимой проверки можно было сослаться на обыкновенную коммерческую деятельность.

Анна выскользнула из моих объятий и взяла в руки бумаги.

— Потрясающе, — прошептала она. — Лицензия на изготовление, лицензия на продажу... Как тебе удалось?!

— Я взял за основу старые документы, — улыбнулся я. — Конкретной привязки ни к чему, кроме адреса и понимания, что речь идёт о куклах, не было, потому пришлось немного детализировать, чтобы у таких, как Войчик, не было возможности прицепиться к деталям, но... Как видишь, всё удалось.

Зелёные глаза анны сияли ярче обычного. Она выглядела такой счастливой, что мне даже не хотелось рассказывать о том, как именно Тамила поучаствовала в этом деле.

— Потрясающе, — прошептала девушка. — Значит, как только я закончу создавать инструменты, можно будет без страха приступать к работе!

Она отвернулась от меня, собираясь, очевидно, положить документы на стол, но я придержал девушку за талию.

— Что значит «закончишь создавать инструменты»? — надеясь, что в моём голосе сейчас не так много обвинительных ноток, поинтересовался я. — Не хочешь ничего мне объяснить?

— Я...

— Да, Анна?

В прошлый раз её попытки использовать дар едва не привели к фатальным последствиям. Я по себе знал, что с каждым разом резерв будет расширяться, но это не значит, что надо творить какие-то безумства и решаться на очередные глупости!

— Я ничего такого не делала, — поспешила уверить она меня. — Просто Ивару нужно было дать работу, чтобы он не простаивал, а денег купить весь инструментарий у нас нет... Да и, скажем прямо, не уверена, что найти необходимое ему так легко...

— И что ты сделала?

Анна потупила взгляд.

— Говори, — велел я, уже предчувствуя, что услышу какую-то шокирующую историю об

использовании магии. — Мне будет легче исправить последствия, если ты скажешь обо всём прямо.

— Да нет никаких последствий!

— Позволь тогда в этом убедиться.

В голосе зазвенели нотки настоящего Истинного — властные, приказные. Я почувствовал даже что-то вроде отвращения к самому себе. В своём нормальном состоянии я бы никогда не обратился к любимой женщине в таком тоне...

Но рано или поздно изменения должны были начаться. Сначала характер, манера поведения, особенности магии.

А потом поспешная смерть того, что люди называют совестью, черствость и склонность к жестокости, присутствующая, должно быть, у каждого Истинного. Я знал, как это будет, и то, что сейчас пытаюсь то отрицать, ничего не меняло.

— Хорошо, — вздохнула Анна. — Ивар нарисовал инструменты, которые ему нужны, и я попыталась вдохнуть в них жизнь. Мне удалось создать несколько, а потом пришел этот проверяющий. Вот и всё. Мне уже даже не дурно, и голова совсем не кружится! Я восстанавливаюсь, видишь же!

И махнула рукой, невольно провоцируя магическую вспышку вокруг себя.

Мне даже пришлось зажмуриться, чтобы не быть ослепленным тем снопом искр, что разлетались вокруг Анны. Она, кажется, смутилась, наблюдая за тем, как едва заметно потрескивал воздух после того крохотного мини-взрыва.

— Да, — вздохнул я. — Очевидно, восстанавливаешься ты быстро. Но пока что не слишком умеешь этим по-человечески руководить... Пойдем.

— Куда?

— Заканчивать твоё дело, разумеется. Ты же успела создать не всё?

— Не всё, — согласилась Анна. — Но я, если честно, была уверена, что ты станешь ругаться. Если, конечно...

— Если что?

— Если вернешься.

Я вздохнул. Хотелось пообещать, что возвращаться я буду всегда, но знал же, что однажды просто нарушу это слово. Быть Истинным — не просто быть бессмертным. Это больше, чем просто ответственность, сложнее, чем может показаться.

Быть Истинным — быть ответственным за весь мир.

Быть Истинным — понимать, что однажды эта магия затуманит разум, отравит все добрые побуждения, уничтожит всё то, что когда-то во мне ценили окружающие люди. Я мог сколько угодно радоваться тем изменениям, что происходили во внешнем мире, но на уровне энергетики с каждым днём всё становилось только хуже.

И это задевало меня.

Истинные редко когда принадлежат самим себе. В этом и их проклятье. Созданные как часть мира, они должны были погибнуть, как только в них пропала потребность, но почему-то остались живы. Это могло означать только одно — бороться необходимо, но лишь до того момента, как вместе со всеми остальными придётся просто стать частью мира, эдаким цементом, который залатает все трещины и не позволит разрушениям зайти слишком далеко.

Смогу ли я?

Уверенности в этом не было. Ни капли.

Смогут ли другие?

Если я лично не затолкаю их в энергетическую дыру или не придумаю другой способ, как их уничтожить, чтобы выпустить энергию на свободу и позволить балансу восстановиться, точно нет. Уж в этом-то я не сомневался.

— Ну вернулся же, — улыбнулся я. — Просто были срочные дела. Я не думал, что задержусь так надолго, думал, что уже вчера утром буду у тебя...

— Я волновалась.

— Что я не приду?

— Что с тобой что-то случится.

— Всё в порядке, — отмахнулся я, хотя, конечно же, солгал. Тогда вечером я убегал от неё в первую очередь потому, что боялся показаться чудовищем, не способным контролировать собственные порывы. Моя магия в те секунды жила собственной жизнью, и отнюдь не такой, как можно показывать людям. — Пойдем, посмотрим, что ты там поколдовала.

Анна крепко сжала мою руку и улыбнулась. В зелёных глазах рядом с радостью теперь соседствовала грусть, но я велел себе не заострять на этом внимание — понимал, что пока что ничего не смогу изменить. Конечно, надо бы сказать правду быстрее, чем настанет тот самый момент, когда уже ничего не изменишь, но я всё никак не мог на это решиться.

Девушка повела меня вниз, в один из залов швейного цеха. Здесь прежде были, если мне не изменяет память, несколько стареньких швейных машинок да широкие столы, но сейчас огромное помещение освободили. В углу оказался непонятный чан, на единственном оставшемся столе лежали инструменты, на полу то тут, то там лежали листы бумаги с какими-то рисунками, и между всем этим хаосом блуждал Ивар, что-то перекладывая с места на место.

Завидев нас с Анной, он, кажется, очень обрадовался.

— Госпожа Анна! — воскликнул кукольник таким голосом, словно это не он был меланхоличным и погруженным в себя совсем недавно. Я даже не представлял, что этот мужчина может настолько бодро говорить. — Госпожа Анна, это просто потрясающе. То, что вы создали — оно просто великолепное!

— Я смогла сделать только самое простое, — голос Анны звучал немного виновато. — Не уверена, что удастся сделать и остальное... — и уже для меня добавила: — Мне трудно создать изначальную форму по рисунку, а вот наполнить её уже немного проще.

Я кивнул. Мой дар работал иначе; создавать что-то новое было отнюдь не трудно, а вот вмещать в созданное силу приходилось, буквально выворачиваясь наизнанку. Если б я не стал Истинным, а просто нашёл Анну, наверное, мы бы отлично дополняли друг друга. Но мой настоящий дар упорно ускользал, и с каждым разом мне приходилось прилагать всё больше и больше усилий, чтобы вызвать его на свободу, высвободить и задействовать так, как должно.

— Что ж... Форму я создам, — улыбнулся я, хотя не был уверен в том, что действительно сумею это сделать. — Анна... Ты сможешь её заполнить, ведь так?

Она кивнула. И взяла меня за руку, хотя я этого не просил — но понимал, что это будет необходимо. Мой же дар, настоящий, никак не связанный со Временем, моментально отозвался, реагируя на её касание.

Магия, ожившая от одного простого касания, довольно просто выстраивала нужные формы. Мне достаточно было только закрыть глаза, чтобы воссоздать все формы, превращая

рисунки Ивара в объёмные модели. Со стороны это могло показаться даже простым, хотя на самом деле количество связок, точно продуманных нитей пространства, из которых выплетались формы, выстраивались структуры, было просто невероятным. Но мне нравилось буквально выстраивать мир из крошечных частиц.

Впрочем, это всего лишь модели. Сделать их реальными я мог, но для этого требовалось приложить слишком большие усилия.

Анна же, казалось, направляла свою силу внутрь созданных моделей, превращая их в действительность, даже не задумываясь над тем, что делает. Кружившаяся вокруг неё магия невероятной силы заставляла воздух буквально потрескивать под пальцами. Я не успел перехватить ни единой искры, хотя что-то в моей сущности, вероятно, последствие ненавистного бессмертия, рванулось вперёд.

Магия влилась в созданные формы безудержным потоком. Стремительно трансформировалась, превращаясь в нечто реальное, осязаемое...

Меня обожгло осознанием: именно такими и должны быть чары сейчас. Созидание в той или иной форме: как у меня, у Анны, у моей сестры Эдиты и даже её мужа, даром, что он чаще всего имеет дело с мертвецами.

То, чем обладали Истинные, давно отмерло. И не имело права на существование. Собственно, они и сами давно бы канули в небытие, если б не пытались так отчаянно хвататься за огрызки своей вечной жизни.

Неужели после стольких лет им всё ещё хотелось существовать?!

— Это потрясающе! — выдохнул Ивар, вырывая меня, да и Анну, из ступора. — Просто потрясающе! Я поражен... Я не думал... Они словно настоящие... Да нет же! Они настоящие!

— Да, — улыбнулась Анна. — Настоящие. Я думаю... Рене, может быть, нам стоит точно также поступить с необходимыми материалами?

Я отрицательно покачал головой. Анна храбрилась, но было видно, что она заметно устала, колдуя.

— Нет, — твердо заявил он. — Во-первых, это может быть очень опасно для твоего здоровья, а во-вторых, одно дело — инструменты, а совсем другое — товар. Я б не стал так легко торговать тем, что творит магия созидания. Думаю, господин Ивар со мной согласится.

На самом деле, меня мало волновало мнение кукольника, но он кивнул, подтверждая мои слова, и этого было вполне достаточно, чтобы переубедить Анну.

— Хорошо, — вздохнула она. — Как скажешь. Но...

— У нас ещё есть немного денег. Мы сможем потратить их на минимальный запас материалов для самой первой партии. Пусть она будет небольшая, — твердо промолвил я. — К тому же, ты всё ещё можешь отдать госпоже Сандре те три платья по старому уговору. Думаю, ей сейчас не помешает действительно эксклюзивный товар, а не тот ужас, который она собиралась продавать за такие деньги. На вырученные средства закупим новые ткани, благо, куклы не размером с человека, потому надо будет меньше... Я сделаю необходимую калькуляцию. Ладно?

— Мне неловко, что ты будешь тратить на это время... — начала было Анна, но, перехватив мой внимательный взгляд, вздохнула, смирившись. — Да, ты прав. Ты во всём прав.

— Вот и замечательно, — улыбнулся я. — Тогда поднимайся к себе в кабинет, посиди,

отдохни... А я схожу в общежитие за едой. Тебе надо подкрепиться.

Анна опять запротестовала было, но под моим строгим взглядом всё же сдалась. А я просто чувствовал острую необходимость сейчас прогуляться, подышать свежим воздухом и взвесить все мысли.

...До общежития добрался быстро, но не сразу пошел именно к скатерти-самобранке. Для начала поднялся к себе в комнату.

Матильда стояла у самого края, пытаюсь прорвать невидимую защитную стену, и расплылась в улыбке, как только увидела меня.

— Ты меняешься, — довольно подытожила она. — Мир меняется. И очень стремительно. Ты же чувствуешь это, правда, Рене?

— Чувствую, — кивнул я серьезно. — И потому спрашиваю тебя, как это можно остановить. Что ты делала, Матильда? Как ты сумела так расшатать этот несчастный баланс? Как мне его восстановить?

Матильда расплылась в довольной улыбке.

— Ты же сам знаешь ответ.

— Знаю, — кивнул я. — Но как это реализовать?

Матильда прижалась ладонями к энергетическим ограничителям и вновь капризно усмехнулась. Я ощутил укол раздражения, первый предвестник разочарования, которое ждало меня, должно быть, после каждого разговора с Матильдой.

— Оставь её, — прошептала мёртвая Истинная. — Оставь свою Анну, и я тебе всё расскажу. Брось эту девчонку. Ты бессмертный, Рене. Ни к чему хорошему это не приведет. Брось. Брось...

— Да пошла ты, — не скрывая раздражения, прорычал я. — К черту.

Матильда рассмеялась. Что такое чёрт, она, наверное, знала, бывала же в других мирах.

И считала, что я обязательно приду к ней, хочу того или нет.

— Думай, Рене, что тебе важнее, — прошептала она. — Любовь этой девчонки или победа в сражении с истинными. Думай, Рене. Думай.

Рене не обманул, когда обещал помочь с калькуляцией. Он, казалось, позволил этим мелким хлопотам поглотить его с головой, даже вроде как забросил своё расследование. Впрочем, вопреки тому, что он постоянно занимался делами швейного цеха, мы как-то едва ощутимо отстранились друг от друга, и когда мужчина целовал меня ночью, мне чудилось, будто он со мной прощается.

С другой стороны, Рене делал всё, чтобы разубедить меня в этом. Он помог и с Сандрой, и та всё-таки забрала платья на реализацию, выплатив нам достаточно крупную сумму. Заработанные деньги мы практически все потратили на материалы. Под чутким руководством вдохновившегося возможностью работать Ивара удалось довольно легко сделать все закупки, и я искренне радовалась тому, как спорилось дело. Прошло несколько недель, а у нас уже были первые куклы и наряды для них.

Конечно, швеи поначалу сопротивлялись. Казалось, ни одна из них, за исключением Милли, не была готова перейти к такому труду. Ведь одно дело изготавливать одинаковые платья по выкройкам, ещё и на человека, довольно простые, а совсем другое — создавать красоту, придумывать, фантазировать. Однако оказалось, что не только Милли была склонна к фантазии и способна создавать какие-то необычные модели. Да и простой работы оказалось предостаточно, чтобы практически все нашли своё место в производстве.

Некоторые девушки даже стали работать с Иваром. Он сначала сопротивлялся, ворчал, что мастерство кукольников передавалось от отца к сыну, и особям женского пола нечего заниматься такими делами, но уговорить его было не так уж и сложно.

Так и не женившись, не имея сына, кукольник был рад хоть кому-то передать дело всей своей жизни. И потому, заметив упорство и талант в девушках, вызвавшихся ему помогать, он не стал отталкивать их помощь и действительно взялся их обучать.

И вот, я любовалась на ряды уже готовых коллекционных кукол, упакованных в коллекционные коробки.

И совершенно не знала, куда их девать.

...Попытки договориться с местными магазинами никакого толку не дали. Рене сразу сказал: нет никакого смысла связываться с теми, кому прежде поставляли кукол. Эти люди сотрудничали с Матильдой, и точно не ради того, чтобы получить в свои руки коллекцию красивых игрушек. Он связывался, впрочем, с ними сам, по крупицам собирая информацию и, может быть, пытаясь понять, что именно делалось в этом швейном цеху.

Тщетно.

Меня от этого расследования Рене отстранил так решительно, словно я могла только навредить. Можно было попытаться спорить, но я покорилась и отстранилась, понимая, что могу разве что разозлить его, но только не помочь.

Вместо этого связывалась со всеми, начиная от магазинов антиквариата и заканчивая теми, что реализовывали детские игрушки. Но ни одна из встреч не дала ни малейшего толку. Одни предлагали цену, которая даже не покрывала бы изготовление, другие просто считали это бесполезной идеей, третьи требовали эксклюзивные поставки, но я понимала, что такими договорами просто скую себя по рукам и ногам тяжелыми кандалами, а вместе с собой — и весь швейный цех.

И как выбраться из этого тупика?

Я пока не говорила своим сотрудницам, понимая, что расстрою и разочарую их, людей, доверившихся мне, но с каждым днём мой запал всё угасал и угасал. Кабинет был заставлен куклами, а мы всё ещё не придумали, как централизованно торговать ими. Даже заглядывавший Войчик, кажется, понял, что наш швейный цех угрожают не его проверки, а моя глупая фантазия, в которую поверили все. Он ликовал, Рене — просто молчал, всё больше уходя в себя, и часто проводил часы в подвале, рассматривая энергонить и, кажется, пытаюсь понять, куда ведет этот поток и как разрубить центральный узел дисбаланса.

В дверь постучали. Я устало взглянула на ряды коробок, уже почти скрывавших за собой окно, и промолвила:

— Открыто.

Наверное, это Тамила... Опять принесла какие-то документы на подпись. Сколько ещё цех просуществует в таком подвешенном состоянии? Ведь это сейчас лето, тепло, а есть мы можем то, что продуцирует, подпитываясь мелкими ссорами, скатерть-самобранка.

А потом? Потом станет холодно, одежда износится, отопления не будет, и окажется, что я просто оттянула неминуемое, а в итоге не смогла ничем помочь этим бедным людям.

Дверь приоткрылась. Вопреки моим ожиданиям, в кабинет заглянула не Тамила, а незнакомая мне молодая женщина. Она была весьма миловидна и показалась мне смутно знакомой, но я не могла вспомнить, где именно видела её прежде.

— Здравствуйте, — улыбнулась она. — А Рене где?

— Рене? — удивилась я. Ко мне в кабинет приходил по каким угодно причинам, но только не для того, чтобы найти Рене. Того если и искал кто, то разве что бесплотным призраком слоняющаяся по комнатам полупрозрачная Матильда, старавшаяся, впрочем, не показываться мне на глаза. — Он, наверное, в подвале, а... Что вам нужно? Я могу чем-то помочь?..

— Вы, наверное, Анна? — поинтересовалась незнакомка.

— Да, — я кивнула. — Мы знакомы?

— О, нет, но Рене много о вас рассказывал, — улыбнулась она, заходя в кабинет и прикрывая за собой дверь, а потом, прежде чем я успела заподозрить её в каких-либо любовных отношениях с мужчиной, которого очень хотела бы назвать своим, представилась:

— Меня зовут Эдита, я сестра Рене... Красивые куклы, кстати.

— Эдита! — радостно воскликнула я, вскакивая на ноги.

Так вот я где её видела! На фотографии, которую показывала мне мать Рене, когда мы совершенно случайно пересеклись в бутике госпожи Сандры.

— Рада познакомиться, — я не прятала улыбку. Сестру Рене я в самом деле была рада видеть, тем более, помнила, что она была такой же гостьей из другого мира, как и я.

— И я, — кивнула она, проходя в комнату и занимая предложенный мною ей стул. — Ведь вы тоже из другого мира? Рене говорил... Спасаете этот швейный цех от всех невзгод, которые свалились на его крышу?

— Что-то вроде этого, — кивнула я, чувствуя себя немного неловко.

Эдита показалась мне очень милой. Действительно, настоящая сестра Рене — держались они похоже, и в энергетике тоже было что-то общее.

— Только, — добавила я, — что-то у меня не очень хорошо получается.

Эдита скользнула взглядом по рядам кукол.

— Не очень хорошо? Но, мне кажется, у вас огромное количество товара. Я думаю, в

мире хватает людей, которые хотели бы приобрести что-нибудь подобное... Я б сама не отказалась, например.

Я вздохнула.

— Да, конечно. Но ведь ещё надо этих клиентов найти. Я была уверена, если честно, что мне удастся сделать это очень просто, но... Впрочем, забудьте, — я махнула рукой. — Мне не следовало грузить вас своими неприятностями, Эдита. Вы, наверное, пришли к Рене? Я сейчас его найду...

Я проскользнула мимо девушки, собираясь спуститься в подвал и найти там всё-таки Хранителя Времени, но Эдита меня не пропустила. Она успела поймать меня за запястье и решительно кивнула на стул.

— Погодите. Я пришла к Рене по смешному вопросу, ничего страшного не случится, если я решу его часом позднее, — твёрдо промолвила она. — А сейчас, может быть, поговорим? И перейдем на ты?..

Я покосилась на улыбчивую девушку и подумала, что, наверное, это странное ощущение, будто мы уже сто лет как знакомы, присутствует в первую очередь потому, что она из того же мира, что и я.

Невероятно приятно было встретить всё-таки девушку, которая тоже переживала адаптацию в новом мире, тоже приучалась к тому, как жить в его рамках, внимательно изучала все отличия и то, что было подобным.

Рене говорил, что его сестра успешно вышла замуж, была матерью чудесного ребенка, к тому же, управляла Канцелярией Любви. Рене не слишком углублялся в подробности, рассказывая о том, как это работает, но у меня возникло ощущение странного смешения мифов о богине Афродите и каких-то купидонах и современного мира.

Эдита выглядела как вполне себе уверенная в себе деловая женщина, лёгкая на подъём, весёлая и не склонная к излишней рефлексии. Мне именно такая компания сейчас и была нужна, пока я ещё совсем не опустила руки, и она это явно почувствовала.

— Хорошо, давай на ты, — я не стала спорить против такого упрощения в разговоре. — Я... Если честно, я за всё время, что в этом мире, ещё не встречала никого, кто попал бы сюда также, как и я... Приятно познакомиться с кем-то, кто уже прошел адаптацию и счастлив.

— О, — махнула рукой Эдита. — Моя адаптация была достаточно форсированной, мне кажется, тебе бы она не слишком понравилась, — она весело рассмеялась. — Всё уже позади, но я сочувствую тем, кому приходится менять мир и переселяться сюда. Хотя понимаю, что это ради их же блага. Лучше привыкать к новому и быть живым, чем просто погибнуть.

— Это точно... — кивнула я, хотя, когда меня пытались перетащить в другой мир, даже подумала было, что лучше б умерла.

— Так какие с этими прекрасными куклами возникли трудности? — поинтересовалась Эдита. — Расскажи мне в деталях, может быть, смогу что-то предложить или помочь.

— Ну... — я вздохнула. — В общем-то, мы с Рене случайно обнаружили кукол, как две капли воды повторяющих людей, которых Матильда закидывала в другие миры. И я подумала, что изготовление кукол может быть прибыльным бизнесом. Вот только продавать их некому. Ни один магазин не хочет брать товар на реализацию на более-менее приемлемых условиях, а отдавать товар за бесценок мы не можем. Я уже несколько недель кряду бегая по переговорам, но...

— Без толку?

— Именно.

— Но они красивые, — отметила Эдита. — Даже на фото были бы красивыми...

— Да, — согласилась я. — Но как донести эту мысль до конечного покупателя? Я...

Если честно, мне неловко спрашивать об этом Рене. Он и помогает мне, но в тот же момент явно делает какие-то свои дела, причём очень серьёзные — в этом я не сомневаюсь. Да ещё и молчит, не хочет делиться подробностями! Скрытничает. Не буду же я грузить его своими глупостями.

Эдита рассеянно кивнула. Если ей и было известно что-то о том, что делал Рене, она явно не собиралась делиться этой информацией.

— Что ж, — промолвила она, — мой брат далёк от торговли. Он прекрасный математик и очень переживает за общее дело, но чтобы действительно вникнуть в бизнес, ему надо для начала сбросить со своей головы проблемы мироустройства, — Эдита мягко улыбнулась, и я ответила ей тем же. — А ты не думала насчет того, чтобы создать интернет-магазин.

— Интернет-магазин?! — вытаращила я на неё глаза, едва не поперхнувшись от подобного заявления. — А... Неужели... Неужели тут такое существует?!

Эдита рассмеялась.

— Конечно же, существует! Мы живём не в каменном веке! А что, Рене не показывал тебе?

Я отрицательно покачала головой.

— Ну, конечно же, — рассмеялась она. — Конечно же, не показывал. Зачем рассказывать о чём-нибудь настолько интересном, если про него можно просто забыть?.. Это вполне в духе моего брата, я даже нисколечко не удивлена. Он и не о таком забыть может! Ладно. Ты ведь знаешь, что такое интернет-магазины?

— Конечно, — лихорадочно закивала я.

Сколько времени я думала о том, что реализовать продажу товара было бы гораздо проще в моём мире — мире интернет-технологий! Вот только мне и в голову не приходило, что тут есть что-нибудь подобное.

Судя по всему, Эдита понимала причину моей растерянности. В её взгляде не было ни капли осуждения, скорее, девушка просто посмеивалась надо мной и над своим братцем.

— Нехорошо, конечно, что Рене настолько увлекся своими делами, что не рассказал тебе о подобных элементарных вещах, — закатив глаза, протянула она. — Но сделаем вид, что всё нормально... В этом мире интернет-технологии носят какие-то мудрёные иные названия, но самое главное, что оно работает, и с каждым годом всё лучше. Так вот, можно сделать интернет-магазин, потом пустить внешнюю рекламу в сети, привлечь первых клиентов. Думаю, дальше уже сработает сарафанное радио.

У меня перед глазами замаячили легкими вспышками все возможности, которые открывались теперь. Но вместе с возможностями появилось и огромное количество вопросов.

— Но чтобы иметь свой интернет-магазин, — неуверенно протянула я, — необходимо, во-первых, чтобы кто-то сделал сайт... Я и в своём-то мире не слишком сильна была в веб-программировании, а тут, наверное, всё работает иначе!.. Во-вторых, нужен хостинг, чтобы разместить сайт, либо собственный сервер, и я пока не представляю, как всё это обустроить. Техническая поддержка! Нужно потратить немало времени на разработку! Разве здесь есть готовые площадки, которые можно наполнить? А маркетплейсы? Но... Ох, — я перехватила

внимательный взгляд Эдиты. — Прости. Я несу полную чушь.

— Я не настолько давно покинула привычный нам с тобой мир, чтобы считать это полной чушью, — рассмеялась Эдита. — Но до маркетплейсов здесь развитие действительно ещё не дошло. Может быть, чуть позже... А вот отдельные сайты существуют, между прочим, неплохо котируются... И некий аналог соцсети есть, я была удивлена, когда обнаружила. Так что есть где запускать внешнюю рекламу...

— Это не решает вопрос сервера и программиста, — вздохнула я.

— Ну, программист, положим, у меня есть. Один из перемещенцев, которым помогал адаптироваться Рене, попал ко мне в штат. Попал, конечно, купидоном, — Эдита усмехнулась, явно осознавая, насколько дико для меня сейчас может прозвучать эта должность, — но потом, скажем так, переквалифицировался. Он в прошлом, когда жил в нашем с тобой мире, работал программистом. Талантливый парень! Вот и нашёл как реализовать свои умения в прикладной сфере. Я была поражена — просто виртуоз, чтоб ты понимала! Если его попросить, он и тебе сайт сделает.

— Мы заплатим!

— Конечно, — кивнула Эдита. — Будут доходы — обязательно. Но для начала он может обойтись и зарплатой штатника, которую плачу я. Ну, а сервер подойдет и наш, у нас даже близко нет нагрузок, на которые он рассчитан, а значит, просто деньги на поддержание тратятся впустую.

Я хотела было спросить, за что вообще заслужила такое хорошее отношение и помощь с её стороны, но Эдита лишь быстро накрыла мою руку своей и ободряюще улыбнулась.

— Прежде чем ты успеешь задать какой-нибудь дурацкий вопрос вроде того, почему вдруг я вообще пытаюсь тебе помочь, вспомни, что ты состоишь в отношениях с моим братом, — промолвила она. — Рене сейчас сложно, но у меня не так-то много дел, как у него, потому что ничто не мешает мне оказать посильную поддержку.

Меня с головой накрыло желание обнять Эдиту. Просто потому, что она первая ничего от меня не ждала, не смотрела на меня так, как будто я обязана немедленно что-то сделать.

Поняв мои эмоции, женщина наклонилась ко мне через стол и взяла за руку.

— Это нормально — трудная адаптация в новом мире, — серьезно промолвила она. — Я тоже через это проходила, и, поверь, это было ох как нелегко. Но, к счастью, справилась. Справишься и ты. Просто надо время... Есть идеи по дизайну сайта?

Она так быстро сменила тему, что я даже не успела понять, что происходит, только расплылась в улыбке, радуясь, что рядом со мной — такая, как Эдита.

Сейчас, когда Рене с трудом выдерживал груз навалившихся на него проблем — и упорно не желал ими со мной делиться, — присутствие чего-нибудь столь стабильного, как её мягкая улыбка и твёрдая, но успокаивающая при этом энергетика.

— Ну, у меня же есть дизайнеры, которые придумывают кукол, — решительно промолвила я. — Значит, они смогут справиться и с сайтом.

— Думаю, да, — кивнула Эдита. — Так что не вешай нос. Всё будет замечательно!

— Опять ничего? — мрачно спросил я у Томаса.

— Ничего, — покачал головой парень.

В лаборатории царил полумрак. Работники уже разошлись, я мог предположить — убежали чуть раньше, чтобы даже случайно со мной не столкнуться. Последние несколько недель были для них ужасными; бесконечный поток новых образцов и абсолютная невосприимчивость аппаратуры к предоставляемым образцам.

— Господин Хранитель, — тихо промолвил Томас, провожая меня взглядом, — может быть, стоит обратиться к кому-то за помощью?.. Нет, вы не подумайте, я не вмешиваюсь в ваши дела, я просто не знаю, как помочь! Мы бессильны...

За последнее время он растерял всю свою смешливость и даже как будто повзрослел. Наверное, я довёл до иступления уже всех, с кем имел дело. Анна, даром, что поглощённая работой, периодически выныривала из своих бесконечных заказов и борьбы со службой доставки и спрашивала, всё ли в порядке. Я отвечал, что да, даже на скорую руку делал ей какие-то расчеты, хотя Анна утверждала, что и сама справится. Дела в швейном цеху шли на лад, за неё можно только порадоваться.

За меня — нет.

— Хорошо, Томас, — вздохнул я. — Можешь идти. Ты на сегодня свободен.

— В лаборатории надо свет отключить...

— Отключай, — я лишь рассеянно кивнул. — Не волнуйся, мне он не нужен. Просто посижу здесь... Подумаю.

И так пора уже уяснить, что ни один микроскоп в нелёгком деле попыток понять, что именно сделали с энергией, ни одно другое устройство не поможет. У нас в лабораториях работали далеко не такие плохие специалисты; довольно многое у них удавалось практически с первого раза. Однако, несколько месяцев исследований источников энергии не дали мне ответ ни на один вопрос.

По какому принципу создавались эти проклятые куклы? Я взглянул на длинный список тех, кому их поставляли, и с усмешкой покачал головой. Ни одного не осталось. Мы изъяли всё, что могли. Тщательность, с которой Матильда прятала эти творения, каким-то образом связанные с представителями другого мира, потрясали. Десятки, сотни...

На каждую куклу было заведено личное дело. Сотрудники отдела искали перемещенцев по лицам, по тонким энергетическим связям, по которым, впрочем, даже мне оказалось слишком тяжело пройти. Конечно, дело продвигалось. С кем-то удавалось столкнуться на улице, кого-то находили целенаправленно, а кто-то, может, уже не был живым...

Я впервые за всё время, что был Истинным, не участвовал в поисках. Вместо этого просиживал в лаборатории, чтобы узнать: по какому принципу изготавливались эти куклы, что делала помещённая в них энергия? Поможет её возвращение на место восстановить баланс? Впрочем, нет, тут я и сам знал. Это лишь оттянет неизбежное.

Чтобы восстановить баланс, надо убить Истинных. Чтобы убить Истинных — восстановить баланс. Замкнутый круг, будь он проклят!

Куклы гасли, когда мы находили людей, к которым они были привязаны, и отправляли их домой. Баланс едва заметно изменялся. Но это не отменяло главного. После воскрешения

Матильды Истинные разбежались, как муравьи, и я не сомневался, что одного моего приказа будет мало, чтобы заставить их собраться. Они же даже не считают меня значимым; не то чтобы меня это оскорбляло, отнюдь, но было б гораздо проще, если б они покорялись мне так, как покорялись Матильде. Тогда...

Я нашёл бы выход.

...Лаборатория больше походила на склад. Бесконечные ряды кукол формировали лабиринт, и я дошел до самого последнего его поворота, устроился за столом и внимательно смотрел на последнюю красавицу, поставленную на стол. Её ещё не разгадали, отдел только занимался поисками, перерывал базу аномалий, пытаюсь отыскать след этой женщины. Миловидная, кудрявая шатенка, она чем-то напоминала мне Анну. И смотрела будто с укором...

Говорила, казалось, что я на что-то лишнее трачу время. Что давно пора отбросить дурную затею с куклами и попытаться найти лишнюю нить. Но я столько всего собрал... Это был долгий путь, должен же он к чему-то привести?

Я провёл ладонью по кудрявым волосам куклы и вздохнул. Потом — попытался дотянуться до естества, энергетической составляющей в её кукольном теле, но тщетно.

Магия — я не видел её, но мог подозревать, что она, зеленоватая, перекачивается где-то под фарфоровой кожей, бьётся вместе с несуществующим кукольным сердцем, — не реагировала. Мой собственный дар, понятное дело, не мог с нею взаимодействовать...

А дар Истинного, который тоже жил где-то в теле и рвался на свободу, я не выпускал нарочно. Понимал, к чему это может привести, не хотел превратиться в чудовище, одержимое только вечностью. Стать таким, как и все остальные...

Утонуть в мыслях не удалось — я услышал тихие шаги. Подумал было, что это Томас, вновь не желает оставлять меня наедине, пытается хоть каким-нибудь образом помочь, и думал уже прикрикнуть на него, сказать, чтобы парень не тратил дурно время, ему ещё перед работой надо отдохнуть, но запоздало осознал, что настолько тихая походка не могла принадлежать кому-то вроде Тома.

— Смотришь? — прошелестело над ухом. — Смотришь... когда ты уже поймёшь, мой мальчик, что не со всем может справиться человеческий разум?

Я обернулся. Матильда, как всегда, бледная, полупрозрачная и бесконечно мертвая, стояла совсем рядом. Она могла передвигаться и бесшумно — всё-таки, она лишь сгусток энергии, чудесным или, скорее, отвратительным способом вытасченный из энергонити. Тем не менее, захотела, чтобы я услышал её приближение, ну, или пыталась вызвать уверенность в том, что она стоит здесь лишь последние несколько секунд.

Матильда ходила за мной уже давно. Последние месяцы она искала возможность просто незаметно зависнуть за моим плечом, каким-то образом сопроводить, не оставить наедине со своими мыслями. Выискивала именно те моменты, когда рядом не было больше никого. Она не слишком-то стремилась к разговорам; часто просто сидела рядом. Порой любила напоминать, что никто, кроме неё, не сможет полноценно понять меня.

Разумеется, эти разговоры никогда ни к чему не приводили. Я злился, но зачастую молча, испытывал к ней ненависть, но тихую. Считать Матильду жертвой обстоятельств было бы странно, учитывая то, что большинство обстоятельств она сама и создала, но и проявлять по отношению к ней агрессию не получалось. Просто потому, что она подпитывалась бы этим, приходила всё чаще и чаще.

Я хорошо знал условно живую Матильду.

Безусловно мёртвая вела себя также.

Равнодушие её задевало. Задевало и то, как я смотрел на Анну; даже невольно отдалившись, чтобы не травмировать её всем тем, что тянулось за мной, задерживал на девушке взгляд, думал о ней в те редкие минуты, когда мог позволить себе позабыть о деле.

У неё всё хорошо. Хоть там мне удалось помочь. Анна подружилась с Эдитой — всё же, у двух девушек, попавший в этот мир из другого, нашлось немало общего, и они поддерживали друг друга. Сайт этот придумали для онлайн-торговли... Мне эта идея даже в голову не приходила, наверное, потому, что я вообще ни о чём, кроме проклятых энергонитей и кукол думать не мог.

И да, Анна не ошиблась. Товар действительно оказался ходовым. Они даже взялись немного расширять производство, чтобы увеличить тиражи, теперь появились и партии одинаковых кукол, потому что каждый раз придумывать уникальную было долго и нецелесообразно. Насколько мне было известно, Анна даже собиралась открывать собственный магазин в городе. Денег хватало уже и на то, чтобы платить сотрудницам, и на то, чтобы арендовать небольшое помещение и привести его в порядок, тем более, магия пришла на помощь.

Открытие скоро. У меня где-то лежало приглашение, и я напомнил себе, что надо бы его разыскать, прийти... Анна обидится, если меня там не будет.

Наверное.

— Ты слишком много на себя взвалил, — напомнила о своём присутствии Матильда.

Она подошла ближе и сжала мои плечи полупрозрачными пальцами. Я скосил взгляд на её белые ладони, касавшиеся меня, и даже не стал отталкивать, потому что ничего не чувствовал, кроме холода, излучаемого ею подобно любому призраку.

— Если ты пришла меня пожалеть, то делать это надо было раньше, когда ты пыталась убить мою сестру, Матильда.

— Если б не эта девчонка, у нас с тобой всё было бы хорошо, — проворковала она, так и не уточняя, о ком говорила, об Анне или об Эдите. — Но ты же такой упёртый... Мой милый наивный мальчик, ты всё ещё веришь в то, что всё можно сделать правильно.

— Я всё ещё верю в то, что ничто не помешает мне вернуть тебя в энергонить и забыть, как страшный сон.

— Да, — утвердительно кивнула она. — Но только тогда ты ничего от меня не узнаешь. А тебе нужно. Ты же хочешь всё-таки спасти этот отвратительный мир.

— Да.

— Любой ценой?

Я только пожал плечами, не соглашаясь. С Матильдой соглашаться вслух было слишком опасно. Зато она умела делать удобные ей выводы из недосказанности и потом пользовалась этим. Я пользовался тоже; молчал там, где она сама продолжала ответ, а потом в случае чего мог просто уйти. Ничего не обещал, ничего и не выполняю.

Иногда это срабатывало.

— Так что, ты примешь мою помощь? — прошелестела Матильда, зависая у меня за спиной, её пальцы легли на плечо и едва ощутимо сжали. Вроде бы и признак, касалась она так, как касаются живые. От этого прикосновения тошнило; мне хотелось её оттолкнуть и... Впитать в себя, всю, до последней капли.

Пора уже признать, ситуация вышла из-под контроля. Я видел, как расшатывался этот мир, но слишком долго отрицал то, что расшатываюсь и сам. А оставаться стабильным —

одно из самых главных условий, которое следовало выполнить.

Не мог же я, в конце концов, превратиться в чудовище, которое плохо понимает, что творит. Стать таким же жадным к чужой силе, как эти падальщики, именуемые Истинными. Они бессмертные, но не вечно живые; они просто уже умерли и пытаются задержаться в своём посмертии.

И я такой же.

Этому миру не нужны Истинные. Мы — чумной мор; мы — ходячие мертвецы. И своим существованием мы с каждым разом заражаем его всё сильнее и сильнее.

— Да, — я повернулся к Матильде. — Да, я приму твою помощь.

— А мои условия, — усмехнувшись, поинтересовалась она, — ты помнишь?

— Помню, — кивнул я. — Я всегда выполняю свои обещания, Матильда.

— Тогда я тебе помогу, — усмехнулась она.

А я в ответ не сказал ни слова.

Она прищурилась, дразня. Ждала, пока что-то пообещаю, наверное, но у меня не было сил на пустые клятвы. Сила, которую я слишком долго пытался запихать, спрятать каким-то образом, уничтожить, сейчас рвалась на свободу. И она, туманная, мёртвая, подавляла мой настоящий дар и мою сущность, как человека.

— Хорошо, — улыбнулась наконец-то Матильда. — Ты знаешь, зачем они на самом деле меня воскресили? Всё очень просто. Я так и не рассказала им, как это делать.

— Что именно?

— Тайную переброску. Ты же знаешь, энергетически довольно трудно спрятать человека, который прибыл из другого мира. Люди сильно отличаются друг от друга, и это при условии, если они существовали в одном мире. А что, если в разных? Ведь тогда они должны довольно сильно отличаться друг от друга... Ну, ты понимаешь, о чём я?

— Да, — кивнул я. — Понимаю.

— Поначалу каждого приходилось оплетать своими силами и скрывать. Но потом я поняла, что долго не продержусь. Мне нужно было всё больше и больше сил. И тогда я придумала идею с куклами. Мне Ивар подсказал. Изначально мы с ним встретились случайно, и я собиралась использовать его в других целях, но вышло как вышло. Мы с ним — не такой плохой тандем, довольно легко объединились.

Я смотрел на Матильду внимательно. Неотрывно. Знал, что каждое её движение может выдать какую-то скрываемую от меня правду. Но секрет был в том, что Матильда и не собиралась ничего прятать. Она спокойно прошла мимо меня и опустилась в рабочее кресло, полупрозрачной рукой едва касаясь микроскопа, используемого для исследований. В тёмной ночной лаборатории она едва заметно светилась изнутри, наполненная странной магии энергонитей.

Ещё одна причина такого чудовищного дисбаланса.

— Каждая кукла была завязана на то, чтобы скрывать энергетическое отличие. Конечно, создание её создавало новый микроузел. Энергия стала чаще пробиваться на свободу. Таких энергонитей, как ты видел в швейном цеху, появилось довольно много, но ни одна из них не средоточие. Каждая дыра — это выход энергии, которой мы могли подпитаться. И подпитывались.

— Вы заставляли мироздание идти трещинами, чтобы продлить своё бессмертие, — подытожил я.

— Да, — легко пожала плечами Матильда. — Думаешь, мне сейчас за это стыдно?

— Знаю, что ни капли, — легко ответил я. — Потому что стыдно тебе, Матильда, никогда не бывает. И на окружающих тебе наплевать, об этом мне тоже прекрасно известно.

— Видишь, какой ты умный мальчик? — весело рассмеялась она. — Ты обо всём знаешь... Ты один из нас, Рене. Ты тоже зависишь от этих энергонитей. И разорвать эти связи уже не сможешь.

— Где средоточие?

Матильда вздохнула.

— Там, где на мир легла самая большая нагрузка.

— Где именно? — мрачно поинтересовался я.

— Не скажу. Ты же умный мальчик. Тебе под силу найти это самому... И не думай, что в твоих интересах сейчас меня развоплотить. Ведь кроме меня тебе никто ничего не расскажет.

— А ты, можно подумать, рассказала.

— Я оставила тебе ниточку, — вполне серьезно заявила Матильда. — Иди по ней. Ты же умный.

— Ты просто издеваешься.

— Я подсказываю, — возразила она. — А если ты не хочешь понимать очевидного, то каким образом я, простая мертвая женщина, могу тебе помочь?

Хотелось выть. Я с трудом сдержался, чтобы не швырнуть в Матильду чем-нибудь тяжелым, да хоть одной из кукол, стоявших вокруг ровными рядами. Я столько времени убил на то, чтобы собрать их, чтобы разгадать загадку, а теперь Матильда вроде как сказала мне правильный ответ, но каким образом он мог помочь?

Верный ответ: никаким.

Матильда не помогать хотела, а скорее ещё сильнее запутать. Продемонстрировать своё превосходство. Она нарочно оставляла именно тонкий, едва заметный след, чтобы я метался, как будто в клетке, от одного угла к другому, от одного предположения к иному, и понимал, что не могу распутать клубок.

— Слушай, — прошептал я, — ты же мертвая, Матильда, — упёрся ладонью в стол, пытаюсь преодолеть дурноту, почти изменяющую сознание. — Тебе же плевать, что будет дальше. Так почему ты не можешь хотя бы в своём посмертии стать хорошей?

Она медленно поднялась к креслу и подошла ко мне вплотную. Погладила по щеке — в этой нехитрой ласке было что-то вызывающее у меня стойкое отвращение, хотя, конечно же, я не спешил высказывать ей своё пренебрежение в лицо.

— Разве ты не понимаешь? — поинтересовалась тихо Матильда. — Я не призрак и не дух, вернувшийся с того света. Я — та самая бессмертная, которая живой столько зла натворила. Ты думаешь, что в энергонитях задержалась именно моя хорошая часть?

— Я вообще сомневаюсь, что в тебе эта хорошая часть существует.

— Она умерла из-за тебя, — ласково улыбаясь, прошептала Матильда. — Когда я тебя защитила. Ведь там-то я была хорошая. Я добра тебе желала. Вот та я умерла, мой дорогой. А эта я осталась. И радуйся, что мне хотя бы интересно играть с тобой в эту игру и я хоть что-то подсказываю... Ты мог бы меня заставить, но ты не сделаешь этого, чтобы не провалиться в черноту. Так что принимай как данность то, что тебе меня не переиграть.

В её взгляде сверкнуло какое-то странное, почти маниакальное довольство.

— Не забывай, — она похлопала меня по щеке, и кожу обожгло потусторонним холодом, — ты мне обещал, что не станешь видеться со своей Анной. Разгадывай загадку,

дорогой. Разгадывай. Вспомни, что я любила больше всего?..

И растворилась в воздухе, оставив после себя только жуткую горечь разочарования.

Мне хотелось кричать. Орать в пустоту, выплескивая всю свою ненависть, накопившуюся за столько времени. Но я понимал, что, если вдруг позволю расколоться на кусочки этим защитным стенам, не позволяющим захватить этому отвратительному желанию познать бессмертие всё свое сознание, то уже ничего не смогу исправить. И все годы, убитые на восстановления баланса, окажутся потраченными впустую, потому что я превращусь в слабую игрушку в руках собственной магии.

Истинные — эти существа без стыда и совести, — всегда были лишь неким подобием живых людей. Они ели, пили, развлекались, а теперь разбежались по миру, охраняя от меня то, что у мироздания, собственно говоря, и украли.

Я осмотрелся.

— Что ты любила больше всего? — прошептал я себе под нос. — Играть с другими людьми... Провоцировать. Использовать всех так, как будто они пешки на твоей шахматной доске. Это ты мне предлагаешь сделать? Шикарный совет, Матильда! Спасибо!

Последние слова прозвучали громче, чем следовало, но в лаборатории никого не было — никого, кто мог бы посчитать меня сумасшедшим.

Я вскочил на ноги, мерил безумными шагами узкое пространство кукольного лабиринта, но ни одна разумная мысль после её подсказки в голову не приходила.

Кроме того, что Матильда не просто так требовала, чтобы я больше не приходил к Анне. Когда это её открытие?.. Послезавтра? Завтра? Я почему-то очень чётко осознавал, что делать мне там нечего. Среди живых людей не должны ходить мёртвые, даже такие мёртвые, как я, с бьющимся сердцем и отзывающейся магией...

Она, наверное, обидится. Но лучше сейчас. Мне не следовало позволять себе любить её, не следовало давать ей об этом знать. Любовь, может, и оставалась самым человечным из того, на что способен Истинный, но я опасался, что утону в собственных эгоистичных желаниях и задавлю ими и Анну, и всех вокруг. Разрушу всё, что только могу...

Нет. Я должен быть здесь. Должен понять, где именно средоточие. Откуда стоит начинать латать этот разваливающийся на куски мир.

Я шумно втянул носом воздух. Дурнота мешала думать. Клонило в сон, и я понимал, что если буду продолжать бороться с самим собой, то не протяну долго. Не факт, что умру — я ж не могу, бессмертный ведь, — скорее просто буду лежать на полу этой тёмной лаборатории и считать секунды. Мои мозги не способны соображать в таком состоянии.

А ведь в теле было полно сил. И в этих проклятых часах, обжигавших мне кожу.

— Почему вы меня выбрали? — прошептал я, сжимая кулон в кулаке. — Почему именно меня?

Я услышал шелест песка. В нём с трудом можно было различить слова ответа. Ведь Время — не Истинные. Время существовало и будет существовать. И меня тоже выбрало оно.

— Потому что, — удалось мне расслышать, — ты единственный способен принять это и справиться.

Принять и справиться? Что принять? Мой дар и так был при мне.

— Энергию, — прошептало время. — То, против чего ты сопротивляешься.

Я вздрогнул. Взаимодействовать с этими бесконечными рядами кукол было практически невозможно — потому что магия протекала сквозь мои пальцы, отказываясь взаимодействовать. Я не принимал аналогичную силу в себе, как я мог взаимодействовать с

нею в окружающем пространстве?

На задворках сознания ещё вспыхивала мысль о том, что принятие этого может иметь фатальные последствия. Я же не был дураком, прекрасно понимал, что сила не захочет, чтобы её возвращали в прежнее состояние...

Впрочем, нет. Что может хотеть сила? Ведет всё равно человек. Если б Матильде не пришлось в голову продлить своё бесконечное существование, этого ничего бы не случилось. Я сейчас не стоял бы тут с удавкой в виде часов на шее...

Я выдохнул. Если дело в человеке, значит, то, что я приму свою силу, ничего не изменит. Я останусь тем же Рене.

Это утешало.

И я позволил последней преграде, не впускающей весь объём силы в сердце, рухнуть.

...Весь мир состоял из магии. Я увидел её особенно чётко сейчас, сотканную из тысяч крохотных нитей. Магия была во всём.

И в куклах тоже. В каждой билось маленькое сердце, наполненное зеленоватой жижей. Билось... Кроме тех, кого уже успели поменять местами. Я не мог пройти по тонкой линии, указывающей на всех этих людей. Но зато я мог сложить общий паззл.

Но надо ли мне это?

Я улыбнулся. Сомнений не осталось. Мироздание было право, чтобы что-то менять, надо сначала принять себя таким, каким я есть.

Жалко, что Матильде так и не удалось этого сделать.

Небольшое помещение будущего магазина вызывало у меня восторг. Оно размещалось на тихой пешеходной улочке и хоть по площади было далеко не огромным, но оказалось достаточно вместительным. По крайней мере, здесь получилось сделать и роскошные витрины, и разметить товар, и устроить склад, на который мы сейчас завезли почти весь товар, который был у нас в наличии, за исключением того, что уже заказали через сайт.

Идея Эдиты с использованием интернет-сети оказалась просто гениальной. Поначалу, когда мы только-только создавали сайт, я немного сомневалась в том, что удастся продвинуть идею, но со временем осознала, что весь мой скептицизм был излишним.

Сначала покупателей появилось совсем немного, и в первую очередь это были коллеги Эдиты из Канцелярии, её же подчинённые, которых она упорно звала купидонами, хотя на крылатых младенцев они не походили совершенно, пусть и пользовались неким подобием любовных стрел.

Но заработанного хватило для того, чтобы вложиться в раскрутку. Я не была склонна к тому, чтобы платить за рекламу, но пришла к выводу, что должна это сделать. К тому же, коллеги меня поддержали, сказали, что они готовы пока что работать бесплатно, за кров и еду.

Подходило к концу лето, и я понимала, что совсем скоро деньги нам понадобятся, и в большом количестве, потому несколько боялась совершать внеплановые вложения, но варианта было два: либо рискнуть, либо продолжать надеяться на доброту коллег Эдиты и на то, что кому-то захочется приобрести целую коллекцию кукол.

Я выбрала первое.

И риск себя оправдал.

Дела пошли на лад. Если сначала мы работали, набирая массу товара, то сейчас уже пополняли стремительно редеющие ряды товара на складе. И я, если честно, получала огромное удовольствие от работы. Фотографировала, оформляла на сайте новые товары, общалась с покупателями, придумывала маркетинговую стратегию, начиная от рекламы и заканчивая программой лояльности...

Единственное, что меня расстраивало — это Рене. Он вроде и был рядом, и помогал, но я чувствовала, что он стремительно отдалялся от меня.

А сейчас и вовсе куда-то исчез, и я, если честно, понятия не имела, как с ним связаться. Понимала, что открытие может пройти без Рене, и от этого становилось особенно горько...

Ведь он вложил в развитие швейного цеха не меньше, чем я, а то и больше.

— Волнуешься? — Эдита коснулась моей руки.

Они с Себастьяном пришли на открытие уже даже не в качестве помощников, а в качестве просто моих друзей. Себастьян, муж Эдиты, сейчас помогал перетаскивать какие-то коробки со склада, пока Милли раскладывала кукол по полкам.

— Рене нет, — вздохнула я.

— Так может ещё придёт.

Особой уверенности в голосе Эдиты не было. Она сама никак не могла выйти на связь с братом и уже наверняка подозревала что-то плохое, но старалась не делиться со мной грустными мыслями, чтобы не расстраивать и не повышать градус волнения.

Ей удавалось держать себя в руках гораздо лучше.

— Я чувствую, что нет, — вздохнула я, постаравшись выдавить из себя хоть какую-нибудь улыбку. — Просто...

— Он тебя очень любит, Анна.

Я пожала плечами. Сначала мне трудно было принять чувства Рене — они казались чем-то удивительным и практически противоестественным, — но в последнее время я пришла к выводу, что он таки любит меня, и дело не в том, что между нами нет чувств. Они есть! Только...

Только вот чувство долга всегда будет слишком серьезной преградой. И Рене не сможет легко перешагнуть через него.

Он слишком ответственный...

— Время уже подходит, — я покосилась на часы. Ещё несколько минут, и наступит момент, когда надо будет начинать.

— Если ты хочешь, — промолвила Эдита, — мы можем немного оттянуть церемонию открытия...

Я посмотрела в окно. Снаружи уже собрались первые клиенты. Мы многим рассылали приглашения, обещали линейку эксклюзивного товара, и теперь просто так не оправдать надежды людей и задержать открытие было бы странно.

Пора уже оставить наивные попытки высмотреть Рене в толпе. Если он не прибыл, значит, у него на то были серьёзные причины. Я не верила в то, что он просто так вдруг передумал, что ему перестало быть интересно тратить на меня время... Нет, он не такой человек. Однако оттого, что он отсутствовал по какой-то серьезной причине, мне не становилось легче. Я переживала — боялась, что с Рене могло случиться что-то дурное. Он был слишком увлечён идеей всё-таки разыскать тот энергетический узел, с которого всё началось, и я...

Право слово, я за него боялась.

— Нет, ничего мы откладывать не будем, — решительно промолвила я. — Всё нормально. Проведём сейчас.

Эдита понимающе кивнула. Очевидно, она прекрасно понимала переполнявшие меня чувства, а самое главное, разделяла то смутное беспокойство, не позволявшее просто расслабиться и плыть по течению. Мы переглянулись, будто сверяя наши действия, и я первой выскользнула сквозь дверь чёрного входа, чтобы встать перед приглашёнными людьми.

...Магазинчик размещался на тихой пешеходной улочке, и потому просить дополнительного разрешения, чтобы перекрыть дорогу от местных автомобилей, не приходилось. Я встала на крыльце рядом с тонкой синей лентой, преграждавшей вход, и лучезарно улыбнулась. Толпа вторила такими же улыбками.

Среди людей было много сотрудниц швейного цеха. Далеко не всем необходимо было присутствовать на открытии, но каждая, разумеется, хотела посмотреть, что же получилось, во что вылилась практически безумная моя идея начать продажу кукол.

Но всё же, большую часть составляли именно покупатели. Кто-то из них просто зарегистрировался на нашем сайте, другие уже делали первые заказы. Меня до сих пор приятно удивляла активность; казалось, что может быть проще коллекционной куклы, а мы каким-то чудом заняли всё ещё свободную нишу на рынке.

— Дамы и господа! — заговорила я, позволяя своему голосу наполниться той самой

чарующей магией, которая в нужные мгновения с лёгкостью переубеждала многих. — Наш коллектив рад приветствовать вас сегодня на открытии магазина коллекционных кукол «у Анны»!

Раздались громкие аплодисменты. Я сначала подумала, что это реакция моих подчинённых, но нет, первыми захлопали именно будущие покупатели.

— Несколько месяцев назад, — промолвила я, вдохновившись такой реакцией, — когда мне впервые пришла в голову идея изготовления и продажи кукол, это казалось смешным. Я выслушала сотни отказов, тысячи попыток объяснить, что это невыгодно и что такой товар не будет пользоваться спросом... Однако, я не опустила руки. Я была уверена, что эта идея достаточно хороша, чтобы её реализовать. Талант моих сотрудников несомненен, и мне очень хотелось донести, какие роскошные творения они способны создавать, когда их не вгоняют в рамки школьных форм или детских игрушек.

...Вспомнилось, как счастливо улыбалась Милли, когда я предлагала ей самостоятельно придумывать фасоны платьев. Как радовался Ивар, разрабатывая новых кукол. Да, определённо, оно того стоило — перетерпеть многое ради вспыхивающего в их глазах счастья.

— И вот, — промолвила я. — Мы здесь. Наш коллектив прошёл долгий путь, прежде чем мы смогли не только разработать линейку собственной продукции, создать сайт и наработать клиентскую базу, а и получить возможность открыть этот маленький магазинчик, в который вы сможете приходить, чтобы увидеть кукол собственными глазами, коснуться их, убедиться в качестве и в их потрясающей красоте.

Витрины за моей спиной говорили сами за себя. Я нагло воспользовалась идеей госпожи Сандры, и несколько красавиц-кукол стояло на витринах, улыбаясь будущим покупателям и завлекая их.

— Конечно, сделать это самостоятельно было бы очень трудно, — промолвила я. — И без поддержки моих дорогих друзей... Конечно, ничего не удалось бы сделать. Но самое главное, что мы вышли из этой ситуации победителями. И теперь я готова открыть перед вами двери нашего детища!

Рука у меня едва заметно подрагивала, создавая резкий контраст с уверенным звучанием голоса. Я вооружилась ножницами, осторожно перерезала ленту, преграждавшую путь, и услышала радостные аплодисменты.

Получилось.

Открыла.

...Мне хотелось сказать ещё тысячи приятных слов. Хотелось говорить их, глядя в глаза не только счастливой Эдите, а ещё и Рене, потому что если б не он, ничего бы у меня ни получилось. Но его не было, а я уже из ощущения ответственности не могла просто так позволить всему рухнуть.

Надо было довести дело до конца.

Потому, выдавив из себя радостную улыбку, я наконец-то отворила двери в свой магазинчик, пропуская внутрь клиентов, и зашла сама.

Это было совершенно иное ощущение, чем смотреть на него снаружи. Я с удивлением замерла на несколько секунд, скользя взглядом по заставленным прекрасными куклами рядам, но, напомнив себе о том, что стоять столбом нельзя, поспешила повернуться к первым покупателям, заглядывающим внутрь.

Я была уверена, что мне придется продолжать торжественную речь, однако нет.

Покупатели сориентировались сами; через окно можно было увидеть, как они стремительно выстроились в очередь, и многие желали поскорее попасть внутрь.

— Анна, это просто потрясающе! — шепнула Тамила, крепко сжимая мою руку. — Анна, девочка моя, ты лучшее, что случилось с этим швейным цехом!

Не знаю, как она умудрилась так легко пробиться сквозь толпу, чтобы попасть в магазин одной из первых, но теперь крепко обняла меня, даря странное ощущение тепла и уюта. Я ответила ей тем же, но никак не могла избавиться от ощущения, что мне чего-то не хватает. Как будто вырвали частичку чего-то, отобрали что-то очень важное...

Я шумно выдохнула воздух и ответила Тамиле улыбкой. Сейчас, если честно, мне совсем не хотелось контактировать с женщиной, но я понимала, что ответить ей невежливо означало её обидеть.

— Не волнуйся, Аннушка, — прошептала она так ласково, словно была моей близкой родственницей. — Всё хорошо же... Или, — в её голосе вдруг зазвенели стальные нотки, — ты из-за этого переживаешь? Не стоит он твоих слёз! Не стоит!

Тамила смотрела так строго, словно осуждала за любую поблажку, за любую улыбку, которую я только могла дать Рене. Подобное её поведение для меня не было новым.

— Я же видела, что он не пришёл, хотя знал, паразит, как это для тебя важно, — с осуждением промолвила Тамила. — А всё равно не пришёл. Почему? Не захотел потому что. Такие мужчины всегда приходят только тогда, когда хотят!

— Тамила...

— Я жизнь прожила — и от мужика ни разу ничего доброго не слышала и...

— Значит, — отрезала я, — не тех мужиков встречали.

Тамила умолкла и уставилась на меня полными удивления глазами. Наверное, не рассчитывала встретить хоть какой-то отпор, но я для себя приняла решение больше не церемониться ни с нею, ни с остальными.

На самом деле, она хорошо ко мне относилась, как и я к ней, и единственным камнем преткновения. Мы постоянно упирались в этот вопрос, и каждый раз обе оставались при своём мнении. Рене не был плохим, просто у него сложная судьба, упорно повторяла я, а Тамила в ответ отрицательно мотала головой и решительно повторяла, что ничего я не понимаю в людях.

— Мне работать надо, — коротко промолвила я. — Спасибо, что пришли поддержать, но обсуждать вопрос моего мужчины мы сейчас не будем.

Оттого, что его не было рядом, мне до сих пор отдавало горечью, но я стремительно растоптала собственную обиду. Не до неё сейчас — у Рене могло что-то случиться, и я не так злилась, как сильно за него переживала. Мне не нравилось и то, что он так внезапно исчез, словно сквозь землю провалился. Совсем на него не похоже... И странно, что он вообще на подобное пошёл.

Вздыхнув и велев себе собраться с силами и не раскисать почём зря, я повернулась к первым клиентам. Кто-то собирался забрать свои заказы; они отдельно лежали на складском помещении, и я, услышав номер, побежала за нужными коробками.

Работниц в самом магазине было немного; всё-таки, нанимать отдельных я пока что не решалась, а отвлекать от трудов в швейном цеху большое количество людей не могла.

Сегодня и так пришлось попросить прийти Милли. Она не противилась; кажется, эта потрясающая девушка больше всех беспокоилась об общем итоге и очень хотела, чтобы у нас всё получилось. Сейчас она стояла у отдельной стойки, где висела сменная одежда для

кукол, и бодрым голосом описывала, какой модели лучше подойдет какое платье.

Они, эти небольшие произведения искусства, заморозили клиентов, и я подумала, что те две партии, которые мы с собой привезли на открытие, несомненно, скоро разберут. Удивительно даже, как хорошо пошла торговля. Я, конечно, понимала, что ажиотаж спадет со временем, людей привлекает именно новизна, и никаких толп клиентов в другие дни тут не будет, но уже локальный успех заставлял расправить плечи и взяться за дело.

...Тамила ушла, как только поняла, что в её утешительных речах я в самом деле не нуждаюсь. От разговора с нею остался странный, немного неприятный осадок, но вникать в произошедшее не было времени, и я просто позволила работе поглотить себя с головой.

Советовала товар, приносила новый, вместе с девочками бегала на склад, чтобы принести оттуда новые коробки. Пришлось даже отправить заявку в швейный цех, чтобы довели то, что ещё у нас осталось из не распроданного товара, и я про себя в голове уже делала пометки, производство какого товара придётся немного ускорить.

Да, теперь работы у нас будет ещё больше. Первая радость схлынула, и когда к вечеру остался почти пустой магазин — товар практически разгребли, словно весь мир только и ждал появления коллекционных кукол на рынке, — я поняла, что в ближайшие недели надо будет здорово потрудиться и вновь изменить многое в работе цеха.

Ведь иначе мы просто не успеем!

Мои помощницы-продавщицы уже разошлись, я же сказала им, что ещё немного задержусь — требовалось решить срочные дела. Но по большей мере я просто надеялась избежать лишних вопросов; мне очень хотелось оградиться от любого постороннего влияния и уделить эти несколько минут, чтобы привести в порядок собственные мысли.

Дождавшись, пока магазин опустеет, я действительно закончила дела и вышла из помещения, закрыв его на ключ и для проверки дёрнув дверь. Потом, втянув вечерний свежий воздух, зашагала по тротуару. Надо будет ещё искать, на чём уехать, но мои мысли уплывали далеко, и отнюдь не в сторону беспокойства об общественном транспорте.

Я так увлеклась своими размышлениями, что даже не сразу почувствовала странные перемены вокруг.

— Ну что, дорогуша, — раздалось за спиной тихое шипение. — Наконец-то ты осталась одна...

— Кто здесь? — удивлённо спросила я.

На улице стремительно темнело. Спряталась за тучу луна, и я с удивлением осознала, что свет в окнах стремительно гаснул. Было ещё не так уж и поздно, но выглядело всё так, словно наступила ночь. Я удивлённо закрутила головой, пытаюсь обнаружить источник голоса, но так никого и не нашла. Только поняла, что говорила какая-то женщина, и то, скорее ориентировалась на собственные ощущения и интуицию, а не на факты.

Холодало, очень быстро, как для лета. Я поёжилась, не до конца понимая, что происходит, и хотела ускорить шаг, но осознала, что не могу сойти с места. Меня словно приморозило к земле, и по телу стремительно поднимался голод.

А потом горло стиснули чужие руки.

...Меня прежде никогда не душили. Я чувствовала, как чужие пальцы стискиваются вокруг моего горла, но до конца даже не осознавала, что происходит. Только издала тихий хрип, а потом увидела, как всё стремительно расплывается и мир теряет свои очертания. Попыталась уцепиться в пальцы, стискивавшие моё горло, но натолкнулась только на пустоту, не имеющую реальных очертаний.

— Отпустите, — прохрипела я, чувствуя, как моя собственная магия пытается пробиться сквозь сдерживающие границы, но это не помогло. Стало только чуть легче дышать, а потом давление на горло усилилось.

Моё сопротивление было бесполезным.

Перед глазами всё почернело, а потом вспышка света разорвала тьму на тысячи крохотных частиц. Я неожиданно чётко увидела два силуэта: мужской, совсем далёкий, и женский.

Именно женщина стискивала моё горло.

Зеленоватые лучи света очертили её точёную фигуру, подсветили лицо, такое же зелёное, как и расплескавшаяся вокруг нас магия. Я узнала её практически сразу; увидела перекошенное от ненависти лицо Матильды. Мы с ней столько времени уже не виделись...

Откуда?

Я вдруг поняла, что удивление забрало у меня остаток сил, их не хватало даже на сопротивление. Каким-то уголком сознания зацепилась за мысль, что у Матильды были тонкие, музыкальные пальцы, но какие же сильные... А потом она вдруг ослабила хватку.

— Ты обещал, — прошептала она, обращаясь явно не ко мне.

— Ты сама это придумала.

Во втором голосе я узнала Рене.

— Отпусти её.

Матильда отрицательно мотнула головой. Меня зацепили её призрачные волосы, а потом стало ещё светлее.

Рене — а это был именно он, стоял в десяти метрах от меня, — выглядел как-то иначе. Его спина казалась неестественно прямой, в глазах светилась несвойственная ему прежде жестокость. Он смотрел на нас с Матильдой, крепко стискивая зубы, а потом вскинул сжатую в кулак руку. В его ладони были зажаты тонкие нити, словно он — кукловод, державший свою марионетку. Сначала они висели слабо, словно не были ни с кем соединены, но Рене не отпускал, только накручивал на крепко сжатые пальцы новые и новые витки энергетических нитей.

Теперь они были натянуты до предела, но он и не думал ничего отпускать, даром, что Матильда издала что-то среднее между стоном и хрипом. Она упиралась ногами, пыталась уцепиться за меня, чтобы всё-таки закончить начатое. Оставила несколько едва заметных царапин на коже, но я почти не чувствовала их. Даже боль куда-то отступила.

Я никогда не видела Рене *таким*.

Ещё один виток энергетических нитей. Матильда закричала от боли; казалось, из её тела буквально с мясом вырывали магию. Она больше не держалась за меня, и я не ощущала её хватки на горле. Женщина просто молча тянула ко мне свои руки, но сопротивляться давлению не могла. Её тянуло обратно, и всё, что она могла — только размазывать призрачные слезы по щекам. Кажется, молила о чём-то, но Рене этого не слышал. Он тянул и тянул, пока Матильда не остановилась рядом с ним, а потом отвернулся от меня, собираясь уходить и уводить её.

В голове с пугающей отчётливостью вспыхнула мысль о том, что это, может быть, конец. Мне больше никогда его не видеть, не целовать, не...

— Рене, — позвала его я.

Голос дрожал — после удушения я и так поразительно хорошо говорила, — но он меня услышал. Остановился. Обернулся ко мне, не обращая внимания на бившуюся на привязи

Матильду.

— Ты пришёл всё-таки, — одними губами прошептала я. Он печально улыбнулся в ответ, и на мгновение маска жестокого Истинного исчезла, открывая мне любимого мужчину таким, каким я хорошо его знала.

Он подался ко мне, но так и не шагнул обратно. Хотел, я видела это, но не позволял себе даже сдвинуться с места.

Наконец-то решился и произнёс:

— У тебя теперь всё получится. Уже совсем скоро мир станет новым. Тебе станет легче.

— Позволь мне помочь, — прошептала я. — Позволь хотя бы быть рядом с тобой.

Но он только уверенно отрицательно покачал головой.

— Ты не сможешь. Будь счастлива, Анна, — прошептал Рене. — Просто будь счастлива.

Он растворился в воздухе вместе с Матильдой, а я почувствовала, как внезапно отпускает странное оцепенение. Он спас мне жизнь. И отпустил. Попрощался.

Хотелось плакать. Я понимала, что, как бы ни хотела сейчас пойти следом за ним, просто не знаю, куда.

Я медленно повернула назад, дошла до магазина. День, который должен был стать одним из самых счастливых в моей жизни, медленно превращался в настоящий кошмар, но я даже не могла об этом думать. Зашла внутрь, села прямо на пол у стойки — тут пока что было чисто, — и закрыла глаза, понимая, что не усну, не забудусь, смогу только считать секунды в ожидании неизвестно каких новостей, должно быть, предназначенных разбить мне сердце.

Он ушёл, но я не готова была его отпускать.

В лаборатории было темно. Лабиринт из кукол и светившиеся в воздухе тонкие энергетические нити, убежавшие куда-то к земле, вызывали ощущение, будто мы находились в жилище безумного кукольника. Я переступил через ряд самых старых образцов, передвигаясь осторожно, чтобы случайно не перекинуть ничего и не нарушить структуру.

Матильда замерла в самом углу. Покинуть помещение она больше не могла, замкнутый энергетический контур, который я выстраивал последние несколько дней, работал на славу. Я так увлёкся, что забыл обо всём на свете. Наконец-то мне не приходилось разрываться между двумя частями одного человека.

Сила Истинного позволяла взаимодействовать с энергетическими нитями, прежде чуждыми мне. Собственные умения давали возможность производить необходимые вычисления и моделировать пространство, не опасаясь каждой случайной ошибки.

Но мне не хватало последнего звена. Я думал, что просто проверю те несколько точек, на которые указывала мне карта... И уже почти отправился туда, пока не натолкнулся на валяющийся на столе пригласительный.

Анна...

Расставаться с ней было сложнее всего. Но Истинным нельзя состоять ни с кем в отношениях. Она — человек; все её чувства рано или поздно перегорят, она поймёт, почему я так поступил, и пойдет по жизни дальше. А мне нельзя, чтобы было что-то, способное остановить. Нельзя, чтобы в сознании появлялась хотя бы мысль о том, чтобы повернуть назад.

Предназначение Истинного последние несколько тысяч лет — быть частью энергетической системы этого мира. А то, что мы до сих пор наделены сознаниями, досадная ошибка.

Я не позволил бы чувствам взять надо мной верх, если б не понимание — Матильда такая же, как и я сейчас. Отступать она не умеет. И, в отличие от меня, она слишком долго жила в таком состоянии, чтобы рассматривать человеческую жизнь как нечто ценное. Наверное, она могла бы извратить это так, что я бы принял это за спасение.

Но факт оставался фактом. Анна ей мешала. Не то чтобы она могла что-то сделать — но была соперницей, которая по каким-то причинам стояла между Матильдой и её целью. Более успешной соперницей.

Удивительно, не уметь любить, но так страшно ревновать.

Я взглянул на энергетические нити, немного обвисшие. Эдакий поводок, на котором я держал Матильду, пока она пыталась обрушить на меня свою ненависть.

— Ты обещал, — прохрипела Матильда, пытаясь изобразить, будто сильно страдает, — что никогда больше с ней не увидишься.

Я ухмыльнулся.

— А ты обещала, что не причинишь Анне вреда.

— Я такого не говорила, — презрительно выплюнула она. — Не выдавай желаемое за действительное.

— Вот именно, Матильда, — протянул я. — Не выдавай желаемое за действительное. Я тебе вообще ничего не обещал.

Я обернул энергетические нити вокруг подлокотника рабочего кресла, и Матильду рвануло вперёд. Вообще, конечно, взаимодействие энергии и материальных предметов было нежелательно, но у меня сейчас не было времени искать что-то получше.

Я вновь зашёл в самый центр своей карты и закрыл глаза, представляя, как стремительно оживают тонкие линии энергетических нитей. От земли поднимался туман; должно быть, он мог навредить размещённым в лаборатории устройствам, но меня сейчас это совершенно не волновало.

Вот она, моя карта. Сплетённая из тысяч крохотных нитей, вытянутых из кукол, из сотен воспоминаний моей собственной магии. И всего несколько брешей, которые я сейчас смогу закрыть.

— Подойди сюда, — велел я Матильде. — Встань в центр.

— Почему я должна?

Я перехватил обвисшие было энергетические нити, потянул за часть из них, и Матильда послушно сделала шаг вперёд. Она попыталась скривить лицо в гримасе боли, но тщетно. Я смотрел на неё с равнодушием, должно быть, слишком сильным, чтобы мёртвая Истинная поверила в то, что сможет убедить меня пощадить её.

Впрочем, я не собирался её убивать или пытаться. Нельзя причинить боль тому, что уже мертво. Она сама сказала мне, что является лишь обыкновенной вытяжкой энергии из силовой линии. Тем самым плохим, что осталось от неё после смерти. Тем, что вошло в энергетические линии этого мира, а не развеялось пеплом по воздуху.

Вот он, мой ключ к разгадке. И пусть кто-то только попробует сказать, что я ошибаюсь.

— Ты не можешь так со мной поступить.

— Тебе не больно, Матильда, — холодно промолвил я. — Ты всего лишь тень, не более того. Сгусток энергетики. И ты ничего не чувствуешь. Это фантом.

Она отрицательно покачала головой.

— Ты не можешь на это пойти.

Я усмехнулся.

— Могу, — возразил коротко и решительно протянул руку. — Кричи, но не надейся, что я в это поверю.

И вырвал первую энергетическую нить.

Она коротко охнула и согнулась пополам, как женщина, которую ударили кулаком в живот. Но энергия молчала. Энергии было всё равно. Матильда не чувствовала боль, но достаточно успешно имитировала её, настолько талантливо, что я уж было почти поверил в то, что её искажённое лицо отображает истинную муку.

Единственное, что изменилось в Матильде — она стала чуть прозрачнее. Часть энергии, закреплённой в неё оживлённом призрачном теле, теперь была у меня в руках, и я медленно потянул энергетическую нить, выплетая из неё дополнительные связи.

— Ты чудовище, — прошептала Матильда, явно рассчитывая таким образом меня задеть. — Ты жестокое чудовище. То, что ты делаешь, ненормально для простого человека.

— Я в курсе.

Её слова не могли нарушить мою концентрацию. Я слишком долго к этому шёл, чтобы сейчас так просто остановиться.

Колдовское плетение обжигало пальцы. Мне почудилось, что магия под пальцами издаёт тихое потрескивание, не желая сворачиваться в яркие ореолы световых пятен, но лишь усилил давление.

Первая энергетическая линия легла, закрывая часть дыр на карте.

Я повернулся к Матильде.

— Ты не посмеешь, — протестующе прошептала она.

— Посмею.

Я крепко сжал следующую нить и рванул на себя.

На этот раз Матильда даже не дёрнулась. Может быть, теперь её не хватало на такую откровенную ложь, а может, она просто поняла, что в этом нет смысла. В любом случае, я не испытывал ни малейшего желания вникать в особенности её существования. Вместо этого принялся закрывать следующие дыры. До цельной картины оставалось совсем немного.

— Знаешь, когда я впервые увидела тебя, мне показалось, что ты никогда в жизни не знал человеческого тепла. Ты так легко меня полюбил, что это даже удивляло. Я полагала, что после нескольких ночей от тебя останется только пустая оболочка. Такое иногда случалось с мужчинами после того, как я отвечала им взаимностью, — прошептала Матильда.

Я отчётливо осознал, что у неё кроме слов не осталось другого оружия — иначе она бы не возвращалась в очередной раз к этой теме, не пыталась надавить на старые рычаги влияния.

Но Матильде хотелось нанести последний удар.

— К тому же, скажем прямо, тебя нельзя было назвать красавцем, — продолжила она, чеканя слова. — Щуплый мальчишка в очках. Сколько тебе было? Лет двадцать? Я тогда оставила тебя, уверенная, что забрала всё, что могла, и думала, что мне не придётся возвращаться... Признайся, тебе же было плохо, правда? Ты задавался вопросом, почему я так много хорошего тебе говорила, а потом так резко ушла.

Я усмехнулся.

— Нет, этим вопросом я не задавался. Я же понимал, что я тебя недостоин.

— Так почему же тогда, — голос Матильды дрогнул. — Почему же тогда ты не покончил жизнь самоубийством? Ты же недостоин! Ты должен был понимать, что никогда не дотянешься до той планки, которая... Никогда не станешь со мной наравне... Разве ты меня не любил?

— Любил. У меня была отличная мотивация.

Оставалась одна-единственная дыра. И я вырвал третью энергетическую нить из Матильды, зная, что сейчас она — полупрозрачный призрак, уже не способный на прямое физическое взаимодействие. Говорить может, действовать на нервы — тоже, но слишком поздно она за это взялась.

— Тогда почему остальные свели счеты с жизнью, а ты нет?! — почти прорычала Матильда. — Чем, будь ты проклят, ты такой особенный?!

— О, — я усмехнулся. — У меня есть мозги, в отличие от тех остальных, знаешь ли. У живого куда больше шансов завоевать женщину, чем у мёртвого, тебе не кажется? Что ж. Я могу даже сказать тебе спасибо. Если б ты не появилась в моей жизни, я б, может, так и остался очкастым мальчишкой, который пытается спрятать свой дар вместо того, чтобы пользоваться им по полной. А так... Я велел себе не опускать руки. Доказать тебе, что ты ошиблась.

— Доказал?

А плевать уже. Я не стал отвечать, вернувшись к своей работе. Последняя дыра была закрыта, и разговоры с Матильдой меня больше не интересовали.

— Есть, — выдохнул я.

По энергетическим линиям прокатилась волна. Они всколыхнулись в последний раз и замерли, укрепляясь в единой карте.

В самом центре вспыхнуло яркое пятно.

Я хорошо знал это место. Севернее от швейного цеха, за узкой полоской леса. Именно там тянулась узкая полоса невысоких скал. Я помнил и реку, и утёс, невысокий, но довольно опасный.

Именно в ту сторону уводила энергетическая нить из-под швейного цеха. Мне надо было догадаться раньше. Вспомнить, как мы с родителями, когда я ещё был совсем ребёнком, ездили туда. Вспомнить зеленоватую порой воду.

Когда-то там впервые проснулась моя магия.

Сегодня она там умрёт.

Я погасил карту. Теперь в ней, как и в куклах, превратившихся в энергетические сгустки, не было никакого смысла. Я не был уверен, не превратятся ли творения Ивара в горстки пепла в тот момент, когда всё закончится, но не сомневался, что энергетическая составляющая в них просто умрёт. Но это уже не имело значения. С этим придётся разбираться не мне.

Хочется верить, что этих лет работы было достаточно, чтобы мои подчиненные смогли справиться самостоятельно. Тот же Томас, хоть и бестолков на первый взгляд, на самом деле достаточно талантливый паренёк. Да и есть ещё Эдита и Себастьян, они достаточно осведомлены о моих задумках, чтобы в случае чего продолжить начатое. В них я могу быть уверен. Они не бросят на полпути.

И Анна...

Анна, которую больше всего на свете я надеялся от всего этого оградить.

— Что ты задумал? — тихо спросила Матильда.

Я не ответил. Она попыталась дотронуться до моего плеча, но была слишком бесплотной, чтобы это прикосновение ощущалось как-нибудь кроме холода.

...Я не стал пользоваться порталом. Воспользовался несколькими свободными часами, чтобы просто прогуляться, а потом взял машину — благо, около лаборатории стояла свободная служебная. Бросил её возле швейного цеха — пусть потом заберут, — и остаток пути преодолел пешком. Матильда плыла по воздуху следом за мной, по каким-то одной ей понятным причинам не желая отставать, и тяжело вздыхала каждый раз, стоило только мне ускорить шаг.

Она ещё несколько раз попыталась выведать подробности моего плана, но, очевидно, вовремя поняла, что это бесполезно, и просто провожала меня, до конца не осознавая, что именно происходит.

Мы дошли до утёса. Подниматься я не стал, зная, что там довольно трудно устоять, а мне надо быть ближе к земле.

Бурная река, протекавшая мимо, отливала зеленым. Я взглянул на кипучие воды и едва заметно улыбнулся. Да, вот оно.

Даже вода меняет свой оттенок, поддаваясь магическому влиянию.

Я тряхнул головой, словно это могло помочь избавиться от дурных мыслей, и спокойно опустил на колени. Прижал ладони к земле, сжимая пальцами жидкую траву, и послал пробный импульс.

Магия отозвалась. Здесь силовое поле подходило вплотную к поверхности, и, казалось,

достаточно вооружиться лопатой, чтобы добраться до ближайшей энергонити. Вот он, узел дисбаланса, который мне следовало разрубить, и я собирался заняться этим немедленно.

Я позвал магию — так, как умел, используя для этого свой собственный дар, — и она ответила мне тихим гулом. Матильда попятилась, хотя до этого подошла ко мне почти вплотную.

Сила снизу ударилась о тонкую земляную корку. Вода позеленела пуще прежнего, и я буквально чувствовал, как магия рвётся на свободу, пытаясь пробить последнюю преграду.

Отлично.

То, что нужно.

Второй импульс отозвался легким толчком, напоминающим маленькое землетрясение. Зелёные, сверкающие от магической энергии капли воды упали на берег, буквально прожигая дыры в земле, и я понял, что нахожусь на верном пути.

Близко.

Совсем близко.

Моя внутренняя суть чувствовала, что магия уже почти вырвалась на свободу.

— Рене, это сумасшествие, — прошептала Матильда.

Я усмехнулся. Земля под ладонями шла трещинами, вода в реке стремительно зеленела. Магия прорывалась на свободу в этом самом тонком участке, и я чувствовал невероятное желание сделать последний шаг и раствориться в этом энергетическом потоке. Но ещё слишком рано.

Мне надо было дождаться, пока придут они.

— Ты всех погубишь. И себя в том числе.

— Иди, — велел я Матильде. — А со своими проблемами я разберусь самостоятельно. Ты всё равно меня не отговоришь.

— Я сделаю всё возможное.

— Ты и так уже всё сделала, — возразил я. — Теперь поздно что-либо исправлять.

Матильда содрогнулась, как будто я только что ударил её, но — ушла. Было видно, что уходила она нехотя, явно с трудом заставляла себя идти прочь, пока не растворилась среди деревьев. Жить ей даже в таком фантомном состоянии осталось совсем недолго, и мы оба это чудесно понимали. Но я не собирался отступать от намеченной цели и планировал сражаться за своё до конца.

Прижав ладони к земле, я вновь послал вниз импульс энергии, эдакий зов. Мироздание отозвалось громким рыком, показывая, что готово вот-вот вырваться на свободу, и я позволил себе лёгкую улыбку, расцветшую на губах.

Это будет интересная борьба.

— Эй! — крикнул я, зная, что магия передаст мои слова. — Я жду вас всех здесь! Всех до единого! Иначе я выпущу это на свободу, и волна снесёт весь мир. И вас тоже, Истинные!

Я выровнялся. Это далось мне довольно трудно; земля, испещренная десятками трещин, расплзалась под ногами, высвобождая подобную лаве энергию.

Израненный, уставший мир требовал компенсации. Разбалансированная, плохо контролируемая сила была готова поглотить всё сию же секунду, и я чувствовал её желание ударить по мне.

— Я друг, — прошептал я. — Я приведу их вам. Обещаю.

То тут, то там вспыхивали огни магических телепортаций. Истинные понимали, что я не шучу.

Они могли не прийти. Но тогда мне ничего не стоит выполнить своё условие и всё-таки сорвать покров с этого мира. Я не знал, как волна магии повлияет на обычных людей, но не сомневался, что если ничего не сделать, рванёт всё равно, и скоро. Лучше пострадает кто-то, чем пострадают все.

Истинные не заставили себя ждать. Один за другим, вспыхивали порталы, и я ждал, пока наконец-то все они — все мои враги, все мои братья и сестры по дару и по фальшивому бессмертию, — не оказались здесь. Цепочка Хранителя Времени болезненно жгла кожу, но я не стал её срывать. Подумал, что это вряд ли что-либо изменит. Мне уже плевать, что будет со мной дальше.

— Вот вы и здесь, — проронил я.

Истинные стояли разрозненной толпой.

— Наконец-то вы можете увидеть, что натворили, — я обвёл рукой окружающий меня пейзаж. Потрескавшаяся земля, река с зелёной водой...

Спровоцируй их.

— Ты с ума сошёл, — прошипел один из Истинных.

Я внезапно осознал, что не помню имена большинства из них. Все эти бессмертные для меня были на одно лицо; эдакие злые гении, расшатавшие весь мир, а теперь пытавшиеся отыскать какие-то следы счастья на его руинах.

— Это может убить нас всех, — крикнула одна из женщин. Она показалась мне в какой-то мере похожей на Матильду.

— Может, — утвердительно кивнул я. — И чтобы заставить меня остановиться, вам придётся меня убить.

А чтобы убить меня, они вынуждены будут применить силу.

Если я не ошибся в расчётах, этого хватит, чтобы магия сорвалась с цепи и поглотила их с головой. И чтобы успокоилась, как только вернёт всё то, что отобрали у неё Истинные.

А я *никогда* не ошибался в расчётах.

Я решила покинуть магазинчик, когда уже почти рассвело. Добралась до швейного цеха достаточно легко, но остановилась, замялась на пороге общежития, подумывая о том, стоит ли заходить внутрь и подниматься на свой этаж. Мне не хотелось никого видеть, а самое главное, не хотелось столкнуться с сочувствующим взглядом Тамилы, которая всем своим видом будет показывать, что она же меня предупреждала, а я, глупышка, не захотела её послушать.

Вот теперь и утираю сопли.

Рене со мной попрощался. Не потому, что обманывал меня, не потому, что не любил — должно быть, это я пережила бы гораздо легче. Нет, он уходил, собираясь совершить что-то страшное, а я никак не могла ему помешать.

— Эй!

Я содрогнулась и стремительно обернулась. У самого порога стояла Матильда.

С момента нашей последней встречи, когда она попыталась меня удушить, с женщиной явно что-то произошло. По крайней мере, она казалась куда более бесплотной, чем ранее. Я с удивлением отметила про себя, что она просвечивается гораздо сильнее, а первые лучи рассветного солнца проходят сквозь неё.

И она больше не отбрасывала даже слабую тень.

— Что тебе нужно? Пришла повторить попытку убить меня? — мрачно поинтересовалась я. — Можешь попытаться. Полагаю, Рене уже не вернется, чтобы меня спасти.

В голосе против моей воли зазвенели магические нотки. Да и вообще, в воздухе было как-то слишком много магии, и я осознала, что мне стало немного сложнее контролировать собственную силу.

На самом деле я практически не осознавала её влияние в обычной жизни. То есть, конечно, знала, что из себя представляет моя магия, ведь Рене неоднократно рассказывал мне об этом, но пользовалась ею, не понимая полноценно энергетическую структуру силы.

Но сейчас что-то пошло не так. Я очень явственно ощущала это. Мир менялся.

И менялся стремительно.

— Да, Рене уже не вернется, — утвердительно кивнула Матильда. — Но, если хочешь знать, ты победила.

— Победила?

— Да. Рене тебя любит, — заявила она. — А меня уже нет. Хотя он был моим, и я могла выковать из него всё, что угодно... Но сделала это расчётливое, разумное чудовище, которое вознамерилось спасти мир.

— Рене не чудовище, — сглотнув, возразила я.

— Ну, как сказать, — пожала плечами Матильда. — В этот раз он как никогда близок к такому статусу... Но, думаю, у тебя ещё есть все шансы ему помочь. Если не хочешь, чтобы он себя погубил, то вмешайся. Твой дар, думаю, будет не лишним в этой ситуации.

— Я не понимаю, о чём речь.

Матильда закатила глаза.

— Да что ж ты такая непонятливая-то! — раздраженно воскликнула она. — Рене

вздумал решить все проблемы этого мира одним махом. Разрубить узел, выровнять баланс. А для этого всем Истинным придётся умереть. Вместе с ним, понимаешь? И не факт, что ситуация не выйдет из-под контроля.

У Рене ничто и никогда не выходило из-под контроля. Но одно только известие о его возможной гибели уже заставило меня позабыть о том, что Рене всегда всё делал идеально.

Или наоборот.

Если он вознамерился умереть, он действительно это сделает. И я должны его остановить. Должна спасти, пока не стало слишком поздно.

Может быть, Матильда и задумала что-то коварное, но я уже не могла думать ни о чём другом. Рене никогда не бросал меня в беде, и теперь от одной мысли, что его не станет, а я даже никак не попытаюсь этому помешать, стоял ком в горле.

— Что надо делать? — спросила я.

Матильда улыбнулась.

— Иди за мной. Он нашёл средоточие и собирается устроить там светопредставление. Но, думаю, мы ещё можем успеть ему помешать.

Я коротко кивнула. От осознания того, что мы ещё можем успеть, стало значительно легче, и я заспешила за Матильдой, стараясь не отставать от неё ни на шаг.

...она вводила меня куда-то в лес. Я никогда не гуляла так далеко от швейного цеха, предпочитая вылазки в город, но сейчас старалась просто не отставать. Одежда у меня была не самая подходящая, я так и не избавилась от туфель на каблуках, не предназначенных для прогулок по лесу, но, игнорируя неудобство, спешила к Рене.

Я должна успеть.

Должна.

— Убеди его остановиться, — шелестела над ухом Матильда. — Он может сделать такое, что последствия уже будут неисправимыми. Он слишком самоуверен, слышишь? Слишком самоуверен...

Я не отрицала этого, лишь спешила. Бежала, забыв о том, что в такой одежде вообще-то не бегают, мчалась, игнорируя хлеставшие меня по плечам и лицу ветви деревьев...

Пока не выскочила на небольшую полянку у реки. Рядом красовался утёс, тонкой цепочкой прочь убежали скалы...

Земля под ногами пузырилась, вспыхивал ядовитый зелёный свет.

На поляне было многолюдно, но я рассмотрела и Рене. Он стоял напротив них всех, повернувшись ко мне спиной, и смотрел на Истинных.

В ему в грудь было направлено около десятка стрел.

— Что здесь происходит? — крикнула я, привлекая к себе внимание.

Рене обернулся. Он стоял между мною и Истинными и, кажется, был недоволен тем, что я вообще сюда пришла. В его взгляде вспыхнуло что-то сродни гневу, когда он увидел зависшую чуть поодаль от меня Матильду.

— Зачем ты её привела? — мрачно спросил он, впрочем, не у меня, а у Матильды. — Ты не могла не вмешиваться хотя бы сейчас?

— Ну, может быть, хоть её присутствие немного тебя протрезвит, — пожалала плечами Матильда. — Потому что то, что ты собираешься сделать, это чистое безумие.

— Боюсь, — твердо произнёс Рене, — уже слишком поздно. Анна, тебе будет лучше уйти. Ради твоей же безопасности. А потом, — он вновь взглянул на Истинных, стоя теперь боком, чтобы видеть и их, и меня, — мы с вами продолжим разговор.

Лица Истинных, искаженные ненавистью, показались мне какими-то странными масками. Я смотрела на них и понимала, что ничего не могу поделать со вскипавшим в моей груди отвращением. Оно поднималось одной сильной волной и затапливало всё внутри меня, и теперь ничего не стоило сказать им в лицо правду — ту, которую они заслужили услышать.

Я вспомнила слова Рене. Чтобы убить Истинных, надо восстановить баланс. Чтобы восстановить баланс — убить Истинных... Или вытащить из них всю их силу. Решение пришло в голову как-то само по себе.

— Убирайся, девчонка, — презрительно фыркнул один из мужчин. — У нас тут свои разговоры. Тебе не стоит вмешиваться, когда говорят бессмертные.

— Да что вы говорите? — изогнула брови я. — Будете угрожать?.. В любом случае, я не собираюсь никуда уходить.

Рене тоже повернулся ко мне. Трещина рядом с ним стремительно расползлась; мир умирал гораздо стремительнее, чем предполагалось, и сдерживать это стало уже практически невозможным. Мне надо было действовать быстро.

— Анна, — одними губами прошептал он, — иди.

— Вы не заставите меня уйти отсюда, — твердо промолвила я, глядя им в глаза. — Вам придётся постараться, чтобы хоть заставить меня сдвинуться с места.

В руках нескольких Истинных появились луки с золотыми стрелами. Рене побледнел пуще прежнего. Нить баланса превратилась в настоящую зеленоватую реку.

— Если твоя любовница не уйдет, — с угрозой промолвил, очевидно, предводитель Истинных, — нам придётся убить её самим. Скажи ей.

Я обернулась. Полупрозрачная Матильда стояла за моей спиной и едва заметно улыбалась. Она как будто тоже поняла, что именно я собиралась сделать.

— Стреляйте, — промолвила я.

Но не обреченно, не выдохнула, принимая свою судьбу, а проронила с вызовом, прекрасно зная, что сейчас задеваю невидимые магические струны, фактически приказываю Истинным. Если мой голос действовал на других людей, то почему здесь не должен сработать?

— Это безумие, — покачал головой Рене.

— Безумие — надеяться, что они сами войдут в эту реку и станут частью баланса, — промолвила Анна. — Безумие ждать, что тебе удастся заставить их своей силой, а потом повторила громче: — Стреляйте!

Зеленые искры снопами разлетались в стороны. Я чувствовала странное покалывание, когда они касались моей кожи, и ничто не могло пошатнуть мою уверенность. Не сводя глаз с этих людей, мужчин и женщин, что столько времени тянули силы из собственного мира, я готова была раз за разом повторять свой приказ.

— Стреляйте!

На этот раз мой голос буквально звенел от таившейся в нём силы. Мощь повеления смещалась со свободной магией, наполнившей воздух. Вдалеке прогремел гром, вспыхнула молния, отзываясь на призыв, и я поняла, что повторять ещё раз мне не придётся.

Теперь каждый из Истинных сжимал лук в руках, каждый из Истинных был готов выстрелить, каждый из Истинных собирался меня убить.

Мгновение — и они выстрелили. Я смотрела, как пронзают полный энергии воздух золотые стрелы, как вместе с ними медленно вытекает и та самая сила из Истинных, и почти была готова посмотреть своей смерти в глаза.

Где-то на заднем плане раздался громкий вопль Рене, но я почти не обратила на него внимания. Я смотрела только на золотые стрелы, которые неслись ко мне, и почти чувствовала, как они впиваются в моё тело. Сбежать не было смысла — эти стрелы найдут. Догонят где угодно.

Но в последнее мгновение я поняла, что что-то пошло не так. Вместо острых стрел меня коснулись горячие мужские руки, и я почувствовала, как кто-то прижимал меня к своей груди. Запоздало осознала — это был Рене, прикрывал меня собой.

Мир замер. Сзади тихо рассмеялась Матильда.

— Самопожертвование, — прошептала она. — Ты вернул ей то, что задолжал мне, любимый.

А потом стрелы пронзили тело Рене насквозь.

Мир раскололся на тысячи частей. От каждой стрелы исходила колоссальная энергия, а в Рене попала не одна, а несколько десятков. Но он продолжал стоять, крепко обнимая меня, защищал от любых невзгод, не позволяя магии даже притронуться ко мне. Я почувствовала что-то соленое на лице и запоздало осознала, что это слезы. Капли катились по щекам, оставляя солоноватые дорожки, попадали на рубашку Рене.

— Зачем? — только и прошептала я. — Зачем?

Крови не было. Рене до сих пор не упал, хотя был весь утыкан стрелами. Сквозь гримасу боли пробилась улыбка.

— Ты должна жить, — прошептал он. — А такие, как мы, нет. Так будет правильно. Единственный шанс защитить баланс — уничтожить бессмертных. Всех.

Энергия, высвободившаяся из стрел, разливалась вокруг настоящим морем. Энергонить наконец-то выплеснулась на свободу. Случился тот самый толчок, который вел к саморазрушению, но магия накатывала на Истинных, и я, казалось, видела, как медленно затягиваются раны-трещины, нанесенные на карту этого потрясающего мира.

Моего родного.

Рене медленно пошатнулся и упал на колени. Он всё ещё держал меня за руки, а за его спиной бушевала стихия. Магические потоки поднимались всё выше и выше, и следующая волна добралась до замерших Истинных.

...Они даже не умирали. Они растворялись в этой зеленоватой энергии, не успевая осознать собственную смерть. Мир лечился за счет накопленной в их давно уже приговорённых к смерти телах энергии, и всё вокруг выравнивалось. Я видела, как трещины, которыми покрылась земля, куда-то исчезали, и понимала, что так происходит повсюду, куда только дотянулись повреждения от дел Истинных.

Последняя волна накрыла Рене с головой, но не задела меня. Но я всё ещё чувствовала теплоту его пальцев, его дыхание, его физическое присутствие...

Энергетическая волна схлынула.

Рене остался.

Он стоял на коленях, низко опустив голову, но в его спине не было ни единой стрелы. Цепочка, на которой висели песочные часы, рассыпалась, стекло расплавилось, и весь песок попал на землю, чтобы там смешаться с простой пылью и с магической энергией, затопившей всё вокруг.

Рене поднял на меня взгляд, кажется, всё ещё не понимая, что происходит. Его губы едва заметно тронула улыбка, слабая, растерянная.

Он остался таким же! Живым... Может быть, старше на несколько лет, как будто вместе

с магией улетел весь полог бессмертия.

— Я живой, — прошептал он. — Живой. Не бессмертный. Нормальный. Живой...

— Все стали такими, как должны были бы стать к этому времени, — прошелестела Матильда за моей спиной. — Тебе всего чуть больше тридцати, мой дорогой. Конечно, ты живой. А что им пару тысяч лет, ну так даже кости так долго не лежат...

Она хотела сказать что-то ещё, но не успела. Следующая волна магии накрыла нас с головой, и я непроизвольно зажмурилась, а когда открыла глаза, увидела, что магия прошла сквозь меня и Рене, но смыла Матильду.

— Нет больше Истинных, — прошептал Рене. — Никаких Истинных! Никаких сумасшедших прыжков! Список чертовых кукол, по которому просто надо пробежаться и найти нужных людей... Это звучит похоже на сказку!

Он вскочил на ноги и крепко прижал меня к себе. Я пискнула от неожиданности, но прильнула к нему, наслаждаясь близостью любимого мужчины.

— Зачем ты заступил меня собой? — шепотом спросила я его. — Ты же мог пострадать.

— Ничего б со мной ни случилось, — решительно мотнул головой Рене. — А если б и пострадал, это лучше, чем твоя гибель. Я всё равно собирался на тот свет.

— Я тебе дам на тот свет!..

— Уже не собираюсь, — хитро улыбнулся Рене.

И, забыв о тех днях холодности и страха, что были у нас, вдруг поцеловал меня. Легко, страстно, нежно. Так, словно не случилось ничего плохого.

А я просто ответила ему взаимностью. Слишком сложно было вспоминать о всех жестоких клятвах, об обещаниях, данных сгоряча, о том, как считала проявление его любви настоящим предательством...

Всё это осталось позади. Сейчас мы были друг у друга и наслаждались потрясающим единением, не собираясь расставаться ни на одну секунду, ни на миг! И вряд ли что-то могло переубедить нас в этом нелегком решении.

— Я люблю тебя, — выдохнул Рене, прерывая поцелуй. — Теперь я могу это сказать.

Мне хотелось его ударить. Хотелось сказать, что он не имел права от меня отстраняться, не имел права обжигать своей холодностью, раз уж так любил, не должен был ничего от меня скрывать — потому что с любимыми так не поступают. Но это бы только оттолкнуло и оскорбило его, не возымев никакого реального эффекта.

Потому что я ошибалась.

Поступают.

Если Рене и пытался от меня отстраниться на время, то только ради меня самой.

И вместо лишних оскорблений я прошептала:

— Я тоже тебя люблю.

Рене улыбнулся.

— Так значит, — хитро поинтересовался он, — ты выйдешь за меня замуж?

И, не дожидаясь согласия, поцеловал вновь.

— А что будет с перемещенцами? — тихо спросила я, прижимаясь к плечу Рене. — Ты же порвал все нити, которые к ним вели? Баланс попытается их уничтожить...

На самом деле, говорить о делах совершенно не хотелось. Хотелось просто лежать в его объятиях, ни о чём не думая, и наслаждаться поцелуями. Мы почти потеряли голову друг от друга, когда наконец-то поняли, что опасность миновала, а Истинных больше не осталось, но сейчас, полулежа в кольце горячих рук Рене, я пришла к выводу, что определённые вопросы обсудить всё-таки придется.

— Думаю, баланс больше не станет действовать так радикально, как прежде. Он уже не настолько расшатан, — легко и почти беззаботно ответил мужчина.

— Ты уверен?

— Нет, — усмехнулся Рене. — В чём я могу теперь быть уверен? Я же простой человек... — он перехватил мой серьёзный взгляд и расхохотался. — Анна! Мне бессмертие отшибло, а не мозги или основной магический дар. Буду искать и дальше, теми же методами, что и прежде. Потихоньку переведём всех. Продолжу туда-сюда переходить между мирами.

— А ты всё ещё сможешь?

— Конечно, — кивнул Рене. — Мы же переходили в другие миры не потому, что Истинные, а потому, что знали правильный ритуал и умели вскрывать пространство. Теперь, когда у меня в руках есть энергосеть, я могу делать это ещё проще, чем прежде. Так что не о чем волноваться. Время у нас есть. Тем более, теперь есть и понимание, как могут выглядеть эти люди, которых поменяли местами. Даже если указателей больше не осталось. Обращусь к Эдите и Себастьяну, поднимем базы и возьмёмся за дело.

Я облегченно вздохнула. Если честно, приятно было осознавать, что произошедшее не повлечёт за собой смерти ни в чём не виноватых людей. Достаточно того, что Истинные, отбыв свой срок жизни, теперь превратились всего лишь в энергию этого мира.

Мне было спокойно. Магия, существовавшая прежде где-то отдельно от моего тела и отзывавшаяся только на очень громкий зов, приятно растекалась по телу, и я никак не могла избавиться от ощущения, что именно в тот момент, когда попыталась принять на себя золотые стрелы, смогла стать цельной. До этого существовала только какая-то разобранная, сложенная из десятков крохотных частиц Анна.

Но теперь этого конструктора, из которого кое-как формировался живой человек, не существовало. Была только полноценная живая девушка по имени Анна, и, надо сказать, она была счастлива.

Я потянулась к Рене, чтобы поцеловать его в уголок губ, и потом вновь устроилась в его объятиях. Мужчина крепко обнимал меня за талию, второй рукой поглаживая по спине, и от его прикосновений я буквально таяла, не представляя, как сейчас действительно вспоминать о работе, о бесконечном перечне дел, которые ещё ждут и меня, и его.

— Знаешь, — прошептала я совсем тихо, — даже не верится, что всё так хорошо закончилось. Что мы живы...

— Ты всерьёз собиралась умирать?

— Да, — кивнула я. — я шла с уверенностью, что могу встретить свою смерть, но мне не было страшно. Я просто понимала, что так нужно. Если я не сделаю этого, то будет ещё

хуже...

— Хотел бы я сказать, что справился бы и сам, — прошептал Рене, — но не знаю. Мы с тобой сделали это именно вдвоём.

— Ну, Матильда тоже поучаствовала.

— Матильда сначала активно поучаствовала в том, чтобы всё испортить.

Я ничего не ответила. На самом деле, мне до сих пор не удалось до конца понять мотивы и замысел Матильды. Она плела какой-то огромный клубок интриг, а теперь он вдруг рассыпался, превращаясь в пепел, и теперь уже не узнать, были ли там узлы, или она на самом деле просто водила всех за нос по цельной дороге, которую, впрочем, далеко не каждому удавалось преодолеть.

Рене не комментировал её участие во всём этом, но мне почудилось, что он сам не может точно определить, какими же мотивами руководствовалась эта поразительная женщина.

— Давай просто о ней забудем, — наконец-то промолвил он. — Матильда никогда не была однозначной. Я понимаю, наверное, проще поверить в то, что она от начала и до конца была плохой, но у меня почему-то не получается...

— Ты её любил.

— Я во многом обманывался, — покачал головой Рене. — И потом понял, что ту привязанность нельзя назвать полноценной любовью. Ну или... с тобой просто всё иначе. Действительно иначе. Чувства, которые я испытывал к Матильде, остались в далёком прошлом, и ворошить его нет никакого смысла. Она ушла; ушли бессмертные. А мы с тобой остались.

Его слова звучали достаточно печально, но в глазах мужчины то и дело вспыхивали весёлые искорки. Он потянулся ко мне, чтобы поцеловать, и я тоже прильнула к мужчине, не видя ни единого повода оттолкнуть его или каким-то образом высказать своё нежелание контактировать.

Что уж лгать — мне в самом деле хотелось вновь утонуть в его объятиях и просто поверить в то, что всё самое чудовищное осталось позади, а впереди только возможность наслаждаться жизнью...

Рене поцеловал меня, но перейти к чему-то большему не успел. Дверь бесцеремонно распахнулась, и на пороге застыла Селена.

— Так и знала, что вы здесь, — заявила она, словно каждый день заставляла нас вдвоём в постели. — А там, между прочим, кошмар.

— Какой кошмар, Селена? — раздражённо поинтересовался Рене. — Что могло случиться, чтобы ты без стука врвалась в чужую спальню и сразу начинала с претензий?

— Я могу и не врываться, — хмыкнула женщина. — Но тогда кто вам сообщит о том, что в наш магазин припёрся этот мерзкий Войчик и собирается его закрыть? Я, конечно, не слишком-то вас двоих люблю, но мне тут работать понравилось, потому я радею за общее дело! А общее дело требует немедленного вмешательства начальства!

Уже этого заявления в исполнении Селены было вполне достаточно, чтобы понять: дело серьёзное. Мы с Рене не стали медлить; не отвлекаясь на лишние разговоры, быстро оделись и, наспех открыв портал, переместились в город.

...На двери магазинчика всё ещё красовалась табличка «закрето». Было довольно рано и для покупателей, и, собственно, для прихода продавцов, но сквозь заставленную красавицами-куклами витрину я различила и нескольких сотрудниц, и мерзопакостного

Войчика, один вид которого вызывал отчаянное желание пристрелить его на месте, и каких-то троих незнакомцев у него за спиной, переминавшихся с ноги на ногу с не слишком умным видом.

— Проклятье, — прошипел Рене, толкая дверь. — Эти-то что здесь забыли.

Внутри в магазине царила атмосфера тревожности. Сотрудницы швейного цеха сбились в кучку, пытаясь, кажется, спрятаться за спиной самой смелой из них — хрупкой Милли. Та, скрестив руки на груди, должно быть, уже в десятый раз ледяным голосом повторяла:

— Мы не можем ничего делать, пока не придёт начальство. Вы пришли слишком рано. В такое время магазин ещё не работает, и ждать тут кого-то нет смысла...

Один из молчаливых мужчин за спиной Войчика, заметив нас первым, дернул их предводителя за плечо. Владлен жестом велел Милли замолчать — она так и запнулась на полуслове, крайне недовольная подобным обращением, — и расплылся в мерзкой улыбке.

— Ну наконец-то! — провозгласил он, словно мы где-то скрывались от него, а не пришли по первому же вызову ранним утром. — А вот и начальство! А то я уже совсем утомился общаться с этими клу... — он перехватил взгляд Рене, откровенно угрожающий, и решил всё-таки воздержаться от оскорблений. — С этими девицами. Хотелось бы приступить к беседе с кем-то более компетентным.

— Надеюсь, — наши кандидатуры вас устроят, — сухо промолвил Рене.

— Как же, как же... С такими уважаемыми людьми, как вы, всегда приятно иметь дело, — ухмыльнулся Войчик. — Мне, к примеру, будет очень приятно побеседовать с вами... Надеюсь, мой ранний визит не слишком вас потревожил?

Вероятно, от нас требовался какой-нибудь ответ, но мы молчали, потому Войчик, не одержав должной поддержки, продолжил:

— Однако, а чудная же погода, верно? Казалось бы, лето уже подходит к концу, но на улице всё ещё солнечно, никаких дождей... Сплошное наслаждение...

И опять умолк, явно рассчитывая на то, что мы не позволим паузе затянуться.

— Вы пришли сюда для того, чтобы обсудить погоду и пообщаться на общие темы, или, может быть, всё-таки по делу? — не удержалась я.

От расшаркиваний Войчика было противно. Он летел на минимальный успех нашего швейного цеха, как муха на котлеты. Такое впечатление, что даже сейчас, когда враг, казалось бы, побежден, Истинных больше нет, Войчик считал своим долгом всё-таки нас добить. Не дать сполна насладиться торжеством добра! И чем мы ему так не нравимся?

Вот и сейчас, услышав моё требование говорить прямо, он растянул свои тонкие губы в мерзкой улыбке и протянул:

— Вы очень проникательны, госпожа Анна, да и менеджер довольно талантливый. Очень жаль, что свои таланты направляете не в то русло. Тратите их на какой-то жалкий швейный цех.

— Позвольте мне самой решить, на что тратить собственные таланты. Ближе к делу, — зло промолвила я, так быстро, что Рене даже не успел вмешаться.

— Что ж, к делу так к делу... Я пришел закрыть ваш магазин. Собственно, и магазин, и сам швейный цех, коль уж на то пошло...

На этот раз у меня не было что ответить. Я так и умолкла, радуясь, что хотя бы рот не открыла от удивления — смогла удержать собственные эмоции в узде, какой бы сложной задачей мне это ни показалось. А Войчик же явно торжествовал; стоял, грудь колесом, радовался, что ему удалось выбить меня из колеи.

Рене первым пришел в себя. Он не позволил даже минутному шоку накрыть его с головой и лишит способности мыслить здраво.

— На каком основании вы собираетесь это сделать? — холодно поинтересовался он, вновь возвращаясь в ампула мрачного жесткого руководителя, которому под силу очень многое.

Увы, но это не сбило с Войчика спесь.

— Документы недействительны, — отметил он. — Если вы не заметили, вот, смотрите, подпись. «Глава Канцелярии Высших Сил...» И далее по тексту. Это о вас, о вас, господин Рене, идёт речь. Но сегодня в наш отдел пришло уведомление о том, что истинных больше не существует. Стало быть, и должность ваша недействительна, а вместе с нею и лицензия на работу вот этого вот всего.

Он буквально светился от радости, показывая, что наконец-то сумел нашкодить, сумел до нас добраться. Теперь Рене не казался ему ни всемогущим, ни внушающим ужас. Просто мужчина, живой человек, которого можно обмануть, оскорбить, как и любого другого.

Так неужели всё, чего мы столько времени достигали, вот так просто удастся уничтожить из-за одного Владлена Войчика и его придиричivosti?!

Я, не помня себя от страха, забыв и про дар убеждения, и про всё остальное, затаив дыхание, взглянула на Рене.

А Рене улыбался. Спокойно так, уверенно, словно не услышал от Войчика, во-первых, ничего нового, а во-вторых, ничего страшного.

— Да, конечно, вы предоставили довольно интересные документы, — протянул он. — Однако, подскажите мне, с чего вы взяли, что должность Главы Канцелярии упразднена?

— Так Истинных же нет, — отметил Войчик.

— Истинных нет. Но я что-то не помню, чтобы существование Канцелярии от них зависело, — легко ответил Рене. — Нет, дорогой мой. Вы ошиблись. Я как занимал эту должность, так занимаю её до сих пор. А вот вы в очередной раз явились с несправедливыми обвинениями... нехорошо это, господин Войчик.

— Но да как же...

— Боюсь, я и так был слишком к вам терпелив, — припечатал Рене. — Это уже давно пора было прекратить. Я сейчас же обращусь к вашему начальству с требованием вас уволить.

Рене говорил уверенно. Я взглянула на него и с удивлением поняла, что он не врет. Нет, мужчина не зря так легко заявлял о правомочности своей власти! Я достаточно хорошо знала Рене. Чтобы не сомневаться: если он уже решился вести разговор в подобном тоне, значит, считает, что имеет полное на то право.

Войчик в это, кажется, до сих пор не верил. Но серьезное выражение лица Рене очень даже повлияло на его приспешников.

Ещё минуту назад за спиной у Войчика стояло трое мужчин, явно намеревающихся поддержать его в намерении избавиться от нашего небольшого предприятия, а теперь их всех как будто след простыл. Да и девочки у меня за спиной заметно приободрились, вдохновились идеей изгнания надоедливого проверяющего прочь.

— Пройдемте со мной, господин Войчик, — спокойно промолвил Рене. — Сначала в Канцелярию, которой, по вашему пониманию, уже не существует. А потом и в отдел по борьбе с экономической преступностью. Думаю, вашим коллегам будет очень интересно узнать о том, что вы так упорно проверяли этот швейный цех, существующий на вполне

законных основаниях... Я удивлён, между прочим, той настойчивостью, с которой они выдавали вам ордера на обыск и прочую документацию. Надо будет поинтересоваться, не ускорили ли вы каким-либо образом выдачу себе соответствующих разрешений... Не то чтобы я в чём-то вас подозревал, что вы, что вы! Просто как-то любопытно так получается...

— Это какая-то ошибка, — заблеял Войчик, пятясь к двери. — Я не понимаю, о чём идёт речь. Я всего лишь выполнял свои профессиональные обязанности...

— Конечно. Просто вы сверх меры проявляли инициативу, — улыбнулся Рене. — А я хочу удостовериться, что в какой-то момент, силясь поймать преступников, вы не увлеклись слишком сильно и не попытались задействовать доступные вам рычаги влияния вопреки всем законам. Ведь мы все придерживаемся законодательства, верно?

Он не дал убежать Войчику прочь, крепко схватив его за плечо. Тот дёрнулся, но, разумеется, убежать не сумел. Рене всё-таки был сильным, подтянутым мужчиной, даром, что вчера ему пришлось немало пережить, и это потрясение могло каким-нибудь образом сказаться на организме.

А Войчик... Что о нём можно сказать? Слабый, тщедушный...

— Скоро вернусь, — улыбнулся мне Рене. — И обсудим вопрос подготовки к нашему торжеству. Ну и заодно посмотрим, какие у нас планы на будущее. Не скучай.

Он весело подмигнул мне, но это благодушное настроение мужчины отнюдь не распространялось на Войчика. Рене крепко держал его и подтолкнул к выходу, показывая, что пора б и честь знать. Судя по радикальному, хоть и хорошему, настроению Рене, работать в отделе борьбы с экономической преступностью нашему прекрасному другу Владлену больше не придется.

Но ничего страшного. Найдёт себе работу поспокойнее, поприятнее. Не станет больше волноваться о чужих лицензиях...

И под горячую руку не попадёт, если что. Желающих набить ему морду, опять-таки, явно станет гораздо меньше.

Дверь за мужчинами захлопнулась. Я поправила табличку «закрето»; до приёма покупателей оставалось ещё минут пятнадцать свободного времени, и всем нам надо было для начала выдохнуть и успокоиться, а потом с чистой душой браться за дело.

— Госпожа Анна, — тихо промолвила Милли, как самая смелая из присутствующих сейчас в магазине представительниц швейного цеха, — а что будет-то?

— Хорошо всё будет, — улыбнулась я. — Продолжим работать. Может... Может, на расширение пойдем. Наконец-то закончим ремонт. Зарплата у всех будет достойная. И обвинения с вас, разумеется, снимут. Теперь уж точно всё.

Мои подчинённые просто переглядывались между собой, пока что пытаясь не улыбаться слишком радостно. Каждая осторожничала. В целом, я их понимала; после всего пережитого мне самой как-то не верилось в то, что всё будет хорошо.

Но Рене обещал. А я ему верила.

— Милли, — обратилась я к одной из девушек, — а как ты смотришь на то, чтобы вновь шить для людей?

Швея удивлённо улыбнулась.

— Мы расширяем производство?

— Ну, — я вздохнула, — об этом пока что говорить рано... Но на самом деле я всего лишь хотела попросить, чтобы ты пошила мне свадебное платье.

Милли замерла на секунду, словно пытаясь понять, о чём я вообще говорю... А потом

радостно взвизгнула и бросилась меня обнимать.

А я, за миг до того, как оказаться в кольце её рук и увидеть, что к нам бегут и другие девушки, слышавшие о свадебном платье, успела осознать, что всё-таки нашла не только любимого, а и свою семью, и своё место в этом мире...

...Вопреки нашей спешке поначалу, свадьбу пришлось отложить почти на год. Сначала зарядили осенние дожди, надо было срочно выделять бюджет на ремонт общежития, потом — зима, холод, появилось множество дополнительных проблем и задач, которые нужно было решать. Весной мы расширяли производство, и, может быть, утонули бы в работе окончательно, если б Рене не поставил меня перед фактом: плевать ему на свадьбу, но он хочет видеть меня своей женой.

...А потом случилось кое-что такое, что я окончательно осознала, что тянуть дальше некуда. И именно потому сейчас стояла в роскошном платье, сшитом Милли, у алтаря и дрожала от волнения, представляя, как буду произносить брачные клятвы, должно быть, самые важные и самые сложные слова...

Рене выглядел потрясающе. Казалось, стоило ему сбросить бремя бессмертия со своих плеч, как мужчина расцвел — и моментально развёл кипучую деятельность. Рене успевал везде, и я наконец-то поняла, что имела в виду Эдита, когда говорила, что унять её брата практически нереально, но под бременем ответственности и стыдом за Истинных он медленно угасал.

Теперь его не сдерживало ничего. И Рене не бросил свою Канцелярию. Продолжала работать программа адаптации попаданцев. Рене и его подчинённые носились туда-сюда между мирами, на сей раз, впрочем, выбирая более мягкие методики перемещения людей в мир, в котором они родились. Рене говорил, что некоторых можно было бы и оставить, баланс уже был в гораздо лучшем состоянии и практически не подвергался риску, но... Кто знает, вдруг кто-то из этих людей попытается нарушить структуру не своего мира? Вдруг у него это удастся? А если и не удастся, то всё равно всё закончится летальным исходом...

Нет. Рене считал — и я была с ним совершенно согласна, — что каждый должен находиться в своём мире. Просто всегда можно смягчить процедуру адаптации, позволить людям привыкнуть к новым условиям, и именно это сделал Рене.

Однако это была не единственная его работа. Поняв, что магов становится всё больше, а их сила, не регулируемая фантомным управлением Истинных, может легко выйти из-под контроля, он взялся и за законодательную базу, и за создание программ обучения для таких, как я. Конечно, ждать быстрого результата в таком деле смешно, но мы уже пожинали первые плоды трудов Рене.

Я же всё это время пропадала в швейном цеху. Ведь столько всего надо было сделать! Мы отремонтировали здание, привели в порядок общежитие, которое со временем грозило превратиться в полноценный жилой дом — если, конечно, провести полную его реконструкцию. Сама я там уже не жила, давно перебралась к Рене, но знала, что многие девушки не желали покидать родные места, а что уж говорить о женщинах постарше, видевших своё будущее только в работе!

Швейный цех теперь тоже не напоминал полузаброшенное здание, а выглядел просто прекрасно. Мы могли позволить себе и нормальное оборудование, и прекрасные материалы. Разумеется, решился и вопрос с зарплатами — они не просто выплачивались, а и росли по мере становления цеха. Со временем Ивар нанял нескольких учеников дополнительно, потом что сам не справлялся, задумались и об автоматизации...

Расширяли производство. Весной открыли уже линию одежды для людей, разумеется, в отдельном магазине, потому что одними куклами сыт не будешь, и хотя дело только набирало обороты, я нисколько не сомневалась в том, что оно будет успешным. Первые результаты уже были, и они меня полностью удовлетворяли.

Да, в таком круговороте оказалось очень сложно найти даже свободную минутку, не то что долгие дни и часы на подготовку свадьбы. Но, тем не менее, это случилось. Мы стояли друг напротив друга, смотрели друг другу в глаза...

И любовались друг другом.

Я больше не чувствовала себя нелепой на фоне этого роскошного мужчины. Да, Рене был невообразимо красив — но его постоянные комплименты, его улыбки, его восторженные взгляды заставили меня поверить в то, что я рядом с ним не просто так. Что я любимая.

Да и прекрасное платье от Милли, белое, воздушное, заставляло меня чувствовать себя настоящей принцессой.

И мы с Рене не замечали ничего и никого вокруг, кроме друг друга. Даже распорядитель свадебной церемонии, который должен был и зарегистрировать наш брак, не мог привлечь наше внимание. Я с трудом расслышала его предложение давать свадебные клятвы, и Рене начал первым.

— Анна, — произнёс он твёрдо, — до встречи с тобой я был уверен, что любовь — самое разочаровывающее, что случалось со мной в жизни, и что я больше никогда никого не полюблю. Но я ошибался. Когда мы столкнулись впервые, я подумал, что, может быть, это смешное наваждение, но со временем понял: до встречи с тобой я никого не любил настолько сильно. Ты невероятная, Анна. И я клянусь, что буду делать всё, чтобы ты была счастлива. Да, я готов за тебя погибнуть; но знаю, что на самом деле мой долг — быть рядом с тобой, а не полечь немым героем, оставив возлюбленную наедине. Обещаю: я буду с тобой и в часы счастья, и в минуты печали. И ничто не заставит меня тебя разлюбить.

Я сглотнула. Мы вроде как должны были подготовить клятвы, но слова полились сами собой, без всякой лишней заготовки.

— Рене, — промолвила я, собравшись наконец-то с мыслями. — Наша первая встреча, скажем прямо, была далеко от понятия романтической. Я тогда дико испугалась — приняла тебя за какое-то чудовище, за маньяка... А потом поняла, что ты — другой. Я боялась влюбиться, потому что считала, что я тебя недостойна, слишком серая, слишком обычная для тебя. И влюбилась, потому что иначе просто не могла. Моё сердце не спрашивало, хочу я этого или нет. И я обещаю быть с тобой. Обещаю сделать тебя счастливым, потому что это сделает счастливой и меня. И в часы счастья, и в минуты печали... Мы будем едины. Клянусь.

Рене не стал дожидаться повеления распорядителя. Он потянулся к крохотной подушечке с кольцами, взял женское, потом — коснулся моей руки и осторожно надел колечко на палец.

Я ответила ему тем же. Два золотых ободка на наших руках — простой символ единения, — вспыхнули на мгновение едва заметным магическим сиянием и погасли, утверждая действительность клятв.

— Рене, можете поцеловать свою супругу.

Казалось, после всех произнесённых клятв простой поцелуй, коих в нашей жизни было тысячи, не имел особого значения. Однако, когда Рене привлек меня к себе и коснулся губ,

мне показалось, что всё это происходит в первый раз. И даже отступил страх, что мою новость, ту самую, которую я никак не могла ему сообщить, он может принять как-то неправильно.

Ведь этот мужчина любил меня сильнее всего на свете.

А я любила его.

Он обнимал меня за талию, крепко прижимая к себе, и целовал — в губы, так страстно, что я даже дышать забывала, так крепко, что всё остальное просто не имело значения. Мир вокруг посерел, поблек, и вся моя вселенная теперь сконцентрировалась в одном единственном мужчине. В моём Рене.

Хотелось верить, что для него я тоже сейчас была самой главной.

И он не давал мне повода усомниться в этом.

Когда наш поцелуй наконец-то прервался, возвращаться в реальность было тяжело. Вокруг радостно шумели приглашённые на свадебную церемонию гости, что-то говорил венчавший нас мужчина, но все звуки смешались в единую какофонию, и мы с трудом пришли в себя достаточно, чтобы повернуться к гостям, улыбнуться им, отдавая частичку счастья не друг другу, а посторонним людям.

Кажется, и я, и Рене одинаково печалились оттого, что сейчас не могли бросить всё и сбежать, а вынуждены были отправляться к уже заказанному ресторану, ждать там гостей, принимать их подарки и слушать поздравительные речи.

Первыми подошли родители Рене, улыбочивые, счастливые. Мы с ними отличноладили; мать Рене приняла меня, как родную, хотя при ней я старалась не упоминать, что почти двадцать пять лет прожила в другом мире.

Женщина так старательно отрицала существование параллельных миров, словно это не её дочь вернулась из того же мира, что и я. Впрочем... Рене говорил, его родителям всё ещё было больно, и родной они считали не только эту Эдиту, а и ту, что убежала от них сквозь портал в положенный ей по рождению мир.

Отец у Рене был немного мягче матери, улыбочивый, довольно молодой ещё мужчина; они с сыном были неуловимо похожи, хотя я так и не смогла определить, у кого Рене унаследовал свою потрясающую красоту, равно как и сильный магический дар.

Они поздравляли быстро, пряча слёзы счастья и умиления, и уступили место Себастьяну и Эдите и их подростку.

Эдиту я была рада видеть едва ли не больше всех. Мы невероятно сдружились за прошедший год, и мне порой чудилось, что она моя сестра, а не Рене. Её горячая поддержка и желание поскорее нас поженить, кажется, было главной причиной, из-за которой мы всё-таки устроили эту свадьбу — и сделали это раньше, чем целая армия купидонов с любовными стрелами выстроится у нас перед окном, заставляя наконец-то пожениться.

Пожелания Эдиты и Себастьяна были тёплыми и очень сердечными, и когда они тоже отошли в сторону, я ощутила лёгкую грусть, осознавая, что никого столь же искреннего здесь больше нет.

Очередь желающих поздравить медленно продвигалась вперёд. Перед нами остановилась Тамила, и я с удивлением отметила, что у неё в глазах стояли слёзы. Даже подумала — неужели она опять возьмётся за старое? Неужели опять попытается доказать мне, что я совершила ошибку? Это было бы слишком жестоко... Я не хотела слушать, что во всём была безгранично неправа. Не сейчас, когда стояла под руку с любимым мужчиной и представляла, какой прекрасной семьёй мы будем.

Слёзы в глазах Тамилы засверкали ещё заметнее. Она подалась вперед, хватая меня за свободную ладонь, и вдруг промолвила:

— Я столько времени была против этих отношений, Анна, потому что боялась, что эта любовь тебя погубит. Мне казалось очевидным: от красивых мужчин добра не жди, а уж если это ещё и Истинный, то не жди вдвойне...

Она посмотрела на Рене, так выразительно, словно он должен был подтвердить её слова, а потом выдохнула:

— Я так рада, что я ошиблась. Вы... Вы двое действительно любите друг друга, и вряд ли существует сила, которая способна вас разлучить. Будьте счастливы. И... Простите уж меня, глупую старуху, за всё то, что я было наговорила, за все препятствия... Зря я это затеяла. Не следовало мне.

— Мы не держим зла, — улыбнулась я.

Рене коротко кивнул. Он недолго любил Тамилу, но знал о её преданности делу, потому никогда не спорил, когда я давала поручения ей, а не кому-нибудь другому. Мне казалось, между ними был какой-то секрет, о существовании которого меня просто не поставили в известность, но это вряд ли имело значение сейчас. Тамилу просто была такая, как она есть — простая, со своими странностями женщина, по-своему добрая, тёплая, уютная, хоть иногда и чрезмерно резкая.

Я именно такой её и любила.

В этом мире я не успела обзавестись слишком большим количеством друзей, но могла причислить Тамилу к их кругу, вопреки всему, что в то или иное время возникало между нами.

— Поздравляю, — выдохнула ещё раз Тамилу и крепко обняла меня, прежде чем отступить в сторону.

...Следом за ней потянулись и все остальные. Гостей было предостаточно; я и не думала, что мы с Рене общались с таким широким кругом людей. Поздравляли и все сотрудницы швейного цеха, и Томас, к слову, заинтересованно косившийся на Милли, и даже Селена, которая всё так же активно выражала своё неодобрение по отношению к Рене, явно терпеть не могла его за какие-то старые стычки, но сейчас вполне искренне поздравляла с женитьбой. Кого-то из пришедших нас поздравить я знала хорошо, кого-то — совсем нет, но мне сейчас казалось, что не было человека, который желал бы нам зла.

А если и был, то ничего у них не получится!

Вереница гостей наконец-то подошла к концу, и мы с Рене добрались до стола, признаться, уже достаточно измотанные, чтобы устать от собственной свадьбы прежде, чем она успела толком начаться. Все вокруг шумели, гремела громкая музыка, и мне почудилось, что этот ресторан вот-вот просто развалится на части после нашего празднования.

Но ресторан выдержал, еды хватило на всех, хотя некоторые люди явно явились без приглашения и скорее для того, чтобы поесть, а не для того, чтобы поздравить жениха и невесту. Были и танцы...

Самый первый наш вальс, в котором я почему-то чувствовала себя бегемотихой, хотя на репетициях выходило неплохо. С трудом расслабилась, подчиняясь нежным, но сильным рукам своего уже не жениха, а супруга, и потом долго слушала комплименты о том, как это было прекрасно, хотя не верила ни единому льстивому заявлению. Может, не верила зря...

Шум гостей поглотил нас практически с головой. И когда по десятому кругу кричали «горько» по неизвестно откуда притащенной сюда традиции, когда перед глазами всё начало

плыть от перенапряжения и необходимости постоянно улыбаться, я поняла, что сейчас самое время для откровений. Должна же я признаться Рене...

Было страшно. Я понятия не имела, как он отреагирует на новость, и потому, собственно, и не говорила. Вроде бы, всё логично, мы уже муж и жена, давно этого хотели, но я продолжала опасаться, как, наверное, и каждая женщина в такой момент, сталкиваясь с неопределённостью, волей-неволей начинает бояться, что реакция будет не такой, как она надеется.

Мне следовало рассказать Рене обо всём ещё до свадьбы, до того, как мы обменялись брачными клятвами, но я не решилась. Теперь корила себя за это; понимала, что он может обвинить меня ещё и в том, что я не хотела признаваться и...

— Рене, — прошептала я, касаясь его руки. — Давай сбежим?

В его синих глазах сверкнуло озорство. Мужчина улыбнулся и, кивнув, осторожно поднялся со своего места и потянул меня за руку, увлекая за собой. Пока кто-то оглашал очередной тост, а зал вновь разразился весёлым, но уже немного пьяным смехом, мы успели выскользнуть на улицу, прикрыть за собой двери и, не заботясь больше о гостях, убежать прочь.

Ушли недалеко, к реке. Это была та самая, что там, у утёса, где мы с Рене оба собирались умирать, только, разумеется, немного дальше. Та местность сейчас тоже ничем не выдавала произошедшего; трещины на земле исчезли, вода уже не была зелёной. Но я так и не рискнула подойти поближе, а Рене, казалось, вообще остерегался того места. Зато на реку теперь смотрел с улыбкой.

Наверное, радовался тому, что в воде нет примесей той зелёной жижи.

...Собственно, их уже нигде не было. Энергонити спрятались глубоко под землю, в том числе и подведённая к швейному цеху. В один миг по всему миру погасли жилы выбивающейся на свободу силы, характеризующейся главным — дисбалансом.

И это было замечательно.

...Энергоснабжение цеху удалось вернуть законным путём, благо, после изгнания Войчика и пропажи всех Истинных с Рене и вовсе не решались спорить, даром, что у него на шее больше не было цепочки с песочными часами. И когда мы приходили в швейный цех и прислушивались к мерному гудению электроэнергии, местной, модифицированной, но всё равно не имеющей ничего общего с теми жилами силы мира, что протекали вниз, признаться, я испытывала в первую очередь спокойствие и довольство.

Мы подошли к самому берегу и остановились у кромки воды. Рене крепко сжал мою руку, и я почувствовала какую-то удивительную невысказанную поддержку от него.

Всё-таки, между нами была не только любовь. Взаимоподдержка, ответственность друг за друга, доверие... И мне стало стыдно, что я столько молчала про новость, несомненно, важную для него не меньше, чем для меня.

— Рене... Мне давно следовало сказать, — я повернулась к нему. — Точнее, как только узнала. Неделю назад, и... Рене, — я вздохнула. — Я жду ребёнка.

Какую-то секунду мы просто смотрели друг другу в глаза, и я с трудом сдерживала себя, чтобы не начать нести всякий бред о том, что это незапланированно, я виновата, не знаю, как это получилось и не имела права молчать. Потом... Потом скажу. Когда он ответит.

А Рене вдруг улыбнулся — так ярко, как только умел только он сам, и выдохнул:

— Мы ждём ребёнка.

И хотя умом я понимала, что странно ждать чего-то другого, мне показалось, будто

камень с души свалился.

— Я тебя люблю, — прошептала я, прижимаясь к мужу, застывая в его объятиях.

— А я тебя, — тихо рассмеялся он. — И буду любить нашего ребёнка. И, может, не одного?..

Мы расхохотались в один голос, хотя не было сказано ничего смешного — просто так странно оказалось загадывать далеко в будущее...

— Вместе навсегда? — прошептал Рене совсем тихо.

— Ну, мы не будем жить вечно...

— И это лучшая новость за последний год, — рассмеялся он. — Но навсегда?

— Навсегда, — ответила я. — Навсегда...

И первой поцеловала мужа.

Конец

Больше книг на сайте - Knigoed.net